

LEGAL CONCEPT

2025

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LEGAL CONCEPT

2025
Volume 24. No. 1

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2025
Том 24. № 1

LEGAL CONCEPT
PRAVOVAYA PARADIGMA

2025. Vol. 24. No. 1

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПН № ФС77-69269** of March 29, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation Index**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **CrossRef** (USA), **Google Scholar** (USA), **ProQuest** (USA), **SciUp** (Russia), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), **IPRbooks E-Library System** (Russia), **E-Library System “University Online Library”** (Russia)

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *I.S. Dikarev* – Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. *M.L. Davydova* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *A.V. Milikova* – Executive Secretary (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *D.V. Kononenko* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *A.Kh. Abashidze* (Moscow); Dr. *L.A. Bukalero* (Moscow); Prof., Dr. *G.A. Vasilevich* (Minsk, Belarus); Prof., Dr. *A.I. Goncharov* (Volgograd); Prof., Dr. *N.I. Grachev* (Volgograd); Prof., Dr. *M.L. Davydova* (Volgograd); Prof., Dr. *T.V. Deryugina* (Moscow); Prof., Dr. *V.V. Dolinskaya* (Moscow); Prof., Dr. *N.Yu. Erpyleva* (Moscow); Prof., Dr. *L.G. Efimova* (Moscow); Prof., Dr. *V.P. Kamyshanskiy* (Krasnodar); Prof., Dr. *D.K. Labin* (Moscow); Prof., Dr. *L.V. Lobanova* (Volgograd); Prof., PhD *Massimo La Torre* (Catanzaro, Italy); Prof., Dr. *I.A. Mikhaylova* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *N.V. Pavlichenko* (Moscow); Dr. *J.L. Perez Alvarado* (Dominican Republic); Prof., Dr. *V.F. Ponka* (Moscow); Prof., Dr. *S.B. Rossinskiy* (Moscow); Assoc. Prof., Dr. *V.A. Rudkovskiy* (Volgograd); Prof., Dr., Acad. of RANH *V.A. Ruchkin* (Volgograd); Assoc. Prof., Dr. *A.V. Serebrennikova* (Moscow); Prof., Dr. *E.E. Frolova* (Moscow); Prof., Dr. *O.A. Yastrebov* (Moscow)

Editor, Proofreader is *S.A. Astakhova*

Editor of English texts is *D.A. Novak*

Making up and technical editing by *O.N. Yadykina*

Passed for printing on Mar. 3, 2025.

Date of publication: June 19, 2025. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 11.1. Published pages 11.9.

Number of copies 500 (1st printing 1–29 copies).

Order 28. «C» 8.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Posp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House

of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Posp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-02-72. Fax: (8442) 46-18-48.

E-mail: vestnik5@volsu.ru

Journal website: <https://j.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

LEGAL CONCEPT
ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2025. Т. 24. № 1

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-69269 от 29 марта 2017 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», вступивший в силу с 01.12 2015 г.

Журнал включен в базу Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **CrossRef** (США), **Google Scholar** (США), **ProQuest** (США), **SciUp** (Россия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия), **Электронно-библиотечная система IPRbooks** (Россия), **Электронно-библиотечная система «Университетская библиотека онлайн»** (Россия)

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, доц. *И.С. Дикарев* – главный редактор (г. Волгоград)

д-р юрид. наук, проф. *М.Л. Давыдова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)

канд. юрид. наук, доц. *А.В. Миликова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)

канд. юрид. наук, доц. *Д.В. Кононенко* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р юрид. наук, проф. *А.Х. Абашидзе* (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. *Л.А. Букалерева* (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. *Г.А. Василевич* (г. Минск, Беларусь); д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф. *А.И. Гончаров* (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. *Н.И. Грачев* (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. *М.Л. Давыдова* (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф. *Т.В. Дерюгина* (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. *В.В. Долинская* (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. *Н.Ю. Ерпылева* (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. *Л.Г. Ефимова* (г. Москва); д-р права, проф. *Е. Ковальски* (г. Варшава, Польша); д-р юрид. наук, проф., акад. *Н.С. Кузнецова* (г. Киев, Украина); д-р юрид. наук, проф. *В.П. Камышанский* (г. Краснодар); д-р юрид. наук, проф. *Д.К. Лабин* (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. *Л.В. Лобанова* (г. Волгоград); проф., PhD *Массимо Ла Торре* (г. Катанзаро, Италия); д-р юрид. наук, проф. *И.А. Михайлова* (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. *Н.В. Павличенко* (г. Москва); д-р юрид. наук *Х.Л. Перес Альварадо* (Доминиканская Республика); д-р юрид. наук, проф. *В.Ф. Понька* (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. *С.Б. Россинский* (г. Москва); д-р юрид. наук, доц. *В.А. Рудковский* (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф., акад. РАЕ *В.А. Ручкин* (г. Волгоград); д-р юрид. наук, доц. *А.В. Серебренникова* (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. *Е.Е. Фролова* (г. Москва); д-р юрид. и экон. наук, проф. *О.А. Ястребов* (г. Москва)

Редактор, корректор *С.А. Астахова*

Редактор английских текстов *Д.А. Новак*

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 03.03 2025 г.

Дата выхода в свет: 19.06 2025 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 11,1.

Уч.-изд. л. 11,9. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–29 экз.).

Заказ 28. «С» 8.

Свободная цена

Адрес типографии: 400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес: 400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100. Издательство Волгоградского государственного университета. E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-02-72. Факс: (8442) 46-18-48.
E-mail: vestnik5@volsu.ru

Сайт журнала: <https://j.volsu.com>
Англояз. версия сайта журнала:
<https://j.volsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Арзамасов Ю.Г. Предмет правового регулирования и его соотношение со схожими понятиями	6
Карамян С.А. Стабильность права как ключевой элемент правовой системы: эмпирическое исследование	14
Малышкин С.П. Особенности концепции легитимации в российском правоприменении	21
Терехов Е.М. К вопросу о понятии «толкование договора»	28
Конonenko Д.В. Соотношение понятий «правовая грамотность», «правовое воспитание», «правовое просвещение», «правовое информирование» и «правовое образование»	34

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Громов А.А. Проблема правовой квалификации игрового имущества	39
Дубровина А.Н. Репродуктивный биологический материал человека как объект гражданских прав, предпринимательских и наследственных отношений	45
Варфоломеев Б.В. О субординации кредиторских требований по подозрительным сделкам должника (банкрота)	55

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Егоров Г.Г., Севостьянов М.В., Шубенкова К.В. Нормативно-правовое интерпретирование систем на основе «искусственного интеллекта» и нейронных сетей (международные аспекты)	61
Гаврилова Ю.А. Теоретико-правовые основы автоматизации юридической деятельности	72

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Руденко Д.А. Электронный документооборот с экспертными учреждениями как элемент структуры электронного уголовного дела	80
--	----

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

Рысбекова Б.Р. Проблемные вопросы возмещения вреда, причиненного должностными лицами государственных, в том числе правоохранительных органов	86
---	----

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Дикарев И.С. Вопросы теории уголовно-процессуальных договоров: объект и предмет соглашения	92
Миликова А.В. Уголовно-процессуальный акт следователя о назначении судебной экспертизы или ходатайство адвоката: к вопросу о состязательности и равноправии сторон?	103

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

Рыженков А.Я. К вопросу об истории международного экологического права: уроки и перспективы	109
---	-----

CONTENTS

THEORY AND PRACTICE OF STATE LEGAL REGULATION

- Arzamasov Yu.G.* The Subject of Legal Regulation and Its Relation to Similar Concepts 6
- Karamyan S.A.* Stability of Law as a Key Element of the Legal System: An Empirical Study 14
- Malyshkin S.P.* Features of the Concept of Legitimation in Russian Law Enforcement 21
- Terekhov E.M.* More on the Concept “The Interpretation of a Contract” 28
- Kononenko D.V.* The Relationship Between the Concepts of “Legal Literacy”, “Legal Nurturing”, “Legal Education”, “Legal Information” and “Legal Learning” 34

ISSUES

OF PRIVATE LAW REGULATION: HISTORY AND MODERNITY

- Gromov A.A.* The Problem of the Legal Qualification of Gaming Property 39
- Dubrovina A.N.* Human Reproductive Biological Material as an Object of Civil and Business Rights and Hereditary Relationships 45
- Varfolomeev B.V.* On the Subordination of Creditors’ Claims for Suspicious Transactions of the Debtor (Bankrupt) 55

DIGITAL TRANSFORMATION OF LEGAL REGULATION

- Egorov G.G., Sevostyanov M.V., Shubenkova K.V.* The Regulatory and Legal Interpretation of Systems Based on “Artificial Intelligence” and Neural Networks (International Aspects) 61
- Gavrilova Ju.A.* Theoretical and Legal Foundations of the Automation of Legal Activities 72

CRIME PREVENTION AND THE DIFFERENTIATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY

- Rudenko D.A.* Electronic Document Management with Expert Institutions as a Structural Element of the Electronic Criminal Case 80

INTERNATIONAL LAW AND COMPARATIVE LAW

- Rysbekova B.R.* Problem Issues of Compensation for Damage Caused by State Officials, Including Law Enforcement Agencies 86

PROCEDURAL LAW: ISSUES OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT

- Dikarev I.S.* Issues of the Theory of Criminal Procedure Agreements: The Object and Subject of the Agreement 92
- Milikova A.V.* The Investigator’s Criminal Procedure Act on Commissioning of Forensic Examination or the Lawyer’s Petition: On the Competition and Equality of the Parties? 103

LEGAL PROBLEMS OF ENVIRONMENTAL PROTECTION AND NATURAL RESOURCES UTILIZATION

- Ryzhenkov A.Ya.* Revisiting the History of International Environmental Law: Lessons and Perspectives 109

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.1>

UDC 340.1
LBC 67.0

Submitted: 29.01.2025
Accepted: 17.02.2025

THE SUBJECT OF LEGAL REGULATION AND ITS RELATION TO SIMILAR CONCEPTS

Yuri G. Arzamasov

Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), Moscow, Russian Federation

Introduction: despite the fact that the concept of “the subject of legal regulation” has been used in legal science for quite a long time, there is no monistic interpretation of it in the general theory of law, which makes it difficult to understand and apply this term; therefore, it requires certain theoretical explanations. The emergence of new technologies for evaluating normative legal acts allows the theory of law to enter a new stage of its development and theoretical understanding, revising the established scientific concepts. **Purpose:** based on the analysis of general theoretical works, to propose the author’s concept of the subject of legal regulation. **Methods:** the research methodology is based on the general philosophical research techniques (deduction and induction, analysis, generalization). The special legal research method, the historical-legal method, and the method of deducing concepts are also used. **Results:** as a result of the conducted research, the main approaches to understanding the subject of legal regulation are described, its features and correlations with such similar concepts as legal regulation, the scope of legal regulation, the limits of the scope of legal regulation and the subject of legal impact are revealed. **Conclusion:** it is concluded that the subject of legal regulation is a constantly updated range of the most important relations in society, which by their nature can, and as confirmed by the results of legal monitoring, are amenable, or in the future need legal regulation using a system of instrumental legal means.

Key words: subject of legal regulation, method of legal regulation, legal regulation, scope of legal regulation, limits of the scope of legal regulation, subject of legal impact, legal impact, legal monitoring.

Citation. Arzamasov Yu.G. The Subject of Legal Regulation and Its Relation to Similar Concepts. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 6-13. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.1>

УДК 340.1
ББК 67.0

Дата поступления статьи: 29.01.2025
Дата принятия статьи: 17.02.2025

ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЕГО СООТНОШЕНИЕ СО СХОЖИМИ ПОНЯТИЯМИ

Юрий Геннадьевич Арзамасов

Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет)
им. И.М. Губкина, г. Москва, Российская Федерация

Введение: несмотря на то что понятие «предмет правового регулирования» в юридической науке используется довольно давно, в общей теории права не существует его монистической трактовки, это затрудняет понимание и применение данного термина, поэтому требует определенных теоретических пояснений. Появление новых технологий оценки нормативных правовых актов позволяет теории права выйти на новый этап своего развития и теоретического осмысления, пересматривая устоявшиеся в науке понятия. **Цель:** на основе анализа общетеоретических работ предложить авторское понятие предмета правового регулирования. **Методология** исследования опирается на общефилософские приемы исследования (дедукция и индукция, анализ, обобщение). Также применяется специально-юридический метод исследования, историко-правовой метод и метод выведения понятий. **В результате** проведенного исследования описаны основные подходы к пониманию предмета правового регулирования, выявлены его особенности и соотношения с такими сходными понятиями, как: правовое регулирование, сфера правового регулирования, пределы сферы правового регулирования, предмет правового воздействия. Сделан **вывод**, что предмет правового регулирования – это постоянно обновляемый, в связи с усложнением общественной жизни, круг наиболее важных отношений в социуме, которые по своей природе могут, и как подтверждают результаты правового мониторинга, поддаются, либо в перспективе нуждаются в правовом регулировании с помощью системы инструментальных юридических средств.

Ключевые слова: предмет правового регулирования, метод правового регулирования, правовое регулирование, сфера правового регулирования, пределы сферы правового регулирования, предмет правового воздействия, правовое воздействие, правовой мониторинг.

Цитирование. Арзамасов Ю. Г. Предмет правового регулирования и его соотношение со схожими понятиями // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 6–13. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.1>

Введение

Различные проблемы правового регулирования не раз изучали теоретики права. В этой парадигме исследовались такие понятия, как «правовое регулирование», «механизм правового регулирования», «метод правового регулирования», «сфера правового регулирования» и, конечно, понятие «предмет правового регулирования».

Однако, несмотря на то что понятие «предмет правового регулирования» в юридической науке используется довольно давно, в общей теории права отсутствует его монистическая трактовка. Существующая разность мнений по данному вопросу затрудняет у юристов его понимание и применение.

В последнее время появились новые технологии оценки нормативных правовых актов и их проектов (правовой мониторинг, оценка регулирующего воздействия и др.), что позволяет теоретикам права выйти на уровень развития своего теоретического осмысления и обобщения, пересматривая, казалось бы, устоявшиеся в науке понятия. В этой связи понятие «предмет правового регулирования», несомненно, требует новых определенных теоретических пояснений.

Основное содержание

Для раскрытия понятия предмета правового регулирования используем проверенную временем общефилософскую методологию исследования «от общего к частному», для чего раскроем вначале понятие «правовое регулирование». Обращение к новой истории показывает, что еще в начале 80-х гг. прошлого века Я.С. Михалык отмечал, что «правовое регулирование общественных отношений определенного вида состоит в создании государством общей модели данного отношения и поведения его участников (норм права), а также в установлении необходимых правовых средств для стимулирования реализации данной модели» [16, с. 292].

В фундаментальном учебнике «Общая теория права» профессор С.С. Алексеев предложил следующее понятие: «Правовое регулирование – это осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения в целях их упорядочивания, охраны, развития в соответствии с требованиями экономического базиса, общественными потребностями данного социального строя» [2, с. 289].

В представленных определениях важное значение авторы уделяли правовым средствам воздействия на общественные отношения [3]. Данную точку зрения в настоящее время разделяют многие ученые, например, Р.К. Русинов утверждает, что «правовое регулирование, – это целенаправленное воздействие на общественные отношения с помощью правовых (юридических) средств» [17, с. 153].

Анализ общетеоретических работ показывает, что теоретическое понятие «правовое регулирование» фактически стало научной основой, определенной теоретической матрицей для формирования целого терминологического ряда, состоящего из таких фундаментальных, устоявшихся как в теории права, так и в отраслевых юридических науках, понятий, как предмет правового регулирования, сфера правового регулирования, метод правового регулирования, механизм правового регулирования, средства правового регулирования, инструменты правового регулирования.

Однако со временем взгляды профессора С.С. Алексеева на понятие «правовое регулирование» эволюционировали в сторону исследования динамики права, что соответствует идеям социологии права, поскольку в одной из своих монографий он написал, что «правовое регулирование, в отличие от иных форм правового воздействия, всегда осуществляется посредством своего “динамического инструментария”» [4, с. 317].

После первой дискуссии о праве, предмет правового регулирования стали рассматривать исключительно с точки зрения единственного критерия для выделения отраслей права. Данная дискуссия проходила в рамках I Совещания по вопросам науки советского государства и права. Инициировал проведение этого совещания сам А.Я. Вышинский, на тот момент Прокурор СССР и директор Института права АН СССР, где с 16 по 19 июля 1938 г. и проходило данное мероприятие. В дальнейшем дискуссия нашла свое продолжение на страницах журнала «Советское государство и право». В частности, там обсуждались вопросы строения системы права, критериев деления права на отрасли и т. д. Несмотря на то что наряду с предметом правового регулирования от ученых настойчиво звучали предложения при помощи метода право-

вого регулирования выделять определенные группы норм права в самостоятельные отрасли, данные предложения были отвергнуты, поскольку, по мнению известного ученого и активного участника дискуссии М.А. Аржанова, разделение норм права по данному критерию «относится ближайшим образом к форме, а не к содержанию правоотношений» [5, с. 32]. В результате идея М.А. Аржанова сделать предмет правового регулирования единственным критерием деления права на отрасли получила официальную поддержку.

Как справедливо определил главный итог данной научной полемики профессор Р.Л. Хачатуров, «в ходе первой дискуссии (1939–1940 гг.) о системе советского социалистического права доводы сторонников метода правового регулирования как критерия определения отраслей права в рассматриваемые годы не были приняты большинством ученых» [11, с. 91].

Практически до 1958 г., то есть вплоть до второй дискуссии о системе права, данный подход был доминирующим в отечественной юридической науке. В этой связи известный теоретик права, профессор Н.Г. Александров писал: «Именно предмет правового регулирования, то есть определенный вид регулируемых правом общественных отношений, служит основным (если не единственным) признаком, отличающим одну отрасль права от другой» [1, с. 117].

Значительный вклад в развитие понятия «предмет правового регулирования» внес профессор В.Д. Сорокин, который разработал концепцию единого предмета правового регулирования, хотя изначально в своей докторской диссертации он писал о существовании единого метода правового регулирования [13, с. 31–32; 14]. По его мнению, «единый предмет правового регулирования представляет собой социальную систему, элементами которой являются качественно отличающиеся друг от друга группы общественных отношений, выступающих как предметы соответствующих отраслей советского права. Признание единого предмета правового регулирования позволяет нарисовать более полную картину взаимодействия права и социально-правовой среды. ...Единый предмет правового регулирования обладает сложной структурой, элементы которой взаимосвязаны друг с другом,

хотя при этом и обладают относительной самостоятельностью. К ним относятся: а) статус субъектов права; б) связи между субъектами, принимающие под воздействием права форму правовых отношений; в) поведение без правоотношений» [13, с. 3].

Рассуждая о существовании единого предмета и метода правового регулирования, В.Д. Сорокин сделал следующие концептуальные выводы.

Во-первых, «социальные связи, объективно нуждающиеся в правовом регулировании, составляют специфическую область общественной жизни – социально-правовую среду, в регулировании отношений которой участвует вся система советского права как целостная социальная система. Следовательно, социально-правовая среда приобретает системно-структурную характеристику единого предмета правового регулирования для всей системы права в целом.

Во-вторых, подобно тому как отраслевой предмет правового регулирования выступает в качестве первичного, определяющего социального явления по отношению к методу, так и единый предмет правового регулирования определяет объективную необходимость использования именно юридических средств регулирования отношений социально-правовой среды» [13, с. 3].

Наиболее четко описать предмет правового регулирования, его свойства, круг отношений, на которые он распространяется, которые он захватывает своей регуляцией, позволяет такое родственное понятие, как «сфера правового регулирования». Одним из первых в теории права данный термин использовал в своей статье «Сфера и пределы правового регулирования» профессор В.В. Лазарев. В ней он предложил научной общественности следующее понятие: «Сфера правового регулирования представляет собой совокупность общественных отношений, которые могут и, с точки зрения современных задач государства, должны быть подвергнуты или уже подвергнуты правовой регламентации». Из этого определения был сделан общетеоретический вывод, согласно которому «...пробелы в праве означают отсутствие (полное или частичное) норм в отношении тех фактов, которые находятся в сфере нормативного правового воздействия» [8].

Рассматривая данную проблематику, считаем необходимым подчеркнуть, несмотря на то что несколько десятилетий данное понятие незаслуженно было забыто, в последнее время теории права все чаще стали обращать на него внимание. Примером тому является VII Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Пределы правового регулирования общественных отношений: общетеоретические и отраслевые аспекты», которая состоялась в Казанском филиале университета правосудия 31 октября 2019 года.

Несмотря на то что сегодня многие авторы предпочтение отдают понятию «правовое пространство» [15], современные теории также продолжают исследование понятия «сфера правового регулирования». Ярким примером является докторская диссертация Е.С. Зайцевой, в которой она исследовала такое схожее, фактически производное от термина «сфера правового регулирования» понятие «пределы сферы правового регулирования», понимая под ними «границы, в которых должно осуществляться целенаправленное организационное воздействие с помощью системы правовых средств на общественные отношения, имеющие правовую природу» [7, с. 11].

Как видим, в этой трактовке автор не просто опирается на фундаментальное понятие «сфера правового регулирования», развивая его значение, но и на теорию правовых средств воздействия на общественные отношения.

Однако какие функции работают, с помощью которых мы действительно можем определить сферу правового регулирования?

Во-первых, это функция анализа документов стратегического планирования, анализа концепций проектов нормативных правовых актов, а также тех проектов нормативных правовых актов и самих нормативных правовых актов, которые реально с применением различных методов правового регулирования закрепили полномочия Федерации, ее органов власти, должностных лиц, нормотворческую компетенцию регионов, их властных органов и должностных лиц с целью выявления не мнимых, а реальных пробелов как в праве, то есть указания на отсутствие закона, или какого-либо конкретизирующего нормативного правового акта, так и пробелов в действующем

шем федеральном или региональном законодательстве, региональных подзаконных нормативных правовых актах, актах местного самоуправления и т. д.

Во-вторых, это функция получения при помощи различных социологических приемов (анкетирование, интервьюирование, опросники населения городов, районов, отдельных категорий граждан и т. п.) необходимой информации о том, какие общественные отношения нуждаются в регуляции, то есть чего от правового регулирования хотят как рядовые граждане, институты гражданского общества, так и различные специалисты (экономисты, финансисты, сотрудники правоохранительных органов и др.).

В-третьих, это функция прогнозирования возможных правовых, системных, экономических и иных рисков.

Ряд современных ученых считает, что существуют как внешние, так и внутренние границы правового регулирования. Такую точку зрения еще в прошлом веке высказал профессор В.В. Лазарев. Между тем, рассуждая о внешних границах правового регулирования, следует подчеркнуть, что право не является единственным в социуме регулятором, поскольку существует целая система нормативного регулирования, в которой фактически любой ее структурный элемент (закон, подзаконный акт, судебный прецедент, обычай, религиозный текст, политическая программа и др.), то есть каждый регулятор имеет свою конкретную сферу общественной регуляции, свои четкие конкретные границы. Хотя, конечно, сфера регулирования между отдельными социальными регуляторами может пересекаться. Например, в нормах позитивного права мы находим общепризнанные моральные нормы и принципы, санкционированные государством в законах, обычаях и т. п. Однако это можно назвать, скорее всего, исключением, чем правилом, поскольку у неправовых социальных регуляторов есть своя сфера, свой особенный предмет регулирования отношений в социуме и свои объекты воздействия. В этом отношении В.И. Гойман и Т.Н. Радько справедливо отметили, что «правильное определение сферы и пределов правового регулирования необходимо для того, чтобы исключить использование юридических инструментов в сферах взаимодей-

ствия людей, требующих иных средств социальной регуляции» [6, с. 107].

При этом, чтобы промониторить мнение социума о необходимости правового регулирования, определить правильную форму правового воздействия на общественные отношения, следует учитывать, во-первых, те задачи, которые ставит государство на современном этапе своего развития, во-вторых, необходимо определить законные интересы в правовой регуляции со стороны институтов гражданского общества, запросы различных слоев населения на упорядочение той или иной группы общественных отношений. Таким образом, важное значение в определении отношений, нуждающихся в правовой регуляции, имеет правовой мониторинг, под которым следует понимать научно и методически обоснованную систему комплексной оценки содержания и формы нормативных актов, осуществляемую «на плановой основе посредством получения различных видов информации, наблюдения, анализа, контроля и прогноза, осуществляемых с целью создания качественной и эффективной системы нормативных правовых актов» [10, с. 23].

В последнее время, помимо того, что предмет правового регулирования является основным критерием для выделения отраслей права, он также обозначает определенную законодателем совокупность, как правило, однородных общественных отношений, на которые направлено правовое воздействие со стороны субъекта правотворчества. По мнению Д.С. Минчук, «предметом правового регулирования является совокупность однородных общественных отношений, свойственных для какой-то определенной отрасли права. Так, например, предметом трудового права является совокупность общественных отношений, складывающихся по поводу регулирования трудовых отношений (заключения и расторжения договора, права и обязанности сторон трудового договора и т. д.). Предметом семейного права является регулирование общественных отношений по поводу заключения и расторжения брака, взаимных обязанностей родителей и детей и т. д. При этом каждая отрасль права основана на конкретном, специфическом только для нее виде общественных отношений» [9, с. 119].

Важный вывод при исследовании предмета правового регулирования сделал профессор С.Г. Соловьев, который прозорливо подметил, что «на основе анализа предмета правового регулирования можно выделить такой аспект, как степень воздействия государства посредством норм права на общественные отношения. Если отношения объективно не нуждаются в правовом регулировании, но фактически получили его, то это означает, что государство излишне вмешивается в межличностные отношения, не оставляя личности пространства для самовыражения и саморегулирования» [12].

На сегодняшний день идею о том, что предмет правового регулирования составляют однородные общественные отношения, поддающиеся правовому воздействию, практически никто не оспаривает, ее принимают, как определенную аксиому. Однако, как показывает практика, не все общественные отношения могут составлять предмет правового регулирования, а только те особые отношения, которые реально поддаются правовому воздействию, правовому внешнему контролю и не могут быть урегулированы иными социальными регуляторами (обычаями, нормами морали, религии, партийными нормами, семейными и т. д.). Предмет правового регулирования составляют те общественные отношения в социуме, которые имеют для него важное значение и которые многократно повторялись, которые уже урегулированы посредством различных форм права (нормативных правовых актов, нормативных договоров, судебных прецедентов и т. п.), либо которые могут и с точки зрения ученых и практикующих юристов, аналитиков, социологов должны быть урегулированы посредством норм права. При этом правовая регуляция таких общественных отношений должна быть социально значима, одобряема социумом, по крайней мере большинством его субъектов, обусловлена как желанием большинства населения страны, институтов гражданского общества, так и целями, и задачами государственного управления. В этой связи, как правило, в первой статье законов указывается, что является предметом закона, какие отношения он регулирует.

Актуальной в этом отношении представляется научная дефиниция профессора С.С. Алек-

сеева, который, развивая инструментальную концепцию механизма правового регулирования, отмечал, что «предметом правового регулирования являются разнообразные общественные отношения, которые объективно, по своей природе могут поддаваться нормативно-организационному воздействию и в существующих условиях требуют такого воздействия, осуществляемого при помощи юридических норм и всех иных юридических средств, образующих механизм правового регулирования» [4, с. 211].

При этом, если инструментальные элементы и стадии механизма правового регулирования являются, как правило, постоянными, то сфера правового регулирования не может оставаться четкой и неизменной. Это объясняется главным образом тем, что с генезисом новых общественных отношений, связанных с социальной поддержкой инвалидов и малоимущих, в целях реализации задач социального государства, продолжением процесса построения цифрового государства, проведением СВО и другими процессами в социуме, объективно расширяются предметные рамки правового регулирования, то есть реально расширяется его сфера. Из сказанного следует, что общественные отношения, нуждающиеся в правовой регуляции, государство пытается урегулировать посредством такого важного, цивилизованного и действенного социального инструмента, каким является право. Здесь как раз особое значение имеет правильное определение сферы правового регулирования с помощью проведения правового мониторинга. Это необходимо, прежде всего, для того, чтобы избежать бездумного, никому не нужного правового прессинга со стороны институтов государства на рядовых граждан, поскольку принятие лишних для общества запретов и обязанностей приводит к юридизации, а в дальнейшем даже и к гражданским протестам, к неповиновению, отражается это и на формировании правового сознания граждан, что приводит к правовому нигилизму в обществе. Как результат, позитивное право, потеряв доверие населения, перестает быть результативным социальным регулятором.

Между тем важное значение для понимания предмета правового регулирования имеет его соотношение также с таким схо-

жим понятием, как «предмет правового воздействия». Что же общего у этих теоретических понятий?

Понятие «предмет правового регулирования» соотносится с понятием «предмет правового воздействия», как «часть» и «целое», где общетеоретическое понятие «предмет правового регулирования» является именно частью более широкого понятия предмета правового воздействия.

Правовое воздействие охватывает всю работу механизма правового регулирования, все его элементы и стадии, поэтому предмет правового воздействия включает в себя также весь процесс формирования правового сознания и правовой культуры.

Вывод

Правовое воздействие и правовое регулирование выступают не только как «часть» и «целое», но и как функции права и государства, позволяющие с помощью всей системы инструментальных правовых средств (нормы права, правоотношения, акты применения права, фактическое поведение субъектов) влиять на различные отношения в социуме в целях установления правового порядка и режима законности, основанного в первую очередь на высоком уровне правового сознания, когда индивиды осмысленно соблюдают запреты, а также возложенные на них юридические обязанности, а при нарушении норм права выступают в роли активных защитников законности, прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

Таким образом, под предметом правового регулирования следует понимать постоянно обновляемый, в связи с усложнением общественной жизни, круг наиболее важных отношений в социуме, которые по своей природе могут, и как показывают результаты правового мониторинга, поддаются, либо в перспективе нуждаются в правовом регулировании с помощью системы инструментальных юридических средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров, Н. Г. О месте трудового и колхозного права в системе советского социалистического права / Н. Г. Александров // Советское государство и право. – 1958. – № 5. – С. 117–123.

2. Алексеев, С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. I / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1981. – 360 с.

3. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – М. : Бек, 1995. – 320 с.

4. Алексеев, С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С. С. Алексеев. – М. : НОРМА, 2001. – 752 с.

5. Аржанов, М. А. О принципах построения системы советского социалистического права / М. А. Аржанов // Советское государство и право. – 1939. – № 3. – С. 26–35.

6. Гойман, В. И. Право в системе нормативного регулирования / В. И. Гойман, Т. Н. Радько // Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. – М., 2001.

7. Зайцева, Е. С. Пределы правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Зайцева Екатерина Сергеевна. – СПб., 2025. – 38 с.

8. Лазарев, В. В. Сфера и пределы правового регулирования / В. В. Лазарев // Советское государство и право. – 1970. – № 11. – С. 38–44.

9. Милинчук, Д. С. Коллизионное право как межотраслевой институт российского права : дис. ... канд. юрид. наук / Милинчук Дарья Сергеевна. – М., 2018. – 219 с.

10. Нормография: теория и технология нормотворчества : учеб. для вузов / Ю. Г. Арзамасов [и др.] ; под общ. ред. Ю. Г. Арзамасова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2020. – 542 с.

11. Хачатуров, Р. Л. Становление отраслей права Российской Федерации / Р. Л. Хачатуров // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 1 (41). – С. 91–97.

12. Соловьев, С. Г. Понятие предмета правового регулирования и его взаимосвязь с другими юридическими категориями / С. Г. Соловьев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – Вып. 1 (15). – С. 47–52.

13. Сорокин, В. Д. Вопросы теории советского административно-процессуального права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Сорокин Валентин Дмитриевич. – Л., 1968. – 144 с.

14. Сорокин, В. Д. Метод правового регулирования: теоретические проблемы / В. Д. Сорокин. – М. : Юрид. лит., 1976. – 142 с.

15. Суханов, В. В. Правовое пространство и его формы : дис. ... канд. юрид. наук / Суханов Валерий Владимирович. – М., 2005. – 176 с.

16. Теория государства и права : учебник / А. И. Денисов, В. Д. Зорькин, А. А. Кененов, Ю. В. Кудрявцев [и др.] ; под ред. А. И. Денисова. – М. : Юрид. лит., 1980. – 432 с.

17. Теория государства и права : учебник / отв. ред. В. Д. Перевалов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2011. – 496 с.

REFERENCES

1. Aleksandrov N.G. O meste trudovogo i kolhoznogo prava v sisteme sovetskogo socialisticheskogo prava [On the Place of Labor and Collective Farm Law in the System of Soviet Socialist Law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1958, no. 5, pp. 117-123.
2. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava: v 2 t. T. I* [General Theory of Law. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1981. 360 p.
3. Alekseev S.S. *Teoriya prava* [Theory of Law]. Moscow, Bek Publ., 1995. 320 p.
4. Alekseev S.S. *Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya* [Ascent to Law. Searches and Solutions]. Moscow, NORMA Publ., 2001. 752 p.
5. Arzhanov M.A. O principah postroeniya sistemy sovetskogo socialisticheskogo prava [On the Principles of Constructing the System of Soviet Socialist Law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1939, no. 3, pp. 26-35.
6. Gojman V.I., Radko T.N. Pravo v sisteme normativnogo regulirovaniya [Law in the Regulatory System]. Lazarev V.V., ed. *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: uchebnik* [General Theory of State and Law. Textbook]. Moscow, 2001.
7. Zajceva E.S. *Predely pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Limits of Legal Regulation. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg, 2025. 38 p.
8. Lazarev V.V. Sfera i predely pravovogo regulirovaniya [Scope and Limits of Legal Regulation]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1970, no. 11, pp. 38-44.
9. Milinchuk D.S. *Kollizionnoe pravo kak mezhotraslevoj institut rossijskogo prava: dis. ... kand. yurid. nauk* [Conflict of Laws as an Interdisciplinary Institute of Russian Law. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2018. 219 p.
10. Arzamasov Yu.G. et al. *Normografiya: teoriya i tekhnologiya normotvorchestva: ucheb. dlya vuzov* [Normography: Theory and Technology of Rule-Making. Textbook for Universities]. Moscow, Yurajt Publ., 2020. 542 p.
11. Hachaturov R.L. Stanovlenie otraslej prava Rossijskoj Federacii [Formation of Branches of Law of the Russian Federation]. *Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 1 (41), pp. 91-97.
12. Solovyev S.G. Ponyatie predmeta pravovogo regulirovaniya i ego vzaimosvyaz s drugimi yuridicheskimi kategoriyami [Concept of the Subject of Legal Regulation and its Relationship with Other Legal Categories]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Bulletin of Perm University. Legal Sciences], 2012, iss. 1 (15), pp. 47-52.
13. Sorokin V.D. *Voprosy teorii sovetskogo administrativno-processualnogo prava: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Questions of the Theory of Soviet Administrative Procedural Law. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Leningrad, 1968. 144 p.
14. Sorokin V.D. *Metod pravovogo regulirovaniya: teoreticheskie problemy* [Method of Legal Regulation: Theoretical Problems]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1976. 142 p.
15. Suhanov V.V. *Pravovoe prostranstvo i ego formy: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal Space and Its Forms. Cand. jurid. sci. diss.]. Moscow, 2005. 176 p.
16. Denisov A.I., Zorkin V.D., Kenenov A.A., Kudryavcev Yu.V. et al. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of State and Law. Textbook]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1980. 432 p.
17. Perevalov V.D., ed. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of State and Law. Textbook]. Moscow, Norma Publ., 2011. 496 p.

Information About the Author

Yuri G. Arzamasov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Public and International Legal Support of National Security, Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), Prosp. Leninsky, 63, Bld. 2, 119991 Moscow, Russian Federation, mikheeva.i@gubkin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4459-2920>

Информация об авторе

Юрий Геннадьевич Арзамасов, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного и международно-правового обеспечения национальной безопасности, Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И.М. Губкина, просп. Ленинский, 63, корпус 2, 119991 г. Москва, Российская Федерация, mikheeva.i@gubkin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4459-2920>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.2>UDC 340
LBC 67.0Submitted: 27.11.2024
Accepted: 10.02.2025**STABILITY OF LAW AS A KEY ELEMENT OF THE LEGAL SYSTEM:
AN EMPIRICAL STUDY****Svetlana A. Karamyan**

University of Humanities, Yekaterinburg, Russian Federation

Introduction: the stability of law is an important aspect of the legal system, which is manifested in the uniform and consistent regulation of public relations, which is carried out taking into account public requirements for its content and is aimed at preserving the structure of the legal system itself, its key elements, and their interrelationships. The paper provides a reflection of the stability of law in the most significant sources of law for the Russian legal system: the Constitution of the Russian Federation, the main sectoral codified federal laws, and judicial acts of the higher courts. The Constitution of the Russian Federation declares itself to be an invariant of the legal system, pointing to the immutability of the most significant provisions. The codified federal laws containing provisions on the basic principles of the sectoral legislation do not specify stability as a principle; however, as a result of the study, provisions that provide stability of sectoral legislation are established, such as limitation of the retroactive force of the law, the restriction of the adoption, and the entry into force of new laws. The decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation show the transformation of the use of the term “stability,” the expansion of the context of its application, and the integration of stability into the hierarchy of legal principles: from the axiomatization of the stability of the law due to the special order of its adoption to the formulation of the principle of stability of citizens’ rights as constitutional along with the constitutional principles of equality, proportionality, and guarantee of citizens’ rights. In its practice, the Supreme Court of the Russian Federation proclaims the stability of legal relations as a value that must be respected in court proceedings. The **results** of the study demonstrate the importance of stability of law for the Russian legal system. Stability, as a legal principle, is not only implied by the current norms of the main sectoral codes but is also supported by judicial constitutional control. The consistent positions of the higher courts help clarify the content of stability as a legal principle and determine its place in the hierarchy of other legal values.

Key words: stability of law, source of law, operation of law in time, stability of legal regulation, principle of stability of citizens’ rights, stability of legal relations.

Citation. Karamyan S.A. Stability of Law as a Key Element of the Legal System: An Empirical Study. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 14-20. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.2>

УДК 340
ББК 67.0Дата поступления статьи: 27.11.2024
Дата принятия статьи: 10.02.2025**СТАБИЛЬНОСТЬ ПРАВА КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ:
ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ****Светлана Александровна Карамян**

Гуманитарный университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Введение: стабильность права представляет собой важный аспект правовой системы, который проявляется в единообразном и последовательном регулировании общественных отношений, которое осуществляется с учетом общественных требований к его содержанию и направлено на сохранение структуры самой правовой системы, ее ключевых элементов и их взаимосвязи между собой. В статье приводится отражение стабильности права в наиболее значимых для российской правовой системы источниках права: Конституции Российской Федерации, основных отраслевых кодифицированных федеральных законах и судебных актах высших судов. Конституция Российской Федерации декларирует себя инвариантом правовой системы, ука-

зывая на неизменность наиболее значимых положений. В кодифицированных федеральных законах, содержащих положения об основных началах (принципах) отраслевого законодательства, в качестве принципа стабильность не указывается, однако, в результате исследования установлены положения, предусматривающие стабильность отраслевого законодательства, такие как: ограничение обратной силы закона, ограничение принятия и вступления в силу новых законов. В решениях Конституционного Суда Российской Федерации прослеживается трансформация употребления термина «стабильность», расширение контекста его применения, встраивание стабильности в иерархию правовых принципов: от аксиоматизации стабильности закона в силу особого порядка его принятия до формулирования принципа стабильности прав граждан как конституционного в ряду с конституционными принципами равенства, соразмерности, гарантированности прав граждан. Верховный Суд Российской Федерации в своей практике провозглашает как ценность, которую необходимо соблюдать в судебных разбирательствах, стабильность правоотношений. **Результаты** исследования демонстрируют важность стабильности права для правовой системы России. Стабильность как правовой принцип не только подразумевается действующими нормами основных отраслевых кодексов, но и поддерживается судебным конституционным контролем. Последовательные позиции высших судов помогают уточнить содержание стабильности как правового принципа и определяют его место в иерархии других правовых ценностей.

Ключевые слова: стабильность права, источник права, действие закона во времени, стабильность правового регулирования, принцип стабильности прав граждан, стабильность правоотношений.

Цитирование. Карамян С. А. Стабильность права как ключевой элемент правовой системы: эмпирическое исследование // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 14–20. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.2>

Введение

Право, представляя собой открытую устойчивую систему, априори обладает такой характеристикой, как стабильность, которая выражается в единообразной и непрерывной регламентации общественных отношений в соответствии с общественными притязаниями, а также в сохранении структуры права, которую С.С. Алексеев представил инвариантным аспектом системы, заключающимся в упорядоченности ее элементов, их устойчивом единстве, в устойчивости отношений между ними [1, с. 4–5].

Теоретическая концепция характеристики права «стабильность» требует эмпирического подтверждения в правовой реальности, извлечение ее содержания и значения из правовых источников, анализа восприятия в нормативных актах и судебных прецедентах. В статье представлены результаты исследования российского законодательства и решений высших судов на предмет упоминания и интерпретации стабильности права.

Стабильность права в законодательстве Российской Федерации

В преамбуле Конституции Российской Федерации подчеркивается «незыблемость ее

демократической основы» [3]. В ч. 3 ст. 135 Конституции установлена основополагающая «неизменность Конституции Российской Федерации» [3]. Таким образом, и сама Конституция как источник права, и провозглашенные ею основы государства являются инвариантом правовой системы России.

Принцип стабильности прямо не отмечен в принципах (основных началах) законодательства какой-либо отрасли права, однако, отдельные положения кодифицированных нормативных правовых актов косвенно указывают на его наличие. Принцип стабильности находит свое отражение в регламентации действия закона во времени, что включает, в частности, ограничение обратной силы закона. Обратная сила закона применяется только в случаях, прямо указанных в самом законе, как это прописано в ч. 1 ст. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации [2]. Также примером закрепления принципа стабильности в законодательстве является запрет на обратную силу для законов, вводящих новые налоги или налоговые обязательства, что отмечено в ч. 2 ст. 5 Налогового кодекса Российской Федерации [5]. Аналогично, запрет обратной силы закона, который устанавливает или ужесточает административную ответственность (ч. 2 ст. 1.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

ях) [4]. Наконец, понятие преступности и наказуемости деяний определяет лишь тот закон, который был в силе на момент их совершения, согласно ч. 1 ст. 9 Уголовного кодекса Российской Федерации [19].

В Гражданском кодексе Российской Федерации предусмотрены определенные ограничения на модификацию гражданско-правовых норм. Нормы гражданского права, установленные в других законодательных актах, подлежат обязательной согласованности с положениями Гражданского кодекса, изменения положений Гражданского кодекса Российской Федерации не могут осуществляться путем принятия новых законов, изменяющих другие законодательные акты (ч. 2 и 2.1 ст. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации) [2]. Кроме того, в Гражданском кодексе Российской Федерации заложено ограничение изменений условий договора принятыми после его заключения изменениями закона (ч. 2 ст. 4, ч. 2 ст. 422 Гражданского кодекса Российской Федерации) [2]. В Налоговом кодексе Российской Федерации установлено двойное ограничение на вступление в силу новых нормативных правовых актов: они могут начать действовать не ранее чем через месяц после их официального опубликования, а также не раньше первого числа следующего налогового периода (ч. 1 ст. 5 Налогового кодекса Российской Федерации) [5].

Стабильность права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации

Термин «стабильность» впервые появляется в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 11 ноября 1997 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности статьи 11.1 Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. “О Государственной границе Российской Федерации” в редакции от 19 июля 1997 г.» [14], где рассматривается стабильность закона как одна из его характеристик, которая ему присуща в силу особого порядка его принятия (данная позиция повторяется в 6 решениях Конституционного Суда РФ за период с 1997 по 2003 г.). В 2001 г. Кон-

ституционным Судом Российской Федерации вводится термин «разумная стабильность правового регулирования» [15]. Это понятие включает в себя несколько ключевых требований: законодательное регулирование должно быть предсказуемым; произвольно и безосновательно вносить в него изменения недопустимо; необходимо обеспечить возможность адаптации к новым условиям путем введения временных норм, например, переходного периода (Конституционный Суд РФ постулирует требование разумной стабильности правового регулирования в 347 актах с 2001 по 2022 г.). В 2002 г. Конституционный Суд Российской Федерации обозначил «конституционный принцип стабильности прав граждан» [16], рассматривая его наряду с такими основополагающими принципами, как равенство, соразмерность и гарантированность прав граждан (обращение к этому правовому принципу встречается в 161 решении Конституционного Суда РФ за период с 2002 по 2021 г.). Кроме того, в судебных актах (имеется 263 решения за период с 2003 по 2023 г.) также упоминается принцип стабильности правового (юридического) статуса субъектов, который отождествляется с предсказуемостью правового статуса. Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации отдельно упоминает в качестве конституционных ценностей стабильность различных компонентов правовой системы: стабильность гражданского оборота [6]; стабильность правоотношений [7]; стабильность (принцип стабильности) судебных решений [8]; общеправовой принцип стабильности договоров [9]; стабильность международного правопорядка [17].

Верховный Суд Российской Федерации впервые термин «стабильность» упоминает в Определении от 24 сентября 2014 г. № 305-КГ14-1087 по делу № А40-128053/2012 «Об отказе в удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного процессуального срока» [11], рассуждая о стабильности правоотношений, как о ценности, которую необходимо обеспечивать в рамках выполнения задачи по осуществлению справедливого публичного судебного разбирательства (далее в мотивировочной части своих решений Верховный Суд РФ упоминает требование стабильности правоотношений в 26 актах за период с

2014 по 2023 г.). В 2015 г. (в 59 актах за период с 2015 по 2022 г.) появляется термин «принцип стабильности» [12] применительно к судебным актам, который корреспондирует принципу правовой определенности. Наряду с термином «стабильность» Верховный Суд Российской Федерации также использует схожие по смыслу термины в качестве требований к правовому регулированию: устойчивость гражданского оборота [18]; устойчивость правовых связей [13]; равновесие интересов участников правоотношений [10].

В ходе проведенного исследования установлено, что стабильность – это не просто абстрактное понятие, а важный элемент правовой системы, который находит свое отражение в разных источниках права. В ходе своего развития этот термин обретает многогранный смысл, начиная с базового понимания стабильности закона и заканчивая более сложными концепциями, такими как «разумная стабильность правового регулирования» и «конституционный принцип стабильности прав граждан». Дальнейшие исследования в этой области необходимы для понимания стабильности права и ее влияния на развитие правовой системы в контексте изменяющихся социальных и экономических условий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Структура советского права / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1975. – 264 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ в ред. от 16.04.2022. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с поправками, внесенными Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ в ред. от 29.12.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ в ред. от 28.12.2022, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Определение Конституционного Суда РФ от 16.10.2001 № 231-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Центр услуг “Новоинтерсервис” на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 статьи 58 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Определение Конституционного Суда РФ от 20.02.2002 № 58-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Остапенко Леонида Сергеевича на нарушение его конституционных прав статьей 196 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьей 239.5 Гражданского процессуального кодекса РСФСР». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Определение Конституционного Суда РФ от 25.03.2004 № 127-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Давыдова Вадима Геннадьевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 36, 42, 47, 355 и 381 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Определение Конституционного Суда РФ от 21.10.2008 № 614-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Володиной Веры Степановны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 79 Трудового кодекса Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Определение Верховного Суда РФ от 10.09.2014 № 305-КГ14-1428 по делу № А40-79533/13-91-271. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Определение Верховного Суда РФ от 24.09.2014 № 305-КГ14-1087 по делу № А40-128053/2012 «Об отказе в удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного процессуального срока». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Определение Верховного Суда РФ от 14.04.2015 № 306-ЭС15-5106 по делу № А12-2544/2014 «Об отказе в удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного срока подачи кассационной жалобы». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.05.2019 № 5-КГ19-32. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.1997 № 16-П «По делу о проверке конституционности статьи 11.1 Закона Российской Федера-

ции от 1 апреля 1993 года “О Государственной границе Российской Федерации” в ред. от 19 июля 1997 года». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.05.2001 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона “О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей” в связи с жалобами граждан А.С. Стах и Г.И. Хваловой». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.06.2002 № 11-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации от 18 июня 1992 года “О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС” (в редакциях от 24 ноября 1995 года и от 12 февраля 2001 года)». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2012 № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 23 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина И.Д. Ушакова». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Решение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 26.09.2018 № АКПИ18-710. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ в ред. от 29.12.2022. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Alekseev S.S. *Struktura sovetskogo prava* [Structure of Soviet Law]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1975. 264 p.

2. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ v red. ot 16.04.2022 [Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ as Amended on 16.04.2022]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

3. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinita vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993, s popravkami, vneshennymi Zakonom RF o popravke k Konstitutsii RF ot 14.03.2020 № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otdelnykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoy vlasti») [Constitution of the Russian Federation (Adopted by Popular Vote

on 12.12.1993 and Amended by the Law of the Russian Federation No. 1-FKZ on 14.03.2020, “On Improving the Regulation of Certain Issues of Organization and Functioning of Public Authorities”)]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

4. Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ v red. ot 29.12.2022, s izm. i dop., vstup. v silu s 11.01.2023 [Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 No. 195-FZ as Amended on 29.12.2022, with Amendments and Additions, Entered into Force on 11.01.2023]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

5. Nalogovyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast pervaya) ot 31.07.1998 № 146-FZ v red. ot 28.12.2022, s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2023 [Tax Code of the Russian Federation (part one) of July 31, 1998 No. 146-FZ as amended on December 28, 2022, with Amendments and Additions, Entered into Force on January 1, 2023]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

6. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 16.10.2001 № 231-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby obshchestva s ogranichennoy otvetstvennostyu “Tsentr uslug ‘Novointerservis’” na narushenie konstitutsionnykh prav i svobod punktom 2 statyi 58 Federalnogo zakona “O nesostoyatelnosti (bankrotstve)”» [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated 16.10.2001 No. 231-O “On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of the Novointerservice Service Center Limited Liability Company for Violation of Constitutional Rights and Freedoms by Paragraph 2 of Article 58 of the Law of the Russian Federation “On Insolvency (Bankruptcy)”)]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

7. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 20.02.2002 № 58-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Ostapenko Leonida Sergeevicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav statyey 196 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i statyey 239.5 Grazhdanskogo protsessualnogo kodeksa RSFSR» [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated 20.02.2002 No. 58-O “On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Ostapenko Leonid for Violation of His Constitutional Rights by Article 196 of the Civil Code of the Russian Federation and Article 239.5 of the Civil Procedure Code of the RSFSR”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

8. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 25.03.2004 № 127-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Davydova Vadima Gennadyevicha na narushenie ego konstitutsionnykh

prav polozheniyami statey 36, 42, 47, 355 i 381 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 25.03.2004 No. 127-O “On the Refusal to Accept for Consideration the Complaints of Citizen Vadim Davydov for Violation of His Constitutional Rights by the Provisions of Articles 36, 42, 47, 355 and 381 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

9. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 21.10.2008 № 614-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Volodinoi Very Stepanovny na narushenie ee konstitutsionnykh prav chastyu pervoy statyi 79 Trudovogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated 21.10.2008 No. 614-O “On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Vera Volodina for Violation of Her Constitutional Rights by Part One of Article 79 of the Labor Code of the Russian Federation”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

10. Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 10.09.2014 № 305-KG14-1428 po delu № A40-79533/13-91-271 [Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 10.09.2014 No. 305-KG14-1428 in Case No. A40-79533/13-91-271]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

11. Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 24.09.2014 № 305-KG14-1087 po delu № A40-128053/2012 «Ob otkaze v udovletvorenii khodataystva o vosstanovlenii propushchennogo protsessualnogo sroka» [Determination of the Supreme Court of the Russian Federation Dated 24.09.2014 No. 305-KG14-1087 in case No. A40-128053/2012 “On the Refusal to Satisfy the Application for the Restoration of the Missed Procedural Period”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

12. Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 14.04.2015 № 306-ES15-5106 po delu № A12-2544/2014 «Ob otkaze v udovletvorenii khodataystva o vosstanovlenii propushchennogo sroka podachi kassatsionnoy zhaloby» [Determination of the Supreme Court of the Russian Federation Dated 14.04.2015 No. 306-ES15-5106 in Case No. A12-2544/2014 “On the Refusal to Satisfy the Application for the Restoration of the Missed Procedural Period for Filing A Cassation Appeal”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

13. Opredelenie Sudebnoy kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 06.05.2019 № 5-KG19-32 [Order of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation Dated 06.05.2019 No. 5-KG19-32]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

14. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 11.11.1997 № 16-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti statyi 11.1 Zakona Rossiyskoy Federatsii ot 1 aprelya 1993 goda “OGosudarstvennoy granitse Rossiyskoy Federatsii” v redaktsii ot 19 iyulya 1997 goda» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated 11.11.1997 No. 16-P “Case of Checking the Constitutionality of Article 11.1 of the Law of the Russian Federation Dated April 1, 1993 ‘On the State Border of the Russian Federation’ as Amended on July 19, 1997”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

15. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 24.05.2001 № 8-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy chasti pervoy statyi 1 i statyi 2 Federalnogo zakona “O zhilishchnykh subsidiyakh grazhdanam, vyezzhayushchim iz rayonov Kraynogo Severa i priravnennykh k nim mestnostey” v svyazi s zhalobami grazhdan A.S. Stah i G.I. Hvalovoj» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated 24.05.2001, No. 8-p “Case of Checking the Constitutionality of the Provisions of Part one of the Articles 1 and 2 of the Law of the Russian Federation ‘On Housing Subsidies for Citizens Leaving the Far North and Equivalent Areas’ in Connection With Complaints from Citizens A.S. Stakha and G.I. Khvalova”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

16. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 19.06.2002 № 11-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti ryada polozheniy Zakona Rossiyskoy Federatsii ot 18 iyunya 1992 goda “O sotsialnoy zashchite grazhdan, podvergvshikhsya vozdeystviyu radiatsii v sleduyushchii katastrofy na Chernobylskoy AES” (v redaktsiyah ot 24 nojabrja 1995 goda i ot 12 fevralja 2001 goda)» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated 19.06.2002 No. 11-P “Case of Checking the Constitutionality of a Number of Provisions of the Law of the Russian Federation Dated June 18, 1992 ‘On Social Protection of Citizens Exposed to Radiation as a Result of the Chernobyl Disaster’ (As Amended on November 24, 1995 and February 12, 2001)”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

17. Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 27.03.2012 № 8-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti punkta 1 statyi 23 Federalnogo zakona “O mezhdunarodnykh dogovorah Rossiyskoy Federatsii” v svyazi s zhaloboy grazhdanina I.D. Ushakova» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation Dated 27.03.2012 No. 8-P “Case of Checking the Constitutionality of Paragraph 1 of Article 23 of the Law of the Russian Federation ‘On International Treaties of the Russian Federation’ in Connection with Complaint from Citizen I.D. Ushakov”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

18. Reshenie Sudebnoy kollegii po administrativnym delam Verkhovnogo Suda RF ot 26.09.2018 № АКПИ18-710 [Decision of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation Dated 26.09.2018 No. АКПИ18-710]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

19. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ v red. ot 29.12.2022 [Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ as Amended on 29.12.2022]. *Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus"*.

Information About the Author

Svetlana A. Karamyan, Postgraduate Student, University of Humanities, Zheleznodorozhnikov St, 3, 620041 Yekaterinburg, Russian Federation, karamyansv@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-7824-5866>

Информация об авторе

Светлана Александровна Карамян, аспирант, Гуманитарный университет, ул. Железнодорожников, 3, 620041 г. Екатеринбург, Российская Федерация, karamyansv@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-7824-5866>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.3>

UDC 340.132

LBC 67.0

Submitted: 03.02.2025

Accepted: 17.02.2025

FEATURES OF THE CONCEPT OF LEGITIMATION IN RUSSIAN LAW ENFORCEMENT

Semyon P. Malyshkin

State Academic University of Humanities, Moscow, Russian Federation

Introduction: the topic of legitimation has received increasing attention in the legal community in recent years. However, a look at this process is not complete enough. So, basically, legitimation is only presented in the context of deliberative procedures in the legislative process. Nevertheless, legitimation represents a significant research and practical potential for compiling an objective picture of the effectiveness of domestic law enforcement, and therefore, the paper attempts to describe the concept of legitimation at this stage. **Purpose:** to propose explanatory models of the legitimation of norms in the process of law enforcement in the domestic legal system. **Methods:** the research methodology includes the socio-legal approach, the comparative law method, the system analysis, and the functional approach. As a **result** of the conducted research, the mechanisms of legitimation and delegitimization of legal norms in the context of domestic law enforcement are described and substantiated; the variability of such legitimation is shown and classified. **Conclusions:** like legislative norms, law enforcement decisions can also be included in the legitimation process. At the stage of law enforcement, legitimation may occur at the time when the law enforcement officer makes his decision on the case under consideration, as well as at the stage of execution of the decision by the person to whom it is addressed. In this regard, it is correct to draw a conclusion about the assessment of the effectiveness of the law enforcement process not by quantitative parameters of initiated or resolved cases but from the point of view of the qualitative parameter of the legitimacy of law enforcement decisions.

Key words: legitimation, delegitimization, law enforcement, recognition in law, law enforcement act, law formation, sociology of law.

Citation. Malyshkin S.P. Features of the Concept of Legitimation in Russian Law Enforcement. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 21-27. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.3>

УДК 340.132

ББК 67.0

Дата поступления статьи: 03.02.2025

Дата принятия статьи: 17.02.2025

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПЦИИ ЛЕГИТИМАЦИИ В РОССИЙСКОМ ПРАВОПРИМЕНЕНИИ

Семен Павлович Малышкин

Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Российская Федерация

Введение: теме легитимации в последние годы уделяется в юридическом сообществе все большее внимание. Однако взгляд на этот процесс оказывается недостаточно полным. Так, в основном легитимация представляется лишь в контексте делиберативных процедур в законодательном процессе. Тем не менее легитимация представляет значительный исследовательский и практический потенциал для составления объективной картины эффективности отечественного правоприменения, в связи с чем в настоящей статье предпринимается попытка описать концепцию легитимации на этом этапе. **Цель:** предложение объяснительных моделей легитимации норм в процессе правоприменения в отечественной системе права. **Методология** исследования включает в себя социолого-правовой подход, сравнительно-правовой метод, системный анализ, функциональный подход. **В результате** проведенного исследования описаны и обоснованы механизмы легитимации и делегитимации норм права в контексте отечественного правоприменения, показана и классифицирована вариативность такой легитимации. **Выводы:** как и законодательные нормы, правоприменитель-

ные решения также могут быть включены в процесс легитимации. На этапе правоприменения легитимация может происходить в момент принятия правоприменителем своего решения по рассматриваемому им делу, а также на этапе исполнения решения лицом, к которому оно адресовано. В связи с этим корректно сделать вывод и об оценке результативности правоприменительного процесса не количественными параметрами возбужденных или разрешенных дел, а с точки зрения качественного параметра легитимированности правоприменительных решений.

Ключевые слова: легитимация, делегитимация, правоприменение, признание в праве, правоприменительный акт, правообразование, социология права.

Цитирование. Малышкин С. П. Особенности концепции легитимации в российском правоприменении // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 21–27. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.3>

Введение

Интерес к теме легитимации, заявленной в настоящей работе, обусловлен общей неразработанностью рассматриваемой тематики в отечественной юридической науке. Как правило, легитимация рассматривается лишь как производное понятие от легитимности, которая в большей мере раскрывается в контексте социологической или политологической литературы [12, р. 37–40], но в последние годы стала также раскрываться и в юридических исследованиях [3]. Тем не менее тематика легитимности (и тем более легитимации) все еще остается периферийной темой для отечественной теоретико-правовой литературы, хотя, как представляется, является ключом к объяснению эффективности правового регулирования и иных процессов, происходящих в контексте правотворчества и правоприменения. Подтверждение нашим предположениям мы находим и в профильной литературе, где отмечается, что эффективность правового регулирования непосредственно связана с легитимностью (признанностью в качестве надлежащих для исполнения) норм права, которая не может быть сведена к свойству легальности или законности [2, с. 53].

Место легитимации права в системе юридической деятельности

Обращение же к правоприменительному аспекту в рамках заявленной темы обусловлено непопулярностью этого исследовательского ракурса в философско-правовой и теоретико-правовой литературе как в России, так и за рубежом. Отсутствие интереса к теме легитимации объясняется также и структур-

ными причинами, восходящими к особенностям существующих правовых семей. Так, в романо-германской правовой семье, в том числе в Российской Федерации, существует принципиальный разрыв между законодательной и правоприменительной деятельностью. Иными словами, законодательная деятельность далеко не всегда основывается на нуждах практики, на обратной связи от применения норм в той или иной сфере права. Поэтому иногда складывается ситуация, при которой введение новых законов не решает существующих практических проблем, но иногда даже усложняет общую систему действия норм, взаимодействия граждан между собой, а также с государством.

Правоприменение в таких условиях оказывается предоставленным самому себе. Поэтому, например, появляется законодательно признанная задача обеспечения единства судебной практики, которая решается Верховным и Конституционным судами Российской Федерации [9, с. 200–201]. Более того, в силу такого разрыва появляется практика применения норм не на основе текста федеральных законов, а на основе писем, приказов, распоряжений, регламентов и других форм подзаконных актов, что обрело свое обозначение в понятии регламентного права [4, с. 389–390]. При этом юридический характер части таких подзаконных актов иногда оказывается под вопросом.

По другой причине вопрос легитимации в контексте правоприменения не получает своего полного раскрытия в англо-саксонской правовой семье. В этой правовой традиции основным источником права, в принципе, является правоприменительный (как определили бы это в отечественной литературе) акт – судебный прецедент. Однако в силу этой осо-

бенности судебный акт и становится тем, что в отечественной и иной романо-германской системе права называется «законом». При этом такой «закон» существует наравне с аналогами актов, принимаемых парламентом – «статутами» [10, с. 34–35]. Поэтому в англо-саксонской правовой доктрине вопрос легитимации звучит более радикально: «Творят ли судьи право или применяют его?» [13, р. 1007–1009].

На основе вышеуказанных причин тематика легитимности и легитимации оказывается более раскрытой в контексте законотворчества. Например, концепция легитимации права Ю. Хабермаса строится вокруг признания законотворческих актов, что концептуализируется в понятиях делиберативных процедур и делиберативной демократии, которые отражают смысл принятия законодательных решений при обсуждении и участии представителей гражданского общества [1, с. 140]. Однако сама концепция делиберативной демократии, хотя и затрагивает сферу конституционного законодательства, в большей мере относится даже не к конституционализму, а к политологии и политической философии. А потому на первый план в этом аспекте выходит не вопрос действенности норм права, а вопросы обеспечения демократических стандартов принятия политических решений.

Таким образом, в отсутствие общей концепции легитимации в контексте правоприменения как в зарубежной, так и отечественной философско-правовой литературе задачей настоящей статьи является предложение объяснительных моделей легитимации норм в процессе правоприменения в отечественной системе права.

Обоснование возможности легитимации права на этапе правоприменения

Поскольку тема легитимации в контексте российского правоприменения во всех ее возможных аспектах была бы слишком широкой для освещения в одной статье, отметим основные положения для очерчивания границ нашего исследования. Мы отметили, что даже в профильной литературе, касающейся легитимации, речь ведется лишь о легитимации в контексте делиберативных процедур,

относящихся к законотворческой деятельности. Обращение в философско- и теоретическо-правовой литературе лишь к законотворчеству свидетельствует об отсутствии в доктрине определенности в отношении того, каким образом и на каких основаниях возможно описание легитимации вне законотворчества: в том числе в контексте правоприменения и тем более в контексте реализации права, которое практически не рассматривается как объект юридических исследований. Поэтому для приведения такой аргументации, которая относится к аксиоматическим положениям юриспруденции, в некоторой степени выходящим за пределы собственно юридической науки, обратимся к философско-правовой аргументации.

Для искомого обоснования обратимся к функциям права. В зарубежной литературе встречается точка зрения на основную функцию права, как на средство, служащее для урегулирования или предотвращения конфликтов. В американской литературе этот тезис также приписывают так называемой морально-функционалистской концепции права («moral functionalist» conception of law) [14, р. 276]. Если мы обратим внимание на отечественную теоретико-правовую литературу, затрагивающую функции права, то обнаружим схожие взгляды касательно назначения права – регулирование и охрана общественных отношений, что выражается соответственно в регулятивной или охранительной функции права [8, с. 131–132]. Последняя, в свою очередь, включает в себя функционал разрешения конфликтов, о котором было сказано в контексте зарубежной литературы.

Сопоставляя виды юридической деятельности (правотворчество и правоприменение) с описанными функциями права, мы приходим к выводу, что функция урегулирования конфликтов (охранительная функция) реализуется в контексте правоприменения. Правотворчество, в свою очередь, более релевантно регулятивной функции права. В этом контексте отметим, что если регулятивная функция может быть оценена на предмет легитимности, то и выполнение охранительной функции также по тем же основаниям может быть как легитимировано, так и делегитимировано.

Безусловно, вопросы о том, какие законы принимать, как распределять бюджет го-

сударства и распоряжаться налогами, которые относятся к законодательной деятельности, являются более острыми и масштабными, поэтому есть количественно больше оснований для существования практики их признания или непризнания. Однако по этим же основаниям может быть оценен и процесс воплощения этих норм в жизнь отдельными уполномоченными государственными органами и должностными лицами – правоприменение. Например, могут не признаваться или признаваться в качестве надлежащих обстоятельства, в которых применяются соответствующие правовые нормы, круг лиц, в отношении которых они применяются, форма их применения и другие параметры. При этом в данном случае признаваться (легитимироваться) или не признаваться могут не отдельные правоприменительные решения по какому-либо разрешаемому спору, но и общие практические закономерности или тенденции, когда по однородным спорам принимаются определенные и предсказуемые правоприменительные решения. Обратимся к структуре правоприменения, чтобы более конкретно описать механику легитимации в этом контексте.

Правоприменение в широком смысле как процесс урегулирования споров должностными лицами, государственными органами или иными уполномоченными лицами всегда подразумевает некоторый итог этой деятельности в виде правоприменительного решения или решений – издание правоприменительного акта (судебного решения, протокола, предупреждения и т. д.). В отечественной теории права принято считать, что именно этим и оканчивается правоприменительный процесс [5, с. 116]. Таким образом, правоприменительный процесс в некоторой степени аналогичен процессу законотворчества, результатом которого становится также определенный правовой акт. Однако такое представление и о законотворческом, и о правоприменительном процессах, результатом и завершением которых является создание правового акта (нормативного или индивидуального), является неполным. Как отмечают В.Ю. Трофимов и Н.А. Придворов, для действительного обретения юридической силы принятый закон должен пройти наряду с этапом формализации также этап социализации, то есть применения

на практике и оценки его адресатами такого закона, как надлежащего или ненадлежащего для его исполнения [7, с. 316–317]. Аналогичный процесс «социализации права» происходит и в случае с правоприменительными актами.

В этом контексте следует обратить внимание на ту часть правоприменительного процесса, в котором происходит легитимация или делегитимация права. Отвечая на этот вопрос, отметим, что легитимация или делегитимация может быть идентифицирована на двух этапах правоприменительного процесса. Во-первых, в момент принятия правоприменителем своего решения по рассматриваемому им делу. И во-вторых, на этапе исполнения решения лицом, к которому оно адресовано.

Иными словами, «социализация» на этапе правоприменения происходит и через понимание, толкование и оформление правоприменителем своего решения, когда посредством интерпретационной деятельности такого лица норма федерального закона, как правило, трансформируется из-за переложения ее на конкретные жизненные обстоятельства. Для понимания этого процесса можно обратиться, например, к объяснительной схеме Г.Ф. Шершеневича, представившего процесс правоприменения в виде силлогизма, в котором большая посылка (норма права), переходя через меньшую посылку (реальные жизненные обстоятельства дела), в любом случае изменяется с поправкой на них [11, с. 405].

К этому же относятся и ситуации некорректного понимания правоприменителем нормы (как в случае ее более строгого, так и в случае ее менее строгого применения). Очевидный пример, когда суды делегитимировали путем существенно более широкого толкования ст. 282 Уголовного кодекса РФ при квалификации лайков и репостов в соцсетях. На это обратил внимание впоследствии Верховный суд РФ [6]. Этот случай корректно квалифицировать как делегитимацию нормы потому, что ее юридический смысл размывается и заменяется не соответствующим этому замыслу произвольным пониманием должностных лиц через соответствующую правоприменительную практику.

Легитимация и делегитимация также могут происходить и на этапе исполнения вынесенного правоприменительного решения.

В контексте правоприменения должно быть даже более очевидно, что оценка ее результата заключается в виде исполнения этого предписания лицом, к которому оно обращено, а не просто в вынесенном акте. Отсюда следует, что для более реалистичного представления о результатах правоприменения целесообразнее было бы обращать внимание на действия лица, к которому обращены эти правоприменительные акты. Так, к примеру, решения могут не исполняться, предписания игнорироваться, штрафы не оплачиваться. Однако подчеркнем, что нарушение и делегитимация решения не являются одним и тем же действием.

Неисполнение решения суда или другого правоприменительного органа или лица характеризуется полным отказом обязанного лица от совершения возложенного на него действия. Делегитимация оказывается ближе к злоупотреблению правом, обходу закона, действиям по типу «итальянской забастовки». Такое понимание делегитимации более релевантно для гражданско-правовой сферы (в широком смысле) в силу того, что в охранительных отраслях права правоприменительные решения реже возлагают на лиц, к которым обращены такие правоприменительные решения, обязанность в виде активных действий. В большей мере в охранительных отраслях права предусматриваются обязанности в виде претерпевания неблагоприятных действий. В гражданско-правовой же сфере лицо может напрямую не отказываться от исполнения обязанности, но создавать условия, замедляющие, отсрочивающие или искажающие изначальный смысл возложенной на него обязанности. Например, инициация процедур банкротства таким должником, использование фактических процессуальных особенностей, замедляющих движение дела (например, подача заявлений в более загруженный суд с более медленным делопроизводством, выбор более загруженного отделения ФССП и т. д.).

Выводы

Таким образом, на основе обращения к функциям права, приведения аналогии с процессом правообразования и наблюдения структурной разделенности процессов формализации и исполнения правоприменительных

актов, мы пришли к выводу, что, как и законодательные нормы, правоприменительные решения также могут приниматься и одобряться их адресатами (гражданами, организациями, должностными лицами) и не одобряться, игнорироваться или саботироваться. Мы также отметили, что понятие делегитимации в контексте правоприменения оказывается ближе к злоупотреблению правом, обходу закона, действиям по типу «итальянской забастовки», но не открытому отказу в исполнении нормы, которая обращена к определенному лицу вынесенным правоприменительным актом. В связи с этим мы делаем вывод, что результативность правоприменительного процесса требует также оценки решений, вынесенных в этом процессе, с позиций легитимированности таких решений их адресатами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Денисенко, В. В. Делиберативность как принцип принятия публично-правовых решений в правовом государстве / В. В. Денисенко // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 140–142.
2. Денисенко, В. В. Легитимация норм права в трудах Г.В. Мальцева / В. В. Денисенко // Юридический мир. – 2024. – № 11. – С. 51–53.
3. Легитимность права. – СПб. : Алетей, 2019. – 496 с.
4. Назайкинская, В. А. Понятие и особенности административного регламента как источника российского права / В. А. Назайкинская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2023. – Т. 27, № 2. – С. 383–396.
5. Палеха, Р. Р. Правоприменительный акт – завершающий этап правоприменительной деятельности / Р. Р. Палеха // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2006. – № 2. – С. 114–116.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.09.2018 № 32 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 “О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности”» // Российская газета. – 2018. – № 215.
7. Придворов, Н. А. Правообразование и правообразующие факторы в праве / Н. А. Придворов, В. В. Трофимов. – М. : Норма, 2016. – 400 с.
8. Радько, Т. Н. Теория функций права / Т. Н. Радько. – М. : Проспект, 2014. – 269 с.

9. Ситникова, И. Л. Единство судебной практики – потребность и веление правоприменительного процесса / И. Л. Ситникова // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – № 2. – С. 198–202.

10. Четвернин, В. А. Введение в курс общей теории права и государства / В. А. Четвернин. – М. : Ин-т государства и права РАН, 2003. – 204 с.

11. Шершеневич, Г. Ф. Избранное : в 6 т. Т. 4 (включая Общую теорию права) / Г. Ф. Шершеневич ; вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. – М. : Статут, 2016. – 752 с.

12. Beetham, D. The Legitimation of Power / D. Beetham. – N. Y. : Palgrave Macmillan, 2003. – 267 p.

13. Llevellin, K. N. The Case Law System in America / K. N. Llevellin // Columbia Law Review. – 1988. – Vol. 88, № 5. – P. 989–1020.

14. Turk, A. T. Law as a Weapon in Social Conflict / A. T. Turk // Social Problems. – 1976. – Vol. 23, № 3. – P. 276–291.

REFERENCES

1. Denisenko V.V. Deliberativnost kak princip prinjatija publichno-pravovyh reshenij v pravovom gosudarstve [Deliberation as a Principle of Public Law Decision-Making in a State Governed by the Rule of Law]. *Juridicheskaja tehnika* [Legal Technique], 2020, no. 14, pp. 140–142.

2. Denisenko V.V. Legitimacija norm prava v trudah G.V. Malceva [Legitimation of the Norms of Law in the Works of G.V. Maltsev]. *Juridicheskij mir* [Legal World], 2024, no. 11, pp. 51–53.

3. *Legitimnost prava* [Legitimacy of Law]. Saint Petersburg, Aletejja Publ., 2019. 496 p.

4. Nazajkinskaja V.A. Ponjatie i osobennosti administrativnogo reglamenta kak istochnika rossijskogo prava [Concept and Features of Administrative Regulations as a Source of Russian Law]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Juridicheskie nauki* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences], 2023, vol. 27, no. 2, pp. 383–396.

5. Paleha R.R. Pravoprimeritelnyj akt – zavershajushhij etap pravoprimeritelnoj dejatel'nosti

[Law Enforcement Act is the Final Stage of Law Enforcement Activity]. *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2006, no. 2, pp. 114–116.

6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 20.09.2018 № 32 «O vnesenii izmenenij v postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 28 ijunia 2011 goda № 11 “O sudebnoj praktike po ugolovnym delam o prestuplenijah ekstremistskoj napravlenosti”» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Dated September 20, 2018 No. 32 “On Amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Dated June 28, 2011 No. 11 ‘On Judicial Practice in Criminal Cases of Extremist Crimes’”]. *Rossijskaja gazeta*, 2018, no. 215.

7. Pridvorov N.A., Trofimov V.V. *Pravoobrazovanie i pravoobrazujushhie faktory v prave* [Legal Formation and Legal-Forming Factors in Law]. Moscow, Norma Publ., 2016. 400 p.

8. Radko T.N. *Teorija funkcij prava* [Theory of the Functions of Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 269 p.

9. Sitnikova I.L. Edinstvo sudebnoj praktiki – potrebnost i velenie pravoprimeritel'nogo processa [Unity of Judicial Practice is the Need and Imperative of the Law Enforcement Process]. *Sibirskoe juridicheskoe obozrenie* [Siberian Legal Review], 2019, no. 2, pp. 198–202.

10. Chetvernin V.A. *Vvedenie v kurs obshhej teorii prava i gosudarstva* [Introduction to the General Theory of Law and the State]. Moscow, In-t gosudarstva i prava RAN, 2003. 204 p.

11. Shershenevich G.F. *Izbrannoe: v 6 t. T. 4 (vključaja Obshhiju teoriju prava)* [Favorites: In 6 Vols. Vol. 4 Including the General Theory of Law]. Moscow, Statut Publ., 2016. 752 p.

12. Beetham D. *The Legitimation of Power*. New York, Palgrave Macmillan, 2003. 267 p.

13. Llevellin K.N. The Case Law System in America. *Columbia Law Review*, 1988, vol. 88, no. 5, pp. 989–1020.

14. Turk A.T. Law as a Weapon in Social Conflict. *Social Problems*, 1976, vol. 23, no. 3, pp. 276–291.

Information About the Author

Semyon P. Malyshkin, Master of Sciences (Jurisprudence), Postgraduate Student, Department of Theory and History of State and Law, State Academic University of Humanities, Maronovskij Lane, 26, 119049 Moscow, Russian Federation, blkkosa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8541-4242>

Информация об авторе

Семен Павлович Малышкин, магистр права, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Государственный академический университет гуманитарных наук, пер. Мароновский, 26, 119049 г. Москва, Российская Федерация, blkkosa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8541-4242>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.4>

UDC 340.12

LBC 67.0

Submitted: 09.01.2025

Accepted: 28.01.2025

MORE ON THE CONCEPT “THE INTERPRETATION OF A CONTRACT”

Evgeny M. Terekhov

Saratov State Law Academy (Balakovo Branch), Balakovo, Russian Federation

Introduction: the official interpretation of legal norms is one of the elements that support the functioning of the mechanism of the legal regulation of public relations. In the vast majority of cases, it is implemented in relation to the norms of law, but its role is not limited to this area alone. The official interpretation of contracts has an independent significance in law, which, due to its lack of study, requires increased attention. **Purpose:** to find the truth in the matter of establishing the definition of “the interpretation of the contract,” an attempt to develop the author’s definition of this concept. **Methods:** the methodological framework for the research is a set of methods of scientific knowledge, including consistency, analysis, comparative law, and formal legal. **Results:** the author’s position, substantiated in the work, on the characteristics of the concept of “the interpretation of a contract,” is based on the work of scientists, the provisions of current legislation, the interpretative acts of judicial authorities of the Russian Federation, and the results of law enforcement practice. **Conclusions:** as a result of the conducted research, it is established that the interpretation of a contract should be understood as a set of actions related to a legal dispute, committed by a court in connection with the revealed ambiguity in the content of the expressed and implied terms of the contract, aimed at establishing their meaning, in order to eliminate the identified uncertainty and ensure the possibility of its full implementation by the parties. The proposed wording is derived based on the analysis of individual features characterizing the process of disclosure of the meaning of a contract. In turn, the interpretation of a contract is a state guarantee aimed at the effective implementation of contractual relations in society.

Key words: legal activity, legal interpretation activity, interpretation of law, clarification, interpretative act, interpretative practice.

Citation. Terekhov E.M. More on the Concept “The Interpretation of a Contract”. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 28-33. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.4>

УДК 340.12

ББК 67.0

Дата поступления статьи: 09.01.2025

Дата принятия статьи: 28.01.2025

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ТОЛКОВАНИЕ ДОГОВОРА»

Евгений Михайлович Терехов

Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии,
г. Балаково, Российская Федерация

Введение: официальное толкование норм права выступает одним из элементов, поддерживающих работоспособность механизма правового регулирования общественных отношений. В преобладающем большинстве случаев оно реализуется в отношении норм права, однако только этим направлением его роль не ограничивается. Самостоятельное значение в праве имеет официальное толкование договоров, которое в силу своей недостаточной изученности требует к себе увеличения внимания. **Цель:** поиск истины в вопросе установления определения «толкование договора», попытка выработки авторского определения данного понятия. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых системность, анализ, сравнительно-правовой, формально-юридический. **Результаты:** обоснованная в работе авторская позиция о характеристике понятия «толкование договора» опирается на работы ученых, положения действующего законодательства, интерпретационные акты органов судебной власти РФ, результаты правоприменительной практики. **Выводы:** в результате проведенного исследования установлено, что под толкованием договора стоит понимать сопряженную со спором о праве

совокупность действий, совершаемых судом в связи с обнаружившейся неоднозначностью содержания выраженных и подразумеваемых условий договора, направленная на установление их смысла, с целью устранения выявленной неопределенности и обеспечения возможности его полноценного исполнения сторонами. Предложенная формулировка выведена на основании анализа отдельных признаков, характеризующих процесс раскрытия смысла договора. В свою очередь, толкование договора представляет собой государственную гарантию, направленную на эффективную реализацию договорных отношений в обществе.

Ключевые слова: юридическая деятельность, правоинтерпретационная деятельность, толкование права, разъяснение, интерпретационный акт, интерпретационная практика.

Цитирование. Терехов Е. М. К вопросу о понятии «толкование договора» // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 28–33. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.4>

Введение

Правоинтерпретационная деятельность является самостоятельной правовой категорией, для которой свойственно собственное понятие, признаки, виды и прочие элементы конструкции. Особое место в ее механизме занимает вопрос подразделения на различные виды. Толкование норм права играет основную роль в механизме правового регулирования общественных отношений, поскольку интерпретационные акты, издаваемые по его окончанию, используются субъектами права для решения возникших правовых споров. Однако, наряду с толкованием норм права, существует толкование договора, которое в отечественной правовой науке получило меньшее внимание исследователей.

При увеличении темпов развития гражданского оборота возрастает скорость развития договорных отношений. Ежегодно физическими и юридическими лицами заключается определенное количество сделок в самых разных областях общественной жизни. Многие из них исполняются надлежащим образом, однако в юридической практике возникают случаи, когда заключенный договор содержит в себе неоднозначные условия, препятствующие его эффективному и полноценному исполнению, что порождает потребность в его толковании. Только через него можно добиться раскрытия смысла необходимых условий договора и обеспечить последующее его исполнение. К сожалению, несмотря на всю значимость, институт толкования договора до сих пор имеет некоторые пробелы в своем анализе, устранение которых является нашей общей задачей.

Многообразие понятий «толкование договора»

Исследование любого вида правовой деятельности невозможно без четкого понимания ее определения. Полноценное рассмотрение принципов, функций, видов и иных элементов толкования договора нельзя реализовать без четкого восприятия того, что же представляет собой процесс толкования этого самого договора.

Несмотря на то что понятие толкования договора у большинства лиц вызывает вполне конкретные представления о нем, в правовой науке отсутствует единое понимание данной правовой категории.

Оговоримся, что применительно к теме настоящей статьи подразумевается многообразие договоров, среди которых можно выделить гражданско-правовые, трудовые, брачные и иные. Международные договоры не выступают предметом рассмотрения настоящей статьи, поскольку имеют такие особенности, как: субъект заключения – государство (либо иной субъект международного права); правом их толкования может быть наделен специально учрежденный суд либо комиссия; имеют особый порядок заключения и реализации и пр.

На сегодняшний день одной из самых распространенных и обобщенных точек зрения выступает та, согласно которой толкование договора – это уяснение и разъяснение его смысла, отдельных его условий [12].

С одной стороны, это так, толкование действительно позволяет понять смысл договора, однако, по нашему мнению, подобным определением анализируемая деятельность в необходимой мере не раскрывается, не обращается внимание на ее сущность, а ведь это

значимая часть процесса толкования, забывать про которую не стоит. Иначе получится, что толкование договора есть раскрытие его смысла. В каких ситуациях это требуется, что подразумевает, как реализуется и т. д., останется загадкой с признаками явно выраженного субъективного усмотрения, с которым следует бороться, иначе ни о каком единообразии интерпретационной договорной деятельности не придется говорить. Субъективное усмотрение опасно тем, что может порождать элементы правотворчества договора, то есть вкладывать в отдельные его пункты смысл, который не был предусмотрен этим договором на момент его заключения. С этим нужно бороться, например, посредством выбора и фиксации конкретного способа толкования договора в случае возникновения сомнений в его смысле либо толковать с учетом ориентира на общеправовые принципы.

Д.И. Рысаев убежден, что «толкование договора следует понимать, как деятельность, направленную на установление смысла условий договора» [8, с. 311].

Н.А. Кирилова полагает, что толкование договора – это «интеллектуальный, мыслительный процесс по уяснению смысла неясных условий договора» [5, с. 69].

Предложенные формулировки сводятся лишь к уяснению смысла условий договора, не уточняя при этом соответствующей методики и не раскрывая специфики. Авторы не указывают, кем и с какой целью проводится такая работа.

А.К. Байрамкулов в анализируемое понятие вкладывает работу суда по установлению значений условий договора с целью определения прав и обязанностей сторон [2, с. 49].

Более расширенное понятие толкования договора предлагает Н.В. Степанюк, согласно которому это деятельность, направленная на уяснение смысла договора, определение совместного намерения сторон; деятельность по восполнению пробелов в содержании договора; деятельность по устранению противоречий в содержании договора [9, с. 8].

Большинство из предложенных определений сводятся к раскрытию смысла условий договора, не конкретизируя при этом специфические черты такой работы (цель, основания и т. п.). Исходя из этого, требуется

выработка понятия «толкование договора», которое отражало бы основные черты данного вида деятельности, а также характеризовало как самостоятельный вид интерпретационной работы.

Попытка поиска истины в понятии «толкование договора»

Для того чтобы дать определение понятию «толкование договора», нужно помнить о том, что работа по интерпретации соглашений возникла не вчера и не сегодня, она представляет собой составную часть общей интерпретационной деятельности, которая функционирует и развивается по определенным канонам. Поэтому нельзя «отрывать» определение интерпретационной деятельности от определения толкования договора, первое занимает ключевое положение в структуре анализируемой категории.

Говоря о толковании договора, первое, на что стоит обратить внимание, это основания, наличие которых вызывает соответствующую необходимость. На этот счет также выделяются разные мнения. Например, Д.Г. Хайрулин считает, что основанием толкования договора выступает «момент, когда стороны обратятся в суд, который будет применять законодательные положения, предусматривающие соответствующие правила толкования договора для разрешения ситуации» [11, с. 290]. Безусловно, стороны имеют право на обращение в суд, однако нужно понимать, что объективную потребность в этом образует обнаружившаяся неопределенность в понимании смысла условий договора, которая препятствует установлению общей воли сторон договора, а не сам факт обращения в суд.

Е.М. Фетисова, напротив, полагает, что «необходимость в толковании договора возникает при всяком анализе договора, даже в том случае, когда результат толкования очевиден» [10, с. 24].

Толкование нельзя проецировать на все без исключения действующие договоры. В тех ситуациях, когда заключенный договор полностью понятен сторонам, не вызывает сомнений в смысле его положений (условий), он вообще не должен требовать толкования, особенно использования официальной его разно-

видности. Нельзя толковать то, чего нет: если есть неоднозначность смысла, то и возникает толкование, а если она отсутствует, то толкование не требуется. Безусловно, в теории права до сих пор актуальна дискуссия о том, нуждается ли каждая норма в толковании, однако здесь нужно использовать рациональный подход и смотреть на определенные вещи осмысленно по двум причинам. Во-первых, если две стороны договора отчетливо понимают, что красный цвет – это красный, а не зеленый, по мнению одной из них, и у них не вызывает сомнений данное положение договора, то зачем толковать это положение? Во-вторых, если на каждое положение договора, особенно понятное (ясное), издавать интерпретационный акт, равно как и на каждую однозначную норму права также издавать акт ее толкования, то количество интерпретационных актов превысит количество нормативных. Это приведет к тому, что на один договор может быть принято несколько актов толкования права, а это есть ничто иное, как утопия, которая повлечет снижение эффективности механизма правового регулирования общественных отношений – граждане и должностные лица попросту запутаются в этом обилии правовых актов. О каком качестве договора может идти речь, если даже самый грамотно составленный и оформленный договор будет иметь по два или три акта его толкования? А главное, зачем? Документ для документа? Именно поэтому основанием толкования договора является неоднозначность понимания смысла его положений (условий), которая ставит под сомнение его реализацию. Подобная неоднозначность тесно связана с такой стороной толкования, как разъяснение, суть которого сводится к доведению смысла неоднозначных условий договора до заинтересованных лиц.

Неоднозначность понимания может иметь место, когда стороны заключенного договора придерживаются своего субъективного понимания отдельных условий договора. Это является предпосылкой для перехода к субъекту толкования договора.

Вполне логично, что в случае наличия основания для толкования договора возникает спор о праве. Первая сторона договора занимает одну интерпретационную позицию, а вторая сторона договора – противоположную

интерпретационную позицию. Разумеется, что в этой ситуации только суд будет выступать тем уполномоченным субъектом толкования, который может поставить конечную точку в интерпретационном споре, к мнению которого стороны прислушаются и примут во внимание, даже учитывая возможность использования права на пересмотр судебной ошибки вышестоящими судами.

Нас интересует юридически значимое толкование договора, то есть такое, итог которого будет бесспорно принят к сведению всеми сторонами договора. Конечно, толковать условия договора вправе его стороны, различные аудиторские компании, иные лица и т. д., однако такое толкование не будет восприниматься всеми сторонами договора, как истинное. Из этого следует, что важнейшим обстоятельством толкования договора служит его сопряжение со спором о праве, в рамках которого в большинстве случаев происходит раскрытие смысла соглашения.

Несмотря на то что сегодня Высший Арбитражный суд РФ не функционирует, после его упразднения осталось немало интересных интерпретационных и правоприменительных актов. В постановлении Президиума ВАС РФ от 10 июня 2014 г. № 2504/14 указано, что положения гражданского законодательства о толковании договоров адресованы суду, как органу, правомочному разрешать договорные споры [7].

Еще одним фактором, влияющим на возможность формулирования понятия «толкование договора» является предпринятие конкретных действий, которые способствуют раскрытию смысла неоднозначных положений (условий) договора.

Смысл договора раскрывается через процесс уяснения. Но что такое уяснение смысла договора, точнее, что для этого требуется? Достаточно ли для уяснения изучить лишь текст договора либо наряду с текстом требуется вникать в другие документы?

В одном из комментариев к Гражданскому кодексу РФ указано, что приниматься во внимание должны не только сам текст договора, но и его цель, результаты переговоров, переписка контрагентов, а также их последующее поведение, практика взаимоотношений. Все это дает почву для установления

действительной общей воли сторон [4]. Подобная методика может быть использована в случае системного толкования. Если нас интересует буквальное толкование, то рассматриваться будут неоднозначные условия договора посредством сопоставления с иными условиями договора с учетом общепринятого значения слов и выражений.

В любом случае объединяет буквальное и системное толкование тот факт, что для их реализации уполномоченный субъект должен использовать определенную совокупность действий, что также должно найти отражение в формулировании исследуемого нами понятия.

Говоря об условиях договора, целесообразно остановиться на таком моменте, как их виды, применительно к структуре договора, поскольку этот вопрос прямо влияет на его толкование.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ, договор считается заключенным в случае достижения между контрагентами соглашения по всем существенным условиям [6]. Получается, что все условия, которые отражены в договоре, фактически являются существенными. Даже с той позиции, что в случае установления смысла они могут быть использованы в сопоставлении со смыслом иных положений договора. С обозначенным подходом солидарны М.Н. Брагинский и В.В. Витрянский [3, с. 243].

Однако нужно понимать, что условия договора все-таки могут быть классифицированы на прямо выраженные и подразумеваемые [1, с. 122]. Прямо выраженными следует признавать условия, четко прописанные в договоре (предмет, цена, права и обязанности сторон и т. д.). Подразумеваемые – условия, которые документально не зафиксированы в нем, но выводятся из его текста. Например, стороны при заключении договора обговорили не все условия исчерпывающим образом и не полагали, что в будущем одно из них возникнет и будет влиять на ход исполнения договорных обязательств.

Выводы

Таким образом, под толкованием договора стоит понимать сопряженную со спором о праве совокупность действий, совершаемых

судом в связи с обнаружившейся неоднозначностью содержания выраженных и подразумеваемых условий договора, направленная на установление их смысла, с целью устранения выявленной неопределенности и обеспечения возможности его полноценного исполнения сторонами.

Предложенная формулировка выведена на основании анализа отдельных признаков, характеризующих процесс раскрытия смысла договора. В свою очередь, толкование договора представляет собой государственную гарантию, направленную на эффективную реализацию договорных отношений в обществе.

Для обеспечения потребностей перспективного правового развития общества вопросы толкования договоров государству следует держать на контроле, своевременно принимая необходимые меры (анализируя статистику заключенных договоров; количество изданных в их отношении интерпретационных актов; исследуя потребности в издании актов толкования и т. д.), совершенствуя при этом интерпретационные методики, в том числе корректируя систему интерпретационных актов (посредством своевременного внесения необходимых изменений и дополнений в их тексты), влияющих на данный процесс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ансон, В. Р. Договорное право / В. Р. Ансон. – М. : Юрид. лит., 1984. – 463 с.
2. Байрамкулов, А. К. Толкование договора в российском и зарубежном праве / А. К. Байрамкулов. – М. : Статут, 2016. – 224 с.
3. Брагинский, М. Н. Договорное право / М. Н. Брагинский, В. В. Витрянский. – М. : Статут, 1997. – 681 с.
4. Гришаев, С. П. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. Часть первая / С. П. Гришаев, Т. В. Богачева, Ю. П. Свит. – URL: <http://www.consultant.ru>
5. Кирилова, Н. А. Толкование гражданско-правовых договоров: формирование новых подходов / Н. А. Кирилова // Проблемы права. – 2022. – № 2. – С. 66–71.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса РФ о заключении и толковании договора» // Российская газета. – 2019. – 11 янв.

7. Постановление Президиума ВАС РФ от 10.06.2014 г. № 2504/14 по делу № А40-79875/2013. – URL: <http://www.consultant.ru>

8. Рысаев, Д. И. Толкование гражданско-правового договора: теоретико-правовой аспект / Д. И. Рысаев // Молодой ученый. – 2020. – № 49. – С. 309–312.

9. Степанюк, Н. В. Толкование гражданско-правового договора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Степанюк Наталья Вацлавовна. – М., 2008. – 30 с.

10. Фетисова, Е. М. Принципы толкования гражданско-правовых договоров / Е. М. Фетисова // Вестник Высшего арбитражного суда РФ. – 2013. – № 8. – С. 16–45.

11. Хайрулин, Д. Г. Толкование договора: теория и практика / Д. Г. Хайрулин // Вопросы российской юстиции. – 2020. – № 7. – С. 281–303.

12. Черданцев, А. Ф. Толкование права и договора / А. Ф. Черданцев. – М. : Юнити-Дана, 2003. – 318 с.

REFERENCES

1. Anson V.R. *Dogovornoe pravo* [Contract Law]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1984. 463 p.

2. Bayramkulov A.K. *Tolkovanie dogovora v rossijskom i zarubezhnom prave* [Interpretation of the Contract in Russian and Foreign Law]. Moscow, Statut Publ., 2016. 224 p.

3. Braginsky M.N., Vitryansky V.V. *Dogovornoe pravo* [Contract Law]. Moscow, Statut Publ., 1997. 681 p.

4. Grishaev S.P., Bogacheva T.V., Svit Yu.P. *Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu RF. Chast pervaja* [Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part One]. URL: <http://www.consultant.ru>

5. Kirillova N.A. *Tolkovanie grazhdansko-pravovyh dogovorov: formirovanie novyh podhodov* [Interpretation of Civil Law Contracts: Formation of

New Approaches]. *Problemy prava* [Legal Problems], 2022, no. 2, pp. 66–71.

6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 25.12.2018 g. № 49 «O nekotoryh voprosah primeneniya obshhih polozhenij Grazhdanskogo kodeksa RF o zakljuchenii i tolkovanii dogovora» [Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Dated December 25, 2018 № 49 “On Some Issues of Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the Conclusion and Interpretation of a Contract”]. *Rossijskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2019, Jan. 11.

7. *Postanovlenie Prezidiuma VAS RF ot 10.06.2014 g. № 2504/14 po delu № А40-79875/2013* [Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation Dated 06.10.2014 № 2504/14 in Case № А40-79875/2013]. URL: <http://www.consultant.ru>

8. Rysaev D.I. *Tolkovanie grazhdansko-pravovogo dogovora: teoretiko-pravovoj aspect* [Interpretation of a Civil Law Contract: Theoretical and Legal Aspect]. *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], 2020, no. 49, pp. 309–312.

9. Stepanyuk N.V. *Tolkovanie grazhdansko-pravovogo dogovora: avtoref dis. ... kand. jurid. nauk* [Interpretation of a Civil Law Contract]. Moscow, 2008. 30 p.

10. Fetisova E.M. *Principy tolkovaniya grazhdansko-pravovyh dogovorov* [Principles of Interpretation of Civil Law Contracts]. *Vestnik Vysshego arbitrazhnogo suda RF* [Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation], 2013, no. 8, pp. 16–45.

11. Khairullin D.G. *Tolkovanie dogovora: teorija i praktika* [Treaty Interpretation: Theory and Practice]. *Voprosy rossijskoj justicii* [Questions of Russian Justice], 2020, no. 7, pp. 281–303.

12. Cherdantsev A.F. *Tolkovanie prava i dogovora* [Interpretation of Law and Contract]. Moscow, Unity-Dana Publ., 2003. 318 p.

Information About the Author

Evgeny M. Terekhov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Public Law Disciplines, Saratov State Law Academy (Balakovo Branch), Krasnaya Zvezda St, 8/1, 413865 Balakovo, Russian Federation, terehov1989@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3510-1077>

Информация об авторе

Евгений Михайлович Терехов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии, ул. Красная Звезда, 8/1, 413865 г. Балаково, Российская Федерация, terehov1989@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3510-1077>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.5>UDC 340
LBC 67.0Submitted: 10.02.2025
Accepted: 17.02.2025

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF “LEGAL LITERACY”, “LEGAL NURTURING”, “LEGAL EDUCATION”, “LEGAL INFORMATION” AND “LEGAL LEARNING”

Danil V. Kononenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the use of the concepts of literacy, nurturing, education, information, and learning in relation to legal categories leads to unjustified confusion and the creation of a false synonymous series. In the framework of the paper, it is proposed to make a primary distinction between these concepts. Based on the analysis of the selected papers (see the list of references), as well as the regulatory legal acts, the author's scheme for distinguishing the concepts of “legal literacy,” “legal nurturing,” “legal education,” “legal information,” and “legal learning” is proposed. The **purpose** of the study is to systematize and differentiate the definitions under study to create a clear semantic field and the possible introduction of the desired units into scientific and legislative circulation. **Research methods:** the general scientific dialectical, universal scientific methods (analysis and synthesis, induction and deduction, structural-functional, formal-logical), and the special legal methods (comparative law, formal-legal). **Conclusions:** the concepts are distinguished, the definitions are given, and the classification of the studied objects is drawn up.

Key words: legal literacy, legal nurturing, legal education, legal information, legal learning.

Citation. Kononenko D.V. The Relationship Between the Concepts of “Legal Literacy”, “Legal Nurturing”, “Legal Education”, “Legal Information” and “Legal Learning”. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 34–38. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.5>

УДК 340
ББК 67.0Дата поступления статьи: 10.02.2025
Дата принятия статьи: 17.02.2025

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПРАВОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ», «ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ», «ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ», «ПРАВОВОЕ ИНФОРМИРОВАНИЕ» И «ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»

Данил Валерьевич Кононенко

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: использование понятий грамотность, воспитание, просвещение, информирование и образование в привязке к правовым категориям приводит к неоправданному смешению и созданию ложного синонимического ряда. В рамках статьи предлагается провести первичное разграничение этих понятий. На основе анализа выбранных статей (см. список литературы), а также нормативных правовых актов предлагается авторская схема разграничения понятий «правовая грамотность», «правовое воспитание», «правовое просвещение», «правовое информирование» и «правовое образование». **Цель исследования:** систематизировать и разграничить исследуемые дефиниции для создания ясного смыслового поля и возможного внедрения искомых единиц в научный и законодательный оборот. **Методология исследования:** общенаучный диалектический, универсальные научные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, структурно-функциональный, формально-логический), специально-юридические методы (сравнительно-правовой, формально-юридический). **Выводы:** проведено разграничение понятий, даны определения, выстроена классификация исследованных объектов.

Ключевые слова: правовая грамотность, правовое воспитание, правовое просвещение, правовое информирование, правовое образование.

Цитирование. Кононенко Д. В. Соотношение понятий «правовая грамотность», «правовое воспитание», «правовое просвещение», «правовое информирование» и «правовое образование» // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 34–38. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.5>

Введение

В процессе обсуждения и инициирования социально значимых мероприятий высока вероятность рано или поздно встретить в разных сочетаниях и вариациях понятия «правовая грамотность», «правовое воспитание», «правовое просвещение», «правовое информирование» и «правовое образование». При этом, если некоторые категории, как правило, имеют однозначное понимание (правовое образование), то другие (правовое просвещение и воспитание) могут привести к определенным когнитивным затруднениям в попытке понять смысл, поскольку зачастую эти понятия обучающего характера используются в документах программного свойства, в том числе и принимаемых центральными органами власти, которые волей-неволей приходится интерпретировать для текущей деятельности.

В официальных документах время от времени можно встретить рассматриваемые термины юрико-учебного свойства, однако, раскрытие этих понятий данными актами не предусмотрено, что оставляет широкий простор для толкования.

К примеру, казалось бы, имея в наличии «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», утвержденные Президентом РФ 28.04.2011 № Пр-1168, судя по названию, акт, претендующий на базовый характер в этой сфере, в самом документе определение правовой грамотности не дано. Вместе с тем заслугой данного документа является введение в государственно-правовой дискурс понятий, обозначенных в названии статьи.

То же касается и Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» и Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Использование терминов «правовое просвещение» и «правовое информирование» происходит в узконаправленных целях, постулируемых этими нормативными правовыми актами, и разъяснение данных формулировок также не происходит. В законе о бесплатной юридической помощи (ст. 28) достаточно выпукло раскры-

вается суть «правового просвещения и правового информирования» в контексте деятельности, регулируемой этим нормативным правовым актом, но не проводится разграничения между просвещением и информированием, так же, как и было ранее упомянуто, не давая им определения, то есть буквально предполагая, что эти две формы правовой активности не имеют различия, что, как представляется, не совсем верно. В Законе «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» (ст. 18) понятие «правовое информирование» так же дается в связке с категорией «правовое просвещение». Несмотря на то что в статье по крайней мере раскрываются процедуры и действия, которые могли бы нам дать представление об указанном понятии, такие обороты, как «доводят... информацию» или «информация может доводиться» все же свидетельствуют о некотором сужении понятийного поля или смещении его к «правовому информированию».

Закрепление же понятий «правовое воспитание», «правовое образование» и «правовая грамотность» еще более пунктирно, только в качестве отдельных упоминаний в нормах общего плана. Таким образом, можно увидеть, что в легальном поле определения искомых понятий отсутствуют.

В юридической литературе обсуждение перечисленных выше терминов ведется, однако, эта дискуссия не носит характер оживленной. В отдельных научных публикациях вопрос усовершенствования научного аппарата в этой сфере ставится, но чаще это также имеет вспомогательный характер, оттеняемый более магистральными целями и задачами исследований, которые ставят перед собой авторы. К примеру, часть авторов [1, с. 40–44; 2, с. 54–57] рассматривают данные юрико-обучающие понятие применительно лишь к методам подготовки, приемам и способам, используемым в образовании. Другие же останавливаются на общих характеристиках одного из явлений, представляющихся предметом исследования этой статьи [3, с. 179–188; 4, с. 77–81].

Одной из немногих попыток предпринять научное осмысление одного из понятий, в частности, правового просвещения, предпринято А.С. Доценко [4, с. 179–188]. Но даже не-

смотря на это, авторы, как правило, обращают свой взор на одну исследуемую категорию, хотя проблема носит значительный характер и на сегодняшний день действительно требуется вдумчивое осмысление и систематизация категорий, которые соединяют в себе области права и обучения. Поскольку, если «Правовое просвещение в большинстве случаев дефинируется в различных соотношениях с такими юридическими категориями, как правовая культура (в том числе с отдельными ее элементами, например, правосознанием), правовое образование, правовое обучение, правовое воспитание, правовое информирование» [4, с. 179–188], то это в равной степени относится и к любому другому явлению этого ряда относительно друг друга. При этом не стоит забывать, что в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ с 2021 г. законодательно закреплена «просветительская деятельность», что «коррелирует с понятием “просвещение”, которое, в свою очередь, имеет весьма широкое распространение в сфере научных исследований» [5, с. 198–210].

В этой связи следует признать, что работы, обобщающие представленные термины из учебно-юридической области, в научном поле отсутствуют.

При попытке первичного анализа научной литературы и законодательства в рамках дискуссии и для определения понятийного аппарата предлагаются такие описания терминов:

1. Правовая грамотность – это уровень знаний и понимания человеком окружающей государственно-правовой действительности и явлений.

2. Правовое воспитание – это целенаправленный процесс формирования у человека на ранних этапах его развития осознанного отношения к государству, праву и смежным общественным явлениям.

3. Правовое просвещение – это структурированный процесс субъектов обучающей деятельности по повышению уровня правовой культуры, правового сознания и правовой грамотности, выражающийся в распространении правовых знаний, разъяснении положений нормативных правовых актов, предоставлении сведений о государственно-правовых явлениях.

4. Правовое информирование – это процесс предоставления гражданам и организаци-

ям актуальной и достоверной информации о государстве и праве как с общеобразовательной, так и, чаще всего, конкретно-специфической позиции (в ряде случаев – по запросу).

5. Правовое образование – это систематический процесс формирования у человека глубоких знаний, навыков и умений в сфере государства и права, осуществляемый в институционализированных организациях или уполномоченными субъектами.

На основе предварительно оформленного тезауруса и сопоставления значений исследуемых терминов следует признать, что, несмотря на смежный характер понятий, они не обозначают одно и то же явление.

Некоторые из них могут пересекаться, может происходить даже включение узкого по значению термина в более широкий. Кроме того, можно увидеть, что воспитание, просвещение, информирование и образование – это длящиеся явления, процессы, а правовая грамотность – состояние, качественная характеристика.

Выводы

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы о том, что правовое воспитание является первоосновой обретения знаний о праве и государстве, осуществляется с самых ранних лет и в первую очередь пронизывает дошкольное и школьное образование. Правовое просвещение является самым социально массовым процессом и проникает во все сферы общественной жизни, в том числе с помощью СМИ, или, шире, медиаресурсов. Просвещение является структурированным процессом, в отличие от информирования, носящего порой разовый и несистемный характер.

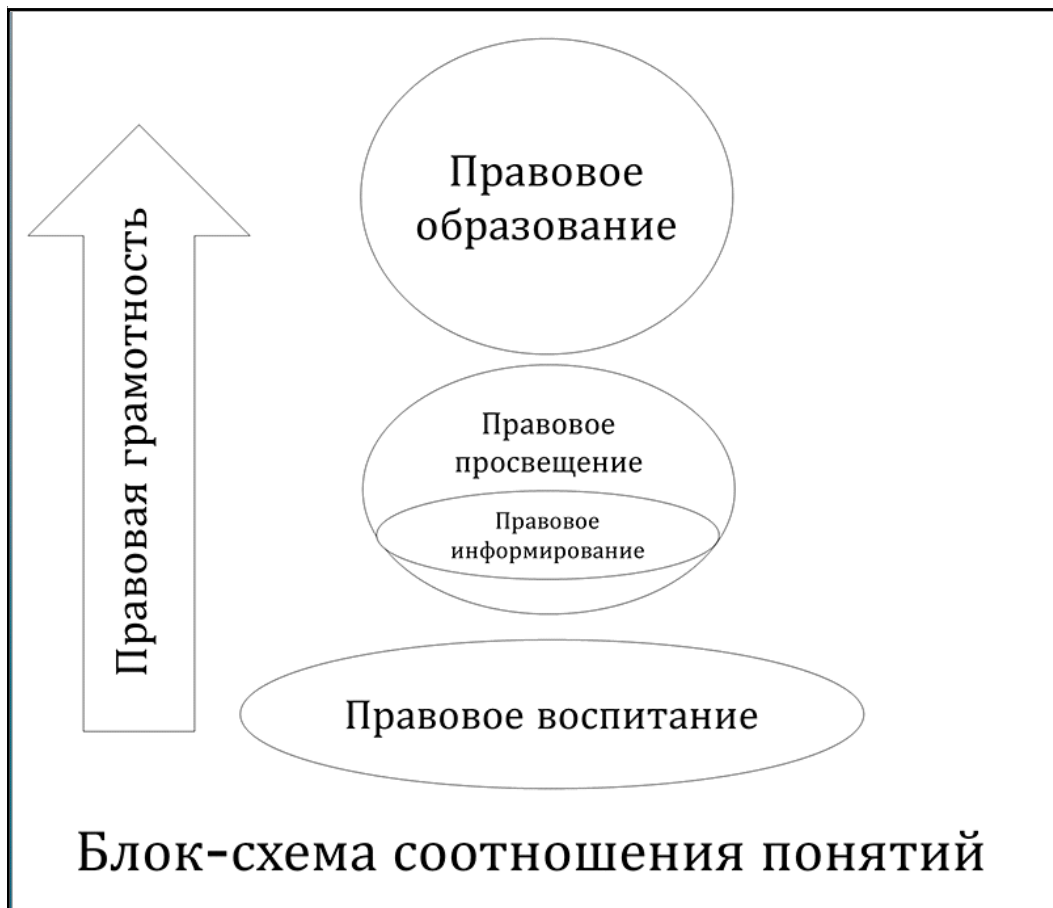
Правовое образование является высшей формой познавательной деятельности (со стороны обучающегося) и организационной (со стороны обучающего) в сфере государственно-правовых явлений и, как правило, осуществляется в рамках среднего, высшего и послевузовского уровней образования.

Правовая грамотность же является мерой усвоения знаний о праве и государстве, потому является качественной характеристикой, повышающейся в зависимости от продви-

жения обучающегося от воспитания через просвещение к образованию (см. рисунок).

Вместе с тем проблема терминологического разграничения по-прежнему остается на повестке, и только в рамках широкой

социальной, а для выработки смыслов, прежде всего, научной дискуссии, можно будет в полной мере провести демаркацию исследуемых понятий с целью дальнейшего вдумчивого и однозначного использования.

Блок-схема соотношения понятий «правовая грамотность», «правовое воспитание», «правовое просвещение», «правовое информирование» и «правовое образование»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гунибский, М. Ш. Инновационные и интерактивные методы в процессе правового воспитания / М. Ш. Гунибский // Юридический мир. – 2014. – № 4. – С. 40–44.
2. Долидзе, Н. И. Современные технологии правового просвещения и правового информирования как инструмент профилактической деятельности прокуратуры / Н. И. Долидзе, Р. С. Ионкина // Российский следователь. – 2021. – № 9. – С. 54–57.
3. Доценко, А. С. О понятии правового просвещения / А. С. Доценко // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 1. – С. 179–188.
4. Миронова, Ю. В. Правовые основы государственного управления правовым просвещением / Ю. В. Миронова // Административное право и процесс. – 2015. – № 9. – С. 77–81.

5. Чеха, В. В. Просветительская деятельность: правовые и организационные аспекты / В. В. Чеха // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 1. – С. 198–210.

REFERENCES

1. Gunibskij M.Sh. Innovacionnye i interaktivnye metody v processe pravovogo vospitaniya [Innovative and Interactive Methods in the Process of Legal Education]. *Juridicheskij mir* [Legal World], 2014, no. 4, pp. 40–44.
2. Dolidze N.I., Ionkina R.S. Sovremennye tehnologii pravovogo prosveshheniya i pravovogo informirovanija kak instrument profilakticheskoy dejatelnosti prokuratury [Modern Technologies of Legal Education and Legal Information as a Tool for

Preventive Activities of the Prosecutor's Office]. *Rossijskij sledovatel* [Russian Investigator], 2021, no. 9, pp. 54-57.

3. Docenko A.S. O ponjatii pravovogo prosveshhenija [On the Concept of Legal Education]. *Aktualnye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2020, no. 1, pp. 179-188.

4. Mironova Ju.V. Pravovye osnovy gosudarstvennogo upravlenija pravovym

prosveshheniem [Legal Foundations of Public Administration of Legal Education]. *Administrativnoe pravo i process* [Administrative Law and Process], 2015, no. 9, pp. 77-81.

5. Cheha V.V. Prosvetitel'skaja dejatel'nost: pravovye i organizacionnye aspekty [Educational Activities: Legal and Organizational Aspects]. *Aktualnye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2023, no. 1, pp. 198-210.

Information About the Author

Danil V. Kononenko, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetskij, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, kononenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2518-5526>

Информация об авторе

Данил Валерьевич Кононенко, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, kononenko@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2518-5526>

www.volsu.ru

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.6>

UDC 347.2/.3
LBC 67.404.12

Submitted: 15.01.2025
Accepted: 01.02.2025

THE PROBLEM OF THE LEGAL QUALIFICATION OF GAMING PROPERTY

Alexander A. Gromov

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation

Introduction: the paper deals with the problem of the legal qualification of gaming property in online multiplayer games. The **purpose** of the paper is to analyze existing approaches to the legal regulation of gaming property in online multiplayer games and to develop proposals for their effective application. **Methods:** the research methodology includes a comprehensive analysis of regulatory legal acts, judicial practice, scientific publications, and user agreements related to the legal status of gaming property. The comparative law method, the method of analysis and synthesis, the formal legal method, and the method of analogy are used to assess the applicability of various statutory concepts to gaming property. The author examines the features of gaming property, which include in-game items and currency that exist only in the context of the game. Various approaches to the legal regulation of gaming property are analyzed, such as the real-legal concept, its recognition as intellectual property, the qualification of acquisition as a type of service, and others. The possibilities of applying classical property law, consumer protection legislation, and tax incentives to operations with gaming property are investigated. **Conclusions:** as a result, the author suggests extending the provisions on the results of intellectual activity as part of a complex object to unique gaming property and the provisions on rendering services and the legislation on consumer rights to the rest of the gaming property.

Key words: intangible objects, unnamed objects of civil rights, protection of intangible objects, legal regime of intangible objects, gaming property.

Citation. Gromov A.A. The Problem of the Legal Qualification of Gaming Property. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 39-44. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.6>

УДК 347.2/.3
ББК 67.404.12

Дата поступления статьи: 15.01.2025
Дата принятия статьи: 01.02.2025

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ИГРОВОГО ИМУЩЕСТВА

Александр Александрович Громов

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, г. Москва, Российская Федерация

Введение: статья посвящена проблеме правовой квалификации игрового имущества в многопользовательских онлайн-играх. **Целью** статьи является анализ существующих подходов к правовому регулированию игрового имущества в многопользовательских онлайн-играх и разработка предложений по их эффективному применению. **Методология** исследования включает в себя комплексный анализ нормативно-правовых актов, судебной практики, научных публикаций и пользовательских соглашений, связанных с правовым статусом игрового имущества. Используются сравнительно-правовой метод, метод анализа и синтеза, фор-

мально-юридический метод, а также метод аналогии для оценки применимости различных юридических конструкций к игровому имуществу. Автор рассматривает особенности игрового имущества, которое включает внутриигровые предметы и валюту, существующие только в контексте игры. Анализируются различные подходы к правовому регулированию игрового имущества, такие как вещно-правовая концепция, признание его интеллектуальной собственностью, квалификация приобретения как вида услуг и др. Исследуются возможности применения классического права собственности, законодательства о защите прав потребителей и налоговых льгот к операциям с игровым имуществом. **Выводы:** в результате автор предлагает распространение на уникальное игровое имущество положений о результатах интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта, а к остальному игровому имуществу – положений об оказании услуг и законодательства о правах потребителя.

Ключевые слова: нематериальные объекты, непоименованные объекты гражданских прав, охрана нематериальных объектов, правовой режим нематериальных объектов, игровое имущество.

Цитирование. Громов А. А. Проблема правовой квалификации игрового имущества // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 39–44. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.6>

Введение

В последние годы индустрия многопользовательских онлайн-игр стремительно развивается, привлекая миллионы игроков по всему миру. Вместе с ростом популярности игр увеличивается и значимость игрового имущества – внутриигровых предметов и валюты, которые приобретают особую ценность для игроков [2]. Однако правовая квалификация этого явления остается спорной и вызывает множество вопросов. В данной статье будут рассмотрены основные подходы к правовому регулированию игрового имущества, проанализирована их применимость и даны предложения по совершенствованию законодательства в этой области.

В рамках настоящей работы к игровому имуществу автор относит внутриигровые предметы в многопользовательских онлайн-играх, которые можно обособить, индивидуализировать и которые могут представлять ценность для игроков, а также игровую валюту.

При рассмотрении необходимо учитывать, что игровое имущество существует только как часть игры. Для осуществления каких-либо действий с игровым имуществом в любом случае необходимо осуществить действия в игре.

Также важно помнить, что отношения, связанные с игровым имуществом, всегда будут относительными, они всегда касаются только издателя игры и игроков, то есть круг лиц всегда определен. При этом отношения всегда будут регулироваться пользовательским соглашением, составленным издателем игры.

Основные подходы к правовому регулированию игрового имущества

С учетом сказанного можно перейти к изложению и анализу основных подходов к правовому регулированию игрового имущества.

Е.Ю. Мартянова кратко обозначила несколько основных позиций по игровому имуществу [5].

1) Вещно-правовая концепция, предлагающая рассматривать игровое имущество как вещи. Сторонники приводят аналогии между распоряжением вещью собственником и распоряжением игровым имуществом персонажем игры.

С такой точкой зрения сложно согласиться, поскольку игрок, как субъект некоего права на игровое имущество, не способен осуществлять правомочие владения. У него нет и не может быть физического господства над нематериальным объектом. Возможности персонажа по распоряжению игровым имуществом ограничены издателем игры (если функционал игры не позволяет, то и распоряжение невозможно). Причем физического господства над игровым имуществом у издателя игры нет, поэтому можно утверждать, что в этом отношении игрок полностью равен с издателем игры, поскольку объект остается нематериальным и для последнего. При этом возникает странная с точки зрения распределения прав ситуация, когда у издателя игры есть фактические права по управлению и изменению игрового имущества без участия игрока, тогда как классическая триада пра-

вомочий собственника не может предусматривать такого случая.

На основании изложенного можно сделать вывод о невозможности применения классического права собственности к игровому имуществу.

2) Распространение на игровое имущество действия норм, регулирующих интеллектуальную собственность. Такая точка зрения не лишена основания, поскольку игровое имущество, как было отмечено выше, не имеет физической формы и существует только в рамках игры. Игра в соответствии с положениями ГК РФ охраняется как программа для ЭВМ, таким образом игровое имущество – это часть охраняемого результата интеллектуальной деятельности – программы для ЭВМ.

Признание игрового имущества объектом интеллектуальной собственности имеет под собой следующее основание в законодательстве: в соответствии со ст. 1261 ГК РФ программой для ЭВМ является «представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения». Однако следует задать вопрос, являются ли игровые предметы всего лишь порождаемыми аудиовизуальными отображениями? Вероятно, нет, поскольку наибольшую ценность обычно имеют предметы, «выпускаемые» в небольшом количестве, с уникальным дизайном, созданные трудом дизайнеров (например, внешний облик персонажа или игрового предмета). Также такой подход не может быть применен к игровой валюте, как к имуществу, по родовому признаку. Таким образом, оформление отношений между игроком и издателем игры как лицензионного соглашения представляется некорректным ввиду несоответствия содержанию отношений. Отнесение игрового имущества к результатам интеллектуальной деятельности, включенным в состав сложного объекта в соответствии со ст. 1240 ГК РФ, представляется соответствующим действительности в случае, когда речь идет об уни-

кальных игровых предметах, указанных выше, но не может быть справедливым для иного игрового имущества, например, для игровой валюты или игрового имущества, обладающего ценностью исключительно в связи с собственными игровыми характеристиками, не связанными с внешним видом (поскольку в таком случае нет усилий дизайнера или иного физического лица, которого можно было бы признать автором).

Более последовательной представляется квалификация указанных отношений в качестве отношений по оказанию и потреблению услуги, как, например, при просмотре кинофильма. Как отмечает М.А. Рожкова, конечная цель игрока обычно потребительская, предполагающая получение удовольствия от самой игры [10]. Правомочия на приобретаемый объект игрока с высокой долей вероятности не интересуют.

3) Квалификация приобретения игрового имущества как одного из видов услуг, в основном информационных. Позиция строится на предположении о том, что целью приобретения игрового имущества является улучшение пользовательского от игры и вне рамок игры не существует [1].

Следуя такой трактовке, издатель (исполнитель) игры вступает в договорные отношения с игроком (заказчиком). Предметом будет доступ к функционалу игры. Дополнительно в договоре регулируются права заказчика в отношении игрового имущества. Последнее, как минимум, вносит в договор об оказании услуг положения лицензионного договора. Описанная ситуация теоретически должна подпадать под регулирование закона «О защите прав потребителей» [3].

Такие идеи находят отражение в доктрине, в частности в работах Е.А. Останиной [7], М.А. Рожковой [10] и др., однако суды придерживаются другой точки зрения. Так, известна история рассмотрения в суде искового заявления игрока онлайн-игры, требовавшего взыскания с издателя одного миллиона рублей и снятия ограничений со своего аккаунта. Истец обосновывал свои требования положениями закона «О защите прав потребителей». Суд с позицией истца не согласился, сославшись на невозможность применения положения указанного закона к отноше-

ниям игроков и издателя игры. Такая логика поддерживается в некоторых других решениях судов [9].

В споре издателя игры с Федеральной налоговой службой суд пришел к выводу, что предоставление дополнительного контента является услугой [6]. При этом необходимо отметить, что этот вопрос для суда не был второстепенным в рамках решения вопроса о правомерности применения налоговой льготы. Однозначного вывода о возможности регулирования отношений между игроком и издателем игры положениями закона «О защите прав потребителей» суд не сделал.

С учетом изложенных позиций судов сложно рассчитывать на реализацию регулирования отношений игроков и издателей, в том числе отношений, связанных с игровым имуществом положениями законодательства о защите прав потребителей.

4) Также есть точка зрения, в соответствии с которой компьютерные игры (в том числе игровое имущество) следует регулировать как игры и пари. Основанием такой позиции является присутствие в компьютерных играх элемента выигрыша, наступающего в зависимости от действий пользователя.

Применение п. 1 ст. 1062 ГК РФ к рассматриваемым отношениям фактически лишает юридической силы все сделки с игровым имуществом, что представляется по меньшей мере нецелесообразным. Оборот сделок с таким имуществом постоянно растет, что подтверждается данными о динамике доходов на глобальном игровом рынке, 1970–2020 гг., поэтому игнорировать этот факт долго не получится [8].

5) Игровое имущество можно прямо включить в ст. 128 ГК РФ в числе «иного имущества». Универсальный способ, предполагающий разработку отдельного, особенного правового режима для любого объекта, прямо еще не предусмотренного законодательством.

С инициативой по включению игрового имущества в ст. 128 ГК РФ сложно согласиться, поскольку таким образом можно всего лишь увеличить казуистичность изложения статьи, не предложив решения для других нематериальных объектов прав, не относящихся к интеллектуальной собственности. Необходимость системного регулирования таких

объектов рассматривалась в другой работе автора [4].

Заключение

По итогу рассмотрения приведенных выше правовых позиций по игровому имуществу автор склоняется к тому, что единый правовой режим для игрового имущества вообще сформировать невозможно. Однако можно выделить две категории игрового имущества и рассматривать правовые режимы указанных категорий отдельно. Представляется наиболее целесообразным для целей правового регулирования выделить уникальное игровое имущество и иное, например, игровую валюту по остаточному принципу.

На уникальное игровое имущество автор предлагает распространить положения о результатах интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта (ст. 1240 ГК РФ), а к остальному игровому имуществу – положения об оказании услуг и соответственно законодательство о правах потребителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдуллина, Э. И. Правовые аспекты создания и использования сложных объектов интеллектуальных прав в виртуальной реальности / Э. И. Абдуллина // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 9.
2. АНО «Центр компетенций по глобальной ИТ-кооперации». Обзор международного опыта регулирования оборота компьютерных игр. – С. 4. – URL: <https://cgirc.ru/research/obzor-mezhdunarodnogo-opyta-regulirovaniya-oborota-kompyuternykh-igr/?ysclid=m44dzenxul748487030>
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.05.2019 по делу № 33-21065/2019. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Громов, А. А. Понятие и классификация нематериальных объектов в гражданском праве Российской Федерации / А. А. Громов // Образование и право. – 2024. – № 12. – С. 264–269.
5. Мартянова, Е. Ю. Договоры, опосредующие использование объектов онлайн-игр / Е. Ю. Мартянова // Хозяйство и право. – 2019. – № 7. – С. 97–106.
6. Определение Московского городского суда от 08.12.2010 по делу № 33-38081. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Останина, Е. А. Основание присоединения к многопользовательской онлайн-игре – договор с участием потребителей / Е. А. Останина // *Право в сфере Интернета : сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. д-р юрид. наук М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2018.*

8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.06.2015 № Ф05-7093/2015. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

9. Постановление Президиума Московского городского суда от 24.05.2013 по делу № 44г-45. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

10. Рожкова, М. А. Имущественные права на новые нематериальные объекты в системе абсолютных прав / М. А. Рожкова // *Право цифровой экономики – 2020 (16) : ежегодник-антология / рук. и науч. ред. М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2020. – С. 5–78.*

REFERENCES

1. Abdullina E.I. Pravovye aspekty sozdaniya i ispolzovaniya slozhnykh ob'ektov intellektualnykh prav v virtualnoy realnosti [Legal Aspects of Creation and Use of Complex Objects of Intellectual Rights in Virtual Reality]. *Aktualnye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2017, no. 9.

2. ANO «Centr kompetencij po globalnoj IT-kooperacii». *Obzor mezhdunarodnogo opyta regulirovaniya oborota kompjuternykh igr* [Autonomous Non-Profit Organization “Competence Center for Global IT Cooperation”. An Overview of International Experience in Regulating the Turnover of Computer Games], p. 4. URL: <https://cgitec.ru/research/obzor-mezhdunarodnogo-opyta-regulirovaniya-oborota-kompyuternykh-igr/?ysclid=m44dzenxu1748487030>

3. Apelljacionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 20.05.2019 po delu № 33-21065/2019 [Appeal Order of the Moscow City Court Dated

May 20, 2019 in the Case No. 33-21065/2019]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

4. Gromov A.A. Ponjatie i klassifikacija nematerialnykh ob'ektov v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii [Concept and Classification of Intangible Objects in the Civil Law of the Russian Federation]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 2024, no. 12, pp. 264-269.

5. Martjanova E.Ju. Dogovory, oposredujushhie ispolzovanie ob'ektov onlajn-igr [Contracts Mediating the Use of Online Game Objects]. *Hozjajstvo i pravo* [Economy and Law], 2019, no. 7, pp. 97-106.

6. Opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 08.12.2010 po delu № 33-38081 [Order of the Moscow City Court Dated Dec. 8, 2010 in Case No. 33-38081]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

7. Ostanina E.A. Osnovanie prisoedinenija k mnogopolzovatel'skoj onlajn-igre – dogovor s uchastiem potrebitel'ej [Basis for Joining a Multi-User Online Game is a Contract with the Participation of Consumers]. Rozhkova M.A., ed. *Pravo v sfere Interneta: sb. st.* [Law in the Field of the Internet. Collection of Articles]. Moscow, Statut Publ., 2018.

8. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 18.06.2015 № F05-7093/2015 [Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District Dated June 18, 2015 No. F05-7093/2015]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

9. Postanovlenie Prezidiuma Moskovskogo gorodskogo suda ot 24.05.2013 po delu № 44g-45 [Resolution of the Presidium of the Moscow City Court Dated May 24, 2013 on Case No. 44g-45]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

10. Rozhkova M.A. Imushhestvennye prava na novye nematerialnye ob'ekty v sisteme absoljutnykh prav [Property Rights to New Intangible Objects in the System of Absolute Rights]. Rozhkova M.A., ed. *Pravo tsifrovoy ekonomiki – 2020 (16): yezhegodnik-antologiya* [Digital Economy Law – 2020 (16). Anthology Yearbook]. Moscow, Statut Publ., 2020, pp. 5-78.

Information About the Author

Alexander A. Gromov, 2nd Year Postgraduate Student, Faculty of Law, Russian State Academy of Intellectual Property, Miklukho-Maklaya St, 55a, 117279 Moscow, Russian Federation, s19-bazasu@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1895-4503>

Информация об авторе

Александр Александрович Громов, аспирант 2-го курса юридического факультета, Российская государственная академия интеллектуальной собственности, ул. Миклухо-Маклая, 55а, 117279 г. Москва, Российская Федерация, s19-bazasu@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-1895-4503>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.7>

UDC 347.21

LBC 67.404

Submitted: 15.01.2025

Accepted: 06.02.2025

HUMAN REPRODUCTIVE BIOLOGICAL MATERIAL AS AN OBJECT OF CIVIL AND BUSINESS RIGHTS AND HEREDITARY RELATIONSHIPS

Anastasia N. Dubrovina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the problems related to human reproductive biological material and its turnover, on the one hand, are intensively discussed in the scientific community; at the same time, the issues of the legal regulation remain insufficiently investigated. In contrast to the Russian legal system, a number of foreign jurisdictions have developed extensive judicial practice, and there are many legislative acts regulating the status and treatment of reproductive biological material. This creates a clear contrast with the situation in Russia, where there is a significant shortage of legal norms capable of effectively regulating the legal nature of human reproductive biological material. The key problem in this area is the regulation of the position of human reproductive biological material in the system of objects of civil rights. A separate issue worth paying attention to is the fate of human reproductive biological material preserved by an individual entrepreneur, who then passed away. In particular, do his legitimate heirs have the right to use it, including for business purposes? The **purpose** of the study is to substantiate the legal nature of human reproductive biological material from the perspective of modern civil legislation, as well as to develop recommendations for the legalization of human reproductive biological material and simplification of the procedure for its inheritance. **Research objectives:** to characterize the legal nature of human reproductive biological material; to evaluate the inheritance fund of individual entrepreneurs as a legal mechanism for the preservation and use of human reproductive biological material; to propose recommendations for the creation of a Unified Notarial Registry of human reproductive biological material. **Research methods:** 1) the general scientific methods: analysis, synthesis, induction, deduction, the ascent from the abstract to the concrete, abstraction, analogy, and comparison; 2) the specific scientific methods: systemic, structural-functional, formal-legal, comparative law, institutional, and interpretative. **Results:** 1) the expediency of correcting the text of Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation is argued; 2) the necessity of abolishing Paragraph 3 of Article 3 of Federal Law No. 180-FZ of June 23, 2016, "On Biomedical Cellular Products," containing the norm on the "inadmissibility of the purchase and sale of biological material," is justified; 3) the creation of a Unified Notarial Registry of reproductive human biological material. **Conclusions:** it is necessary to supplement Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation with the following provision after the words "the objects of civil rights include..." the text "human reproductive biological material." Such a legislative decision will make it possible to consolidate the legal nature of such objects as male and female germ cells, tissues of reproductive organs, and human embryos that have been isolated from the body and are intended for use for reproductive purposes. It is proposed to delete paragraph 3 of Article 3 of Federal Law No. 180-FZ of June 23, 2016, "On Biomedical Cellular Products," which contains the principle of "the inadmissibility of purchase and sale of biological material." A gap in the legal regulation regarding the inheritance of assets of an individual entrepreneur, whose business is associated with the allocation and sale of his own reproductive biological material, is identified. The legislative recognition of human reproductive biological material as an object of civil rights in Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation will create legal opportunities for testators, allowing them to bequeath this material, include it in the assets of the inheritance fund, and dispose of it in various ways. The necessity of establishing a unified notarial registry of human reproductive biological material, which will be under the control of the Federal Notary Chamber, is argued.

Key words: objects of civil rights, entrepreneurial activity, registry of human reproductive biological material, inheritance fund, notary office.

Citation. Dubrovina A.N. Human Reproductive Biological Material as an Object of Civil and Business Rights and Hereditary Relationships. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 45-54. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.7>

РЕПРОДУКТИВНЫЙ БИОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ЧЕЛОВЕКА КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ И НАСЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Анастасия Николаевна Дубровина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: проблемы, связанные с репродуктивным биологическим материалом человека и его оборотом, с одной стороны, в научной среде интенсивно обсуждаются, в то же время вопросы правового регулирования по-прежнему остаются недостаточно исследованными. В отличие от российской правовой системы, в ряде зарубежных юрисдикций сформировалась обширная судебная практика, а также существует множество законодательных актов, регулирующих статус и порядок обращения репродуктивного биологического материала. Это создает явный контраст с ситуацией в России, где наблюдается существенная нехватка правовых норм, способных эффективно урегулировать правовую природу репродуктивного биологического материала человека. Ключевой проблемой в данной области является регламентация положения репродуктивного биологического материала человека в системе объектов гражданских прав. Отдельной проблемой, на которую стоит обратить внимание, является судьба репродуктивного биологического материала человека, сохраненного индивидуальным предпринимателем, который после этого ушел из жизни. В частности, имеют ли право его законные наследники на его использование, в том числе в целях осуществления предпринимательской деятельности? **Цель исследования:** обоснование правовой природы репродуктивного биологического материала человека в ракурсе современного гражданского законодательства, а также разработка рекомендаций по легализации репродуктивного биологического материала человека и упрощению процедуры его наследования. **Задачи исследования:** охарактеризовать правовую природу репродуктивного биологического материала человека; дать оценку наследственному фонду индивидуальных предпринимателей как правовому механизму сохранения и использования репродуктивного биологического материала человека; предложить рекомендации по созданию Единого нотариального реестра репродуктивного биологического материала человека. **Методы исследования:** 1) общенаучные: анализ, синтез, индукция, дедукция, восхождение от абстрактного к конкретному, абстрагирование, аналогия, сравнение; 2) частно-научные: системный, структурно-функциональный, формально-юридический, сравнительно-правовой, институциональный, интерпретационный. **Результаты:** 1) аргументирована целесообразность корректировки текста ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации; 2) обоснована необходимость упразднения п. 3 ст. 3 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах», содержащей норму о «недопустимости купли-продажи биологического материала»; 3) предложено создание Единого нотариального реестра репродуктивного биологического материала человека. **Выводы:** необходимо дополнить ст. 128 ГК РФ следующим положением после слов: «к объектам гражданских прав относятся...» текстом «репродуктивный биологический материал человека». Данное законодательное решение позволит закрепить правовую природу таких объектов, как мужские и женские половые клетки, ткани репродуктивных органов и эмбрионы человека, которые были выделены из организма и предназначены для применения в репродуктивных целях. Предложено исключить п. 3 ст. 3 Федерального закона от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах», в котором содержится принцип «недопустимость купли-продажи биологического материала». Выявлен пробел правового регулирования в части наследования активов индивидуального предпринимателя, чей бизнес связан с выделением и продажей собственного репродуктивного биологического материала. Законодательное признание репродуктивного биологического материала человека в качестве объекта гражданских прав в ст. 128 ГК РФ создаст правовые возможности для наследодателей, позволяя им завещать этот материал, включать его в состав активов наследственного фонда и распоряжаться им различными способами. Аргументирована необходимость учреждения Единого нотариального реестра репродуктивного биологического материала человека, который будет находиться под контролем Федеральной нотариальной палаты.

Ключевые слова: объекты гражданских прав, предпринимательская деятельность, реестр репродуктивного биологического материала человека, наследственный фонд, нотариат.

Цитирование. Дубровина А. Н. Репродуктивный биологический материал человека как объект гражданских прав, предпринимательских и наследственных отношений // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 45–54. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.7>

Введение

В последние несколько десятилетий произошли заметные изменения в такой сфере общественных отношений, как замораживание и криохранение эмбрионов человека, суррогатное материнство, что кардинально изменило традиционные представления о механизмах репродукции. Изменения, происходящие в обществе, обуславливают актуальность осмысления правовой природы органов и тканей, а также биологических материалов, используемых в репродуктивных технологиях, включая сперму и яйцеклетки людей. В связи с этим возникает необходимость анализа правовых и этических аспектов указанных технологий [7, с. 18]. Одной из ключевых проблем является определение правового положения биологического материала человека в системе объектов гражданских прав. Отдельной проблемой, на которую стоит обратить внимание, является судьба репродуктивного биологического материала человека, сохраненного индивидуальным предпринимателем, который после этого ушел из жизни. В частности, имеют ли право его законные наследники на его использование, в том числе в целях осуществления предпринимательской деятельности?

В данной работе исследуются эти сложные вопросы, что имеет важное значение для совершенствования правового регулирования в этой области.

Правовая природа репродуктивного биологического материала человека

В рамках действующего законодательства Российской Федерации граждане наделены правом на криоконсервацию и хранение своего репродуктивного биологического материала. Данная процедура может осуществляться как за счет личных финансовых средств, так и при привлечении альтернативных источников финансирования, что допускается действующими правовыми нормами. Это право закреплено в п. 5 ст. 55 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Указанная правовая норма подчеркивает важность детального регулирования вопросов, связанных с использованием и

хранением репродуктивного биологического материала человека, и создает основу для дальнейших исследований в области репродуктивной медицины и смежных наук.

Под термином «репродуктивный биологический материал человека» подразумевается спектр компонентов, включая половые клетки, ткани репродуктивных органов и эмбрионы. Возможность криоконсервации данного материала представляет собой важный аспект современного репродуктивного здоровья, позволяя гражданам принимать осознанные решения относительно своего репродуктивного будущего¹. В целом законодательные нормы, касающиеся криоконсервации, играют ключевую роль в обеспечении прав граждан на защиту их репродуктивного здоровья и конфиденциальности, подчеркивая значимость автономного выбора в области репродуктивной медицины.

Современная цивилистика сталкивается со сложной задачей определения правовой природы репродуктивного биологического материала человека и условий его наследственной передачи [1; 3; 8]. В настоящее время ряд ученых высказывают мнение о том, что биологические объекты, относящиеся к человеческому организму, следует рассматривать в качестве предметов исключительного права. В частности, Н.В. Аполинская утверждает, что данное исключительное право представляет собой смешанное право, основанное как на имущественных, так и на неимущественных компонентах [2, с. 12]. Л.О. Красавчикова в своем диссертационном исследовании акцентирует внимание на том, что части тела, внутренние органы и генетический материал человека следует рассматривать как личные неимущественные блага, которые теряют свою индивидуальную и личностную идентичность после отделения от конкретного индивидуума [4, с. 128]. М.Н. Малеина высказывает несколько отличную точку зрения, утверждая, что органы, ткани и клетки человека с момента их отделения от организма, а также тело (прах) после смерти, должны рассматриваться как объекты материального мира, относящиеся к категории вещей с ограниченной оборотоспособностью [9, с. 94]. В противовес этому Д.В. Лоренц анализирует человеческое тело, а также отделенные от

него жизненно важные органы и ткани в качестве самостоятельных объектов, которые могут быть охарактеризованы как неимущественные материальные блага. Он предлагает распространить правовой режим, применяемый к движимым вещам, на возобновляемые биологические материалы, такие как кровь и сперма, при этом допускает возможность осуществления возмездных сделок с ними и наследования [6, с. 40]. Представленные выше концептуальные подходы акцентируют различия в интерпретации правовой природы биологических объектов, выделяя их классификацию как в рамках материальных, так и неимущественных категорий.

Утверждение о вещно-правовой природе биологических объектов, относящихся к человеческому организму, включая репродуктивный материал, основывается на их практической полезности и материальной природе. Важным аспектом является то, что данная полезность, заключающаяся в возможности удовлетворения потребностей субъектов гражданских прав, является общим признаком, присущим всем объектам гражданских прав, а не ограничивается исключительно вещами как определенной правовой категорией. В.А. Лапач подчеркивает, что «все объекты субъективных гражданских прав обладают общим качеством – способностью удовлетворять материальные, духовные и социальные потребности субъектов» [5, с. 38]. Тем не менее ссылка на материальную природу биологических объектов, относящихся к человеческому организму, оказывается недостаточной для их квалификации в качестве вещей. Действительно, вещь представляет собой конкретный предмет материального мира, однако это не предполагает, что каждый объект, принадлежащий материальной реальности, автоматически подпадает под категорию вещей. Для анализа правовой природы таких объектов в контексте гражданско-правовой науки необходимо учитывать широкий спектр дополнительных факторов и аспектов, оказывающих значительное влияние на их правовую природу.

С нашей точки зрения, репродуктивный биологический материал человека следует рассматривать как объект правовых отношений. Для установления оснований возникновения права собственности на данный матери-

ал целесообразно обратиться к нормам ст. 218 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ). В процессе осуществления медицинских процедур специалисты в области медицины осуществляют действия по изъятию органов, что подразумевает создание нового объекта. Более того, пациенты имеют возможность извлекать свои собственные биологические объекты, относящиеся к человеческому организму, для личного использования, что, в свою очередь, формирует у них право собственности, в частности, и на репродуктивный биологический материал человека.

В этом контексте применение ст. 218 ГК РФ предполагает, что право собственности на биологические объекты, относящиеся к человеческому организму, в первую очередь принадлежит медицинскому учреждению, которое функционирует как основной создатель «вещи для себя». Однако в случае, если манипуляции выполняет сам пациент, право собственности на извлеченный биологический объект, относящийся к человеческому организму, переходит непосредственно к нему. Таким образом, правовая оценка репродуктивного биологического материала человека требует всестороннего анализа, в котором должны учитываться как медицинские аспекты, так и права конкретных людей.

В Российской Федерации в настоящее время отсутствует четкая правовая регламентация, охватывающая регулирование прав собственности на человеческое тело, его составные части и биологические материалы. Указанная правовая неопределенность приводит к дискуссии о правовой природе репродуктивного биологического материала человека и перспективе его использования как объекта предпринимательских правоотношений в случае, если сами доноры этих биологических материалов являются индивидуальными предпринимателями и осуществляют данную деятельность для систематического получения прибыли от продажи данного материала.

В рассматриваемой ситуации наблюдается наличие правового вакуума, преодоление которого представляется одной из ключевых задач современной цивилистики. Решение данной проблемы требует всестороннего анализа и разработки соответствующих правовых

механизмов. В этой связи целесообразно дополнить ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации следующим положением: «К объектам гражданских прав относятся... репродуктивные биологические материалы человека». Данная модификация позволит легитимизировать такие объекты, как мужские и женские половые клетки, ткани репродуктивных органов и эмбрионы человека, отделенные от организма и предназначенные для репродуктивных целей, что обеспечит их однозначное отнесение к категории объектов гражданских прав.

Кроме того, в свете легализации репродуктивного биологического материала человека целесообразно рассмотреть вопрос об исключении п. 3 ст. 3 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах», который содержит принцип «недопустимости купли-продажи биологического материала». Это исключение могло бы способствовать более четкому регулированию оборота репродуктивного биологического материала в правовом поле.

Наследственный фонд индивидуальных предпринимателей как правовой механизм сохранения и использования репродуктивного биологического материала человека

Актуальность проблематики наследования репродуктивного биологического материала человека обусловлена высокой динамикой в области репродуктивных технологий и социально-экономической структуры общества. Стремительное развитие таких методов, как экстракорпоральное оплодотворение человека и криоконсервация репродуктивного биологического материала человека, открывает новые возможности для реализации действий, касающихся сохранения и использования репродуктивного биологического материала человека. Рассмотрим далее особенности наследования активов индивидуального предпринимателя, чей бизнес был связан с выделением и продажей собственного репродуктивного биологического материала человека.

Как отмечено выше, предлагается внести изменения в положение ст. 128 ГК РФ, добавив новый объект гражданских прав — «репродуктивный биологический материал

человека». Данное нормативное положение открывает новые возможности для индивидуальных предпринимателей, позволяя интегрировать репродуктивный биологический материал человека в состав их наследства.

Одним из дискуссионных вопросов, возникающих в связи с предложением о внесении изменений в состав объектов гражданских прав, является порядок регулирования ситуации, когда у наследодателя отсутствуют прямые наследники. В таких случаях интеграция репродуктивного биологического материала человека в состав наследственной массы может привести к правовой неопределенности в части правопреемства. Например, доли в бизнесе наследодателя окажутся у неустановленных или неподходящих лиц, что создает серьезные риски для стабильности и преемственности ведения бизнеса [11, с. 119]. Наличие нескольких наследников может привести к осложнениям в управлении бизнесом. Примеры ситуаций, когда один из наследников продает свою долю, другой перестает активно участвовать в делах, а третий, выступая с альтернативными стратегическими предложениями, блокирует важные решения, указывают на наличие значительных рисков. Подобные конфликты могут негативно сказаться на репутации бизнеса, его финансовых показателях и долгосрочных перспективах.

Представляется, что эффективным способом сохранить первоначальный замысел бизнеса, существовавшего при жизни индивидуального предпринимателя, будет создание наследственного фонда. Как отмечает П.В. Крашенинников: «Наследственный фонд представляет собой способ управления наследственной массой: деньгами, бизнесом и другими активами, которые остаются после смерти собственника. Фактически все наследуемое имущество теперь аккумулируется именно там» (цит. по: [10]). По сути, в таком фонде сосредотачиваются все активы, которые подлежат наследованию, что позволяет не только сохранить их, но и оптимально распорядиться ими в будущем.

Целевая направленность создания наследственного фонда заключается в управлении наследственной имущественной массой. Основная функция фонда заключается в сохранении и увеличении активов, что, по сути,

подразумевает извлечение прибыли. Это обстоятельство вызывает сомнения относительно презумпции исключительно некоммерческого характера деятельности фонда. Аргументом в пользу данной точки зрения служит факт предоставления законодателем наследственным фондам права на ведение предпринимательской деятельности, если она соответствует целям, установленным уставом фонда, и необходима для их достижения (п. 5 ст. 123.20-4 ГК РФ). Это положение косвенно указывает на присутствие коммерческой составляющей в деятельности фонда.

Создание наследственного фонда предоставляет ряд значительных преимуществ как для наследодателя, так и для наследников. Во-первых, данный правовой механизм позволяет гарантировать управляемость активами, включая репродуктивный биологический материал человека, что становится особенно актуальным в свете высоких рисков, касающихся изменения статуса этих активов после смерти владельца. Во-вторых, наследственный фонд предоставляет возможность четкого определения условий и параметров управления активами, что позволяет минимизировать неопределенности и потенциальные конфликты между наследниками. В отличие от стандартного наследования, при котором активы могут быть распределены между всеми наследниками, завещательное распоряжение о создании наследственного фонда четко характеризует цели, условия управления и правила использования активов.

Ключевым этапом в процессе учреждения наследственного фонда является разработка и утверждение его устава. Устав должен содержать конкретные положения, касающиеся порядка управления, использования репродуктивного биологического материала человека, а также описывать права и обязанности как управляющих, так и наследников. Это обеспечит прозрачность процедур управления и позволит избежать нежелательных изменений в управлении фондом после смерти наследодателя. Кроме того, устав может включать правила контроля за использованием активов, включая репродуктивный биологический материал человека, что будет способствовать их целевому предназначению в соответствии с изначальными предпринимательскими намерениями основателя.

После смерти наследодателя деятельность наследственного фонда будет осуществляться в строгом соответствии с его первоначальным замыслом. Такой подход обеспечивает не только сохранение бизнеса, но и передачу философии, ценностей и стратегии, заложенных в его основу. Одним из главных рисков является вероятность нежелательных изменений в управлении, связанных с возможностью для нового «акционера» или управляющего переосмыслить направление работы бизнеса, исказить изначальные намерения наследодателя.

Таким образом, законодательное закрепление в ст. 128 ГК РФ в качестве объекта гражданских прав репродуктивного биологического материала человека создаст правовые возможности для наследодателей, позволяющие им завещать данный материал, включать его в состав активов наследственного фонда, а также иным образом распоряжаться им. Такая правовая регламентация обеспечит для наследников условия для преемственности и дальнейшей реализации предпринимательских идей наследодателя, а также защиту интересов всех участников наследственных отношений. Данное нововведение будет способствовать оптимальной организации и повышению эффективности управления наследуемыми активами, что, в свою очередь, следует учитывать в контексте современного правоприменения и практики наследственного права.

Создание Единого нотариального реестра репродуктивного биологического материала человека

В современных условиях наблюдается растущая актуальность исследования правовых вопросов, связанных с применением метода постмортальной репродукции. Эти проблемы становятся особенно значимыми в тех странах, где данная методика легализована. Одним из наиболее дискуссионных аспектов является право на извлечение половых клеток или эмбрионов умершего лица, которое может быть предоставлено как пережившему супругу, так и другим заинтересованным родственникам, имеющим законный доступ к криобанку.

Согласно Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» граждане Российской Федерации имеют право на криоконсервацию и хранение своих половых клеток, тканей репродуктивных органов и эмбрионов, используя как собственные средства, так и альтернативные источники финансирования, предусмотренные действующим законодательством. В то же время вопрос о доступе к репродуктивным биоматериалам, оставшимся после смерти гражданина, представляет собой с правовой точки зрения недостаточно урегулированную область общественных отношений и требует тщательного исследования.

На сегодняшний день большинство стран, включая Российскую Федерацию, не обладают унифицированной нормативной базой, регулирующей операции с репродуктивным биологическим материалом человека. Существующие правовые нормы, как правило, не охватывают всех аспектов, связанных с хранением, использованием и передачей биологических материалов. Это создает множество правовых и этических коллизий, среди которых следует выделить:

- неопределенность относительно прав собственности на репродуктивный биологический материал человека;
- отсутствие четких правил передачи прав на использование биологических материалов;
- неопределенные права доноров, реципиентов и детей, рожденных с использованием репродуктивных технологий.

Однако недостатки правового регулирования в данной сфере общественных отношений могут приводить к правовым спорам и конфликтам, что подтверждает необходимость разработки четких правил оборота для данных объектов гражданских прав. В этой связи представляется целесообразным формирование национального, непрерывно ведущегося хронологического перечня (реестра) фиксации фактов передачи (изъятия) объектов репродуктивного биологического материала человека, официально хранящихся у всех лицензированных медицинских организаций на территории Российской Федерации. Полагаем, фиксацию указанных фактов следует осуще-

ствлять в порядке специальной нотариальной процедуры (что является темой отдельной научной разработки).

Создание Единого нотариального реестра репродуктивного биологического материала человека позволит решить ряд актуальных задач:

- во-первых, устранение правовой неопределенности. Нотариальный реестр позволит достоверно зафиксировать права на репродуктивный биологический материал человека, что превентивно снизит риск возникновения правовых конфликтов между донорами, реципиентами и третьими лицами;

- во-вторых, позволит более эффективно защищать права доноров и реципиентов. Юридическая фиксация в нотариальном реестре распорядительных действий (дарение, продажа или передача прав на использование репродуктивного биологического материала человека) на основе такой бесспорной доказательной базы предоставит надежные гарантии защиты интересов всех участников репродуктивных отношений;

- в-третьих, наличие нотариального реестра будет содействовать повышению доверия к репродуктивным технологиям, а также обеспечению законности фактических действий при использовании репродуктивного биологического материала человека.

В контексте практики реализации представленных предложений в самых общих чертах здесь можем отметить, что каждая российская медицинская организация, лицензированная для деятельности в исследуемой сфере репродуктивных отношений, в силу закона будет обязана нотариально фиксировать персональные данные и факт передачи на хранение данной организации человеком его биоматериала, а также каждый факт расходования организацией этого биоматериала. Тем самым нотариусы получат доступ к сведениям обо всех хранящихся биоматериалах людей и смогут исполнять установленную законом обязанность – извещать конкретных наследников о биоматериалах и эмбрионах наследодателя (наследодателей).

Таким образом, в результате проведенного исследования обоснован вывод о необходимости разработки юридически значимых правил создания и ведения Единого нотари-

ального реестра репродуктивного биологического материала человека. Данное нововведение позволит осуществлять нотариальную форму правовой защиты интересов лиц, участвующих в обороте репродуктивного биологического материала человека как объекта гражданских прав, а также обеспечивать эффективное управление правопреемством в рамках конструкции наследственного фонда. Создание Единого нотариального реестра репродуктивного биологического материала человека является важным шагом к совершенствованию правового обеспечения репродуктивных технологий. Его разработка и внедрение в нотариальную практику позволит не только защитить права всех участников репродуктивных отношений, но и повысить уровень доверия общества к современным медицинским технологиям. Введение в правовое поле Единого реестра и его нотариальное администрирование превентивно будут способствовать снижению правовых конфликтов, делая репродуктивные технологии юридически универсальными для всех заинтересованных лиц.

Выводы

По итогам проведенного исследования получены следующие выводы.

1. Установлено, что в настоящее время в Российской Федерации отсутствует четкая нормативная регламентация, касающаяся прав собственности на репродуктивные биологические материалы человека. Данная ситуация приводит к образованию правового вакуума, преодоление которого составляет одну из актуальных задач современной российской цивилистики. В рамках проведенного исследования обосновано внесение изменений в текст ст. 128 ГК РФ путем ее дополнения: «к объектам гражданских прав относятся... репродуктивный биологический материал человека». Кроме того, целесообразно исключить п. 3 ст. 3 Федерального закона от 23.06.2016 № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах», в котором содержится принцип «недопустимость купли-продажи биологического материала». Указанная модификация позволит закрепить правовую природу таких объектов, как мужские и женские по-

ловые клетки, ткани репродуктивных органов и эмбрионы человека, которые были выделены из организма и предназначены для целей деторождения. Это обеспечит их включение в категорию объектов гражданских прав и, соответственно, устранил существующую правовую неопределенность, создаст условия для более эффективной защиты прав и интересов граждан в данной сфере общественных отношений, включая права и интересы индивидуальных предпринимателей.

2. Выявлено отсутствие правового регулирования наследования активов индивидуального предпринимателя, чей бизнес был связан с выделением и продажей собственного репродуктивного биологического материала человека. Законодательное закрепление в качестве объекта гражданских прав репродуктивного биологического материала человека в ст. 128 ГК РФ создаст правовые возможности, позволяющие наследодателям завещать этот материал, включать его в состав активов наследственного фонда, распоряжаться им иными способами. Такая правовая регламентация предоставит наследникам возможность сохранять и продолжать первоначальные бизнес-намерения наследодателя, обеспечивая при этом преемственность и защиту интересов всех участников наследственных отношений.

3. Обоснован вывод о целесообразности учреждения Единого нотариального реестра репродуктивного биологического материала человека, находящегося под контролем Федеральной нотариальной палаты, что необходимо в целях устранения правовой неопределенности, связанной с репродуктивным биологическим материалом человека, обеспечения защиты прав доноров и реципиентов, а также повышения общественного доверия к репродуктивным технологиям. Данное нововведение будет способствовать совершенствованию правового регулирования оборота репродуктивного биологического материала человека, обеспечит эффективное управление правопреемством, в том числе посредством легитимной конструкции наследственного фонда.

В рамках функционирования Единого нотариального реестра репродуктивного биологического материала человека, в частности, следует установить обязанность нотариусов

уведомлять наследников о наличии сохраненных биоматериалов и эмбрионов наследодателя (наследодателей). В совокупности эти меры создадут устойчивую правовую основу для регулирования вопросов, связанных с наследованием репродуктивного биологического материала человека, что, в свою очередь, позволит минимизировать риски возникновения правовых конфликтов и обеспечить защиту прав и интересов всех заинтересованных лиц.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 № 60457). URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева, М. Л. Генный материал: юридические проблемы владения и наследования / Л. М. Андреева // Актуальные вопросы российского и международного права. – 2012. – № 1. – С. 30–38.
2. Аполинская, Н. В. Биологические объекты человека в гражданском праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Аполинская Нина Владимировна. – Иркутск, 2009. – 22 с.
3. Васильев, Г. С. Человеческий биоматериал как объект права / Г. С. Васильев // Правоведение. – 2018. – № 2. – С. 308–361.
4. Красавчикова, Л. О. Понятие и система личных, не связанных с имущественными правами граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук / Красавчикова Лариса Октябрьевна. – Екатеринбург, 1994. – 435 с.
5. Лапач, В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика / В. А. Лапач. – СПб. : Юрид. центр «Пресс», 2002. – 542 с.
6. Лоренц, Д. В. Квазизавещания человеческих органов и тканей / Д. В. Лоренц // Нотариальный вестник. – 2013. – № 1. – С. 36–43.
7. Майфат, А. В. Современное состояние и перспективы развития законодательства в сфере использования репродуктивных технологий / А. В. Майфат, Е. С. Резник // Семейное и жилищное право. – 2010. – № 3. – С. 17–20.
8. Майфат, А. В. Тело человека, его отдельные части как объекты правового воздействия / А. В. Май-

фат, А. В. Лисаченко // Юридический мир. – 2002. – № 2. – С. 4–15.

9. Малеина, М. Н. Разрешенные действия с эмбрионами и абортированными плодами человека и законодательные запреты / М. Н. Малеина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2020. – № 5. – С. 92–97.

10. Мельник, Г. Что такое наследственный фонд? // Парламентская газета. – URL: <https://www.pnp.ru/social/chto-takoe-nasledstvennyy-fond.html>

11. Федчун, А. В. Право на оспаривание сделок наследодателя: поиск баланса интересов / А. В. Федчун // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2017. – Т. 16, № 4. – С. 117–125. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.4.17>

REFERENCES

1. Andreeva M.L. Gennyy material: yuridicheskie problemy vladeniya i nasledovaniya [Gene Material: Legal Problems of Ownership and Inheritance]. *Aktualnye voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava* [Actual Issues of Russian and International Law], 2012, no. 1, pp. 30-38.
2. Apolinskaya N.V. *Biologicheskie obyekty cheloveka v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Human Biological Objects in the Civil Law of Russian Federation. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Irkutsk, 2009. 22 p.
3. Vasiliev G.S. Chelovecheskij biomaterial kak obyekт prava [Human Biomaterial as an Object of Law]. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 2018, no. 2, pp. 308-361.
4. Krasavchikova L.O. *Ponyatie i sistema lichnyh, ne svyazannyh s imushchestvennymi prav grazhdan (fizicheskikh lic) v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Concept and System of Personal, Not Related to Property Rights of Citizens (Individuals) in the Civil Law of Russian Federation. Dr. jurid. sci. diss.]. Yekaterinburg, 1994. 435 p.
5. Lapach V.A. *Sistema obyekтов grazhdanskih prav: teoriya i sudebnaya praktika* [System of Objects of Civil Rights: Theory and Judicial Practice]. Saint Petersburg, Yurid. centr «Press», 2002. 542 p.
6. Lorenz D.V. *Kvazizaveshchaniya chelovecheskih organov i tkanej* [Quasi-Laws of Human Organs and Tissues]. *Notarialnyj vestnik* [Notarial Bulletin], 2013, no. 1, pp. 36-43.
7. Mayfat A.V., Reznik E.S. *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya zakonodatelstva v sfere ispolzovaniya reproduktivnyh tekhnologij* [Modern State and Prospects for the Development of Legislation in the Field of Reproductive Technologies]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo* [Family and Housing Law], 2010, no. 3, pp. 17-20.

8. Mayfat A.V., Lisachenko A.V. Telo cheloveka, ego otdelnye chasti kak obyekty pravovogo vozdejstviya [Human Body, Its Individual Parts as Objects of Legal Impact]. *Yuridicheskij mir* [Juridical World], 2002, no. 2, pp. 4-15.

9. Maleina M.N. Razreshennye dejstviya s embrionami i abortirovannymi plodami cheloveka i zakonodatelnye zaprety [Permitted Actions with Human Embryos and Aborted Fetuses and Legislative Prohibitions]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2020, no. 5, pp. 92-97.

10. Melnik G. Chto takoe nasledstvennyj fond? [What Is the Inheritance Fund?]. *Parlamentskaya gazeta*. URL: <https://www.pnp.ru/social/chto-takoe-nasledstvennyy-fond.html>

11. Fedchun A.V. Pravo na osparivanie sdelok nasledodatelja: poisk balansa interesov [The Right to Aspariginase of the Testator: The Search for Balance of Interests]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2017, vol. 16, no. 4, pp. 117-125. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2017.4.17>

Information About the Author

Anastasia N. Dubrovina, Master's Student, Department of Civil and International Private Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, dubrovina.a.n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6729-8118>

Информация об авторе

Анастасия Николаевна Дубровина, магистрант кафедры гражданского и международного частного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, dubrovina.a.n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6729-8118>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.8>

UDC 347.736

LBC 67.4

Submitted: 06.12.2024

Accepted: 20.02.2025

ON THE SUBORDINATION OF CREDITORS' CLAIMS FOR SUSPICIOUS TRANSACTIONS OF THE DEBTOR (BANKRUPT)

Bogdan V. Varfolomeev

Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: challenging the transactions of a bankrupt debtor is one of the most important legal instruments to counteract the illegal withdrawal of the debtor's assets by his controlling persons. The consequences of the invalidity of such transactions of the debtor in insolvency (bankruptcy) procedures have their own characteristics, consisting in the return by the counterparty of the received under the transaction and the restoration of his right of claim to the debtor. The legislator has provided for a special sanction in relation to counterparties whose dishonesty in making a transaction is established by the court, namely, lowering the priority of restored claims – subordination.

Purpose: to analyze the mechanism of subordination of restored creditor claims. **Methods:** the dialectical method of cognition, systematic approach, comparative approach, deduction, induction, logical and legal analysis, and synthesis. **Results:** the general civil and special bankruptcy regulations on the consequences of invalidity of transactions are analyzed, and a comparative analysis of the grounds for invalidity of transactions is carried out in accordance with clauses 1 and 2 of Article 61.2 of Bankruptcy Law. **Conclusions:** the imperfection of the legislative technique and the practice of applying rules on the invalidity of transactions lead to the fact that the mechanism of subordination of restored claims can potentially be applied to creditors whose dishonesty is only established on the basis of formal and indirect signs, which creates a threat of violation of the rights of actually bona fide purchasers.

Key words: subordination of claims, consequences of invalidity, creditor's claims, suspicious transactions, bankruptcy.

Citation. Varfolomeev B.V. On the Subordination of Creditors' Claims for Suspicious Transactions of the Debtor (Bankrupt). *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 55-60. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.8>

УДК 347.736

ББК 67.4

Дата поступления статьи: 06.12.2024

Дата принятия статьи: 20.02.2025

О СУБОРДИНАЦИИ КРЕДИТОРСКИХ ТРЕБОВАНИЙ ПО ПОДОЗРИТЕЛЬНЫМ СДЕЛКАМ ДОЛЖНИКА (БАНКРОТА)

Богдан Владиславович ВарфоломеевКубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина,
г. Краснодар, Российская Федерация

Введение: оспаривание сделок должника-банкрота является одним из важнейших правовых инструментов противодействия незаконному выводу активов должника контролирующими его лицами. Последствия недействительности таких сделок должника в процедурах несостоятельности (банкротства) имеют свои особенности, заключающиеся в возврате контрагентом полученного по сделке и восстановлении его права требования к должнику. Законодателем была предусмотрена особая санкция в отношении контрагентов, чья недобросовестность при совершении сделки была установлена судом, а именно понижение очередности восстановленных требований – субординирование. **Цель:** анализ механизма субординирования восстановленных кредиторских требований. **Методы:** диалектический метод познания, системный подход, сравнительный подход, дедукция, индукция, логический и юридический анализ и синтез. **Результаты:** проанализированы общие гражданские и специальные банкротные нормы, посвященные последствиям недействительности

сделок, проведен сравнительный анализ оснований недействительности сделок в соответствии с п. 1 и 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве. **Выводы:** несовершенство законодательной техники и практики применения норм о недействительности сделок приводит к тому, что механизм субординирования восстановленных требований потенциально может применяться в отношении кредиторов, чья недобросовестность устанавливается лишь на основании формальных и косвенных признаков, что создает угрозу нарушения прав фактически добросовестных приобретателей.

Ключевые слова: субординация требований, последствия недействительности, право требования кредитора, подозрительные сделки, банкротство.

Цитирование. Варфоломеев Б. В. О субординации кредиторских требований по подозрительным сделкам должника (банкрота) // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 55–60. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.8>

Введение

Кризисные явления как в мировой, так и российской экономике стали причиной ненадлежащего исполнения субъектами гражданского права своих обязательств. Институт банкротства (несостоятельности) в возникшей ситуации стал наиболее востребован [5, с. 120]. Несмотря на довольно молодой возраст, институт банкротства является одним из самых востребованных как в практическом, так и доктринальном плане [1, с. 122].

Банкротство является особым институтом защиты прав и интересов кредиторов. Как правило, к моменту принятия судом заявления о признании должника банкротом контролирующие должника лица уже давно совершили все необходимые мероприятия по сокрытию имущества должника. С учетом того, что такая практика в делах о банкротстве является обыденностью, Законодателем был предусмотрен инструмент противодействия подобного рода злоупотреблениям, а именно оспаривание сделок должника.

Согласно положениям п. 1 ст. 61.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» сделки должника могут быть признаны недействительными как на основании общих норм гражданского законодательства, так и по специальным основаниям. Это открывает широкие возможности для кредиторов и арбитражного управляющего в процессе доказывания и интерпретации обстоятельств совершенных сделок, позволяя квалифицировать их под различные основания для признания недействительности. Например, наиболее детализированными являются специальные основания Закона о банкротстве (например, ст. 61.2 Закона о банкротстве), которые содер-

жат обязательный к доказыванию четко определенный перечень условий (обстоятельств), которые подлежат обязательному установлению, и влечет к отказу в удовлетворении требований по иску при их отсутствии. Также при оспаривании сделок должника-банкрота на практике активно используется общегражданское основание недействительности сделок, основанное на категории злоупотребления правом (ст. 10 и 168 ГК РФ). Нормы о злоупотреблении правом не содержат настолько четких критериев и обстоятельств, как п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, поэтому такая категория, как «злоупотребление правом» является довольно абстрактной и может быть интерпретирована по-разному. В области гражданского права прилагаются усилия для того, чтобы четко определить как само понятие «злоупотребление правом», так и принцип добросовестности [10, с. 95]. Однако в связи с этим почти все сделки по выводу активов должника (даже те, которые имеют весьма косвенные признаки подозрительности) можно рассмотреть с точки зрения данной категории.

Последствия недействительности сделок на нормативном и доктринальном уровне наиболее тесно связаны с категорией реституции. Ю.Е. Туктаров указывает, что зарубежным законодательством категория реституции используется в практике к требованиям о возврате полученного по неосновательному обогащению [8, с. 146].

Реституция уходит своими корнями в римское право, как средство преторов для устранения правовых последствий юридического факта, чем на сегодняшний день является применение последствий недействительности сделки [3, с. 195]. В дигестах Юстиниана

реституция представляет собой способ восстановления справедливого положения сторон [6, с. 71].

Основное содержание

Исходя из сущности содержания отечественного гражданского законодательства, а именно ст. 167 ГК РФ, сделка, признанная согласно установленным нормам недействительной, не может повлечь за собой каких-либо последствий юридического характера. Однако из указанного обобщенного правила можно выделить одно исключение, суть которого заключается в том, что юридические последствия все-таки могут возникнуть, но только те, которые прямо или же косвенно связаны с фактом ее недействительности. Данные общие правила, предусмотренные законом, являются своего рода постулатами, на которые необходимо ориентироваться при регулировании правоотношений в указанной области права.

На основании положений, предусмотренных содержанием действующей редакции п. 2 ст. 167 ГК РФ, факт признания недействительности сделки влечет на стороны такой сделки определенные обязательства. К таковым может относиться обязательство, предусматривающее возврат одной стороны своему контрагенту всего того, что было получено по заключенной сделке. Сюда могут включаться выполненные работы или же оказанные услуги. В некоторых случаях, в силу характера сделки и ее предмета, подобный возврат невозможно осуществить в натуре, тогда следует возвратить стоимость того, что стороне удалось получить. Данное обязательство носит общий характер и является наиболее распространенным на практике последствием. Однако могут возникать и иные последствия, которые прямо предусматриваются в законе.

В условиях банкротства последствия недействительности сделок имеют свои особенности. Они обусловлены ограничениями прав должника на распоряжение своим имуществом после начала процедуры банкротства, а также наличием очередности удовлетворения требований кредиторов. Необходимость соблюдения баланса прав и законных интересов лиц – участников конкурсного про-

цесса имеет свое обширное воплощение в многочисленных судебных актах [4, с. 107]. Следовательно, если сделка между должником и кредитором была возмездной и должник получил встречное исполнение, то кредитор получает восстановленное требование к должнику в размере исполненного, что дает ему возможность включиться в реестр требований кредиторов (ст. 61.6 Закона о банкротстве).

В зависимости от основания, по которому сделка была признана недействительной, очередность погашения таких кредиторских требований может быть разной:

1) в рамках 3-й очереди реестра требований кредиторов (п. 1 ст. 61.2, п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве);

2) после удовлетворения требований кредиторов 3-й очереди реестра (п. 2 ст. 61.2, п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве).

Законом предусмотрено погашение требований кредитора по недействительной сделке в рамках 3-й очереди, при условии, что кредитор являлся добросовестным приобретателем. В ином случае действует механизм понижения очередности требований кредиторов (субординация).

На основании изложенного можно с уверенностью говорить о том, что законодатель таким образом попросту разработал особую модель гражданско-правовой санкции по отношению к кредиторам, которые были осведомлены о противоправных и недобросовестных целях должника. В частности, целях причинить вред имущественным правам кредиторов.

В.П. Камышанский считает, что как и всякая юридическая ответственность, гражданско-правовая ответственность призвана служить укреплению законности и правопорядка [2, с. 2188].

Субординация кредиторских требований, хоть прямо и не предполагает их исключение (прекращение), но значительно затрудняет их удовлетворение – делая его фактически невозможным (с учетом того, что в 2023 г. доля удовлетворенных требований реестровых кредиторов у должников-организаций составила всего лишь 9,7 % [7]).

При более подробном рассмотрении п. 1 и 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве следует от-

метить, что данные основания являются очень схожими (см. таблицу).

Отсутствие необходимости доказывания субъективных признаков (наличие цели и осведомленности кредитора о противоправных целях должника) делает п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве более скорым и эффективным основанием для признания сделки недействительной [9, с. 615].

Следует отметить, что неравноценность встречного исполнения с точки зрения п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве является частным случаем причинения вреда имущественным правам кредиторов (так как в результате совершения такой сделки уменьшается размер имущества должника). Распознать признаки подозрительности в безвозмездной сделке значительно проще, чем в сделке с неравноценным встречным исполнением, поэтому вывод активов должника чаще стараются прикрывать именно за сделками с неравноценным встречным исполнением.

Исходя из этого возникает проблема соотношения данных оснований недействительности, так как по сути п. 2 ст. 61.2 поглощает п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве. Согласно разъяснениям п. 9 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63, если подозрительная сделка была заключена в течение года до возбуждения дела о банкротстве, то такая сделка признается недействительной на основании п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве. Если же сделка была совершена более года назад, но не позднее трех лет, то она может быть признана недействительной на основании п. 2 ст. 61.2.

Исходя из таких условий назревает вопрос, почему п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве приводит к субординации требований, а п. 1 ст. 61.2 – нет?

Этим же положением Постановления установлено, что для признания подозрительной сделки недействительной, которая была совершена в течение 1 года до принятия заявления о признании банкротом, достаточно установить круг фактов, определенных п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, без необходимости установления обстоятельств п. 2 этой же статьи.

Если вкратце, то это означает, что раз необходимость доказывания недобросовестности контрагента отсутствует, то он является добросовестным и его требование не подлежит субординации.

Конструкция норм предполагает, что в сделках, совершенных за пределами 1 года до возбуждения дела о банкротстве, имеет место цель причинения вреда имущественным правам кредиторов. В этом случае восстановленное требование должно подлежать субординации, поскольку в рамках доказывания необходимо установить недобросовестность контрагента, а если аналогичная сделка, совершенная при тех же обстоятельствах, но в пределах 1 года – то требование будет включено в 3-ю очередь реестра (так как в предмете доказывания отсутствует факт недобросовестности контрагента), что является абсурдным.

Заключение

На практике доказать недобросовестность контрагента по сделке проще, если сделка была заключена незадолго до начала процедуры банкротства. Это объясняется тем, что легче установить неплатежеспособность должника и подтвердить осведомленность контрагента об этом, так как к момен-

Сравнение п. 1 и п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве

Условия заключения сделки	Сделка с неравноценным встречным исполнением (п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве)	Сделка, совершенная в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве)
Срок совершения	1 год до возбуждения дела (или после его возбуждения)	3 года до возбуждения дела (или после его возбуждения)
Последствия сделки	Неравноценность встречного исполнения	Вред имущественным правам кредиторов
Наличие цели	–	Наличие цели причинения вреда имущественным правам кредиторов
Осведомленность контрагента	–	Другая сторона знала о цели должника к моменту совершения сделки

ту сделки обычно уже вступили в силу судебные решения о взыскании с должника. Поэтому доказать недобросовестность кредитора по сделке, совершенной в течение года до возбуждения дела о банкротстве, не составляет большой трудности, но из-за того, что она не входит в предмет доказывания по норме п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, кредитор является добросовестным.

Вышеизложенное можно описать в двух формулах:

1. Отсутствие в норме необходимости доказать недобросовестность контрагента = контрагент фактически является добросовестным = 3-я очередь реестра.

2. Наличие в норме необходимости доказать недобросовестность = контрагент фактически является недобросовестным = после 3-й очереди реестра.

Таким образом, идея субординации требований является положительной с точки зрения наказания недобросовестных контрагентов, однако ее фактическая реализация является несколько искаженной, так как понижение очередности требований происходит не в связи с фактической недобросовестностью контрагента, а только лишь с формально установленной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казаченок, С. Ю. Правовые вопросы погашения требований конкурсных кредиторов в контексте реформирования Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» / С. Ю. Казаченок // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2022. – Т. 21, № 1. – С. 122–128. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.17>

2. Камышанский, В. П. Некоторые особенности правоотношения гражданско-правовой ответственности публичных образований / В. П. Камышанский // *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*. – 2014. – № 101. – С. 2188–2189.

3. Новицкий, И. Б. Римское частное право : учебник / И. Б. Новицкий. – М., 2012. – 607 с.

4. Османова, Д. О. Нарушение баланса интересов участников как объективная необходимость конкурсного процесса / Д. О. Османова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2024. – № 1. – С. 105–111. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.1.14>

5. Петухова, И. Э. Гражданско-правовые аспекты конкурсного распоряжения имуществом

должника / И. Э. Петухова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2019. – № 4. – С. 119–125. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.16>

6. Солодовникова, С. В. Генезис реституции / С. В. Солодовникова // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. – 2015. – № 2. – С. 71–75.

7. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству по итогам 2023 г. // Сайт Федресурса. – URL: <https://fedresurs.ru/>

8. Туктаров, Ю. Е. Требование о возврате полученного по недействительной сделке / Ю. Е. Туктаров // *Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика* : сб. ст. / под ред. М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2006. – С. 146–155.

9. Шантимиров, А. Р. Сделки, заключенные лицом, признанным несостоятельным (банкротом), при неравноценном встречном исполнении обязательства другой стороной сделки / А. Р. Шантимиров // *Аллея науки*. – 2020. – № 10 (49). – С. 612–615.

10. Шеховцова, А. С. Злоупотребление правом субъектов предпринимательской деятельности на примере возбуждения процедуры банкротства должника / А. С. Шеховцова // *Власть закона*. – 2021. – № 4 (48). – С. 86–95.

REFERENCES

1. Kazachenok S.Yu. Pravovyye voprosy pogasheniya trebovaniy konkursnykh kreditorov v kontekste reformirovaniya Federalnogo zakona «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» [Legal Issues of Satisfying Bankruptcy Creditors' Claims in the Context of Reforming the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)"]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 1, pp. 122-128. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.1.17>

2. Kamyshansky V.P. Nekotorye osobennosti pravootnosheniya grazhdansko-pravovoy otvetstvennosti publicnykh obrazovaniy [Some Features of the Legal Relationship of Civil Liability of Public Entities]. *Politematicheskij setevoy elektronnyy nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 2014, no. 101, pp. 2188-2189.

3. Novitsky I.B. *Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik* [Roman Private Law. Textbook]. Moscow, 2012. 607 p.

4. Osmanova D.O. Narusheniye balansa interesov uchastnikov kak obyektivnaya neobkhodimost konkursnogo processa [Violation of the Balance of Interests of Participants as an Objective Necessity of the Competitive Process]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, no. 1, pp. 105-111. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.1.14>

5. Petuhova I.E. Grazhdansko-pravovyye aspekty konkursnogo rasporyazheniya imushchestvom

dolzhnika [Civil Legal Aspects Of Bankruptcy Disposal of the Debtor's Property]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2019, no. 4, pp. 119-125. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2019.4.16>

6. Solodovnikova S.V. Genesis restitucii [Genesis of Restitution]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoj juridicheskoy akademii*, 2015, no. 2, pp. 71-75.

7. Statisticheskij bjulleten Fedresursa po bankrotstvu po itogam 2023 g. [Statistical Bulletin of the Federal Resource on Bankruptcy Based on the Results of 2023]. *Sayt Fedresursa* [Fedresurs Website]. URL: <https://fedresurs.ru/>

8. Tuktarov Yu.E. Trebovanie o vozvrate poluchennogo po nedejstvitelnoj sdelke [Claim for the Return of What Was Received Under an Invalid Transaction]. Rozhkov M.A., ed. *Nedejstvitelnost v grazhdanskom prave: problemy, tendencii, praktika:*

sb. st. [Invalidity in Civil Law: Problems, Trends, Practice. Collection of Articles]. Moscow, Statut Publ., 2006, pp. 146-155.

9. Shantimirov A.R. Sdelki, zaklyuchennye licom, priznannym nesostoyatel'ny (bankrotom), pri neravnocennom vstrechnom ispolnenii obyazatel'stva drugoj storonoj sdelki [Transactions Concluded by a Person Declared Insolvent (Bankrupt) with Unequal Counter-Performance of the Obligation by the Other Party to the Transaction]. *Alleya nauki*, 2020, no. 10 (49), pp. 612-615.

10. Shekhovtsova A.S. Zloupotreblenie pravom sub'yektov predprinimatelskoj dejatel'nosti na primere vzbuzhdeniya procedury bankrotstva dolzhnika [Abuse of the Rights of Business Entities on the Example of Initiating Bankruptcy Proceedings Against a Debtor]. *Vlast zakona*, 2021, no. 4 (48), pp. 86-95.

Information About the Author

Bogdan V. Varfolomeev, Postgraduate Student, Department of Civil Law, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Kalinina St, 13, 350044 Krasnodar, Russian Federation, bogdan.varfolomeev@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-5074-3515>

Информация об авторе

Богдан Владиславович Варфоломеев, аспирант кафедры гражданского права, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, ул. Калинина, 13, 350044 г. Краснодар, Российская Федерация, bogdan.varfolomeev@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-5074-3515>

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.9>

UDC 341:004

LBC 67.911.222

Submitted: 10.02.2025

Accepted: 17.02.2025

THE REGULATORY AND LEGAL INTERPRETATION OF SYSTEMS BASED ON “ARTIFICIAL INTELLIGENCE” AND NEURAL NETWORKS (INTERNATIONAL ASPECTS)

Gennady G. Egorov

Volgograd State University (Volzhskiy Branch), Volzhskiy, Russian Federation

Maxim V. Sevostyanov

Volgograd State University (Volzhskiy Branch), Volzhskiy, Russian Federation

Kseniya V. Shubenkova

Volgograd State University (Volzhskiy Branch), Volzhskiy, Russian Federation

Introduction: the article examines the current topic of international legal regulation, with a special emphasis on the rapidly developing areas of artificial intelligence and neural networks. The analysis of numerous documents prepared by authoritative international organizations, such as the United Nations, the Organization for Economic Cooperation and Development, as well as the Group of Seven (G7) and the Group of Twenty (G20), provides a comprehensive picture of the current state of the legal landscape in this area. In addition, the work provides an overview of the scientific points of view of leading experts in the field of law, which allows us to evaluate various theoretical approaches to the problem of legal regulation of artificial intelligence (AI). As a result of the study, the key principles that states are guided by when forming their national legal framework in the field of artificial intelligence were identified. The main problems with that said are the lack of unified approaches to AI regulation, which entail legal uncertainty and potential conflicts of jurisdiction. The **purpose** of the work is to analyze the current state of the regulatory landscape, identify the key principles of national legislation and assess the prospects for international cooperation. **Methods:** the methodological frame work for the research includes: the comparative legal analysis of international acts; the systemic study of the interaction of legal regimes; the normative and dogmatic interpretation of terminology; the content analysis of expert positions; the legal modeling of prospects for harmonization of legislation. The application of interdisciplinary synthesis combining legal, technical and ethical aspects ensures the complexity of the research results. The main **conclusions** emphasize the need to harmonize AI regulation at the global level, including clarifying the key concepts and terms to ensure uniform application of legal norms. The analysis contributes to scientific discourse and may be useful to public policy makers seeking to create a balanced legal environment for the development of AI technologies.

Key words: digital artificial intelligence, neural networks, Russian legislation in the field of digital relations, digital law, international digitalization.

Citation. Egorov G.G., Sevostyanov M.V., Shubenkova K.V. The Regulatory and Legal Interpretation of Systems Based on “Artificial Intelligence” and Neural Networks (International Aspects). *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 61-71. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.9>

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ИНТЕРПРЕТИРОВАНИЕ СИСТЕМ НА ОСНОВЕ «ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА» И НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ (МЕЖДУНАРОДНЫЕ АСПЕКТЫ)

Геннадий Геннадьевич Егоров

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Максим Владимирович Севостьянов

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Ксения Владимировна Шубенкова

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Введение: в статье исследуется актуальная тема международного правового регулирования, особый акцент ставится на стремительно развивающихся сферах искусственного интеллекта (ИИ) и нейронных сетей. Анализ многочисленных документов, подготовленных авторитетными международными организациями, такими как Организация Объединенных Наций, Организация экономического сотрудничества и развития, а также «Большая семерка» (G7) и «Большая двадцатка» (G20), позволяет получить исчерпывающую картину современного состояния правового ландшафта в этой области. Кроме того, в работе представлен обзор научных точек зрения ведущих специалистов в области права, что позволяет оценить различные теоретические подходы к проблеме правового регулирования ИИ. В результате проведенного исследования были выявлены ключевые принципы, которыми руководствуются государства при формировании своей национальной правовой базы в сфере ИИ. Основными **проблемами** при этом определяются отсутствие унифицированных подходов к регулированию ИИ, влекущих за собой правовую неопределенность и потенциальные конфликты юрисдикций. **Цель работы** – анализ современного состояния нормативно-правового ландшафта, выявление ключевых принципов национального законодательства и оценка перспектив международного сотрудничества. **Методологическая база** работы включает: сравнительно-правовой анализ международных актов; системное изучение взаимодействия правовых режимов; нормативно-догматическую интерпретацию терминологии; контент-анализ экспертных позиций; правовое моделирование перспектив гармонизации законодательства. Применение междисциплинарного синтеза, объединяющего юридические, технические и этические аспекты, обеспечило комплексность результатов исследования. **Основные выводы** подчеркивают необходимость гармонизации регулирования ИИ на глобальном уровне, включая уточнение ключевых понятий и терминов для обеспечения единообразного применения правовых норм. Проведенный анализ вносит вклад в научный дискурс и может быть полезен разработчикам государственной политики, стремящимся создать сбалансированную правовую среду для развития технологий ИИ.

Ключевые слова: цифровой искусственный интеллект, нейронные сети, российское законодательство в сфере цифровых отношений, цифровое право, международная цифровизация.

Цитирование. Егоров Г. Г., Севостьянов М. В., Шубенкова К. В. Нормативно-правовое интерпретирование систем на основе «искусственного интеллекта» и нейронных сетей (международные аспекты) // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 61–71. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.9>

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) стремительно проникает в повседневную жизнь, трансформируя не только бытовые процессы, но и сферу государственного управления. Активное внедрение технологий на его базе в деятельность государственных органов требует разработки четких и согласованных подходов к ключевым понятиям и определениям

в этой области [14]. Создание эффективной системы международно-правового регулирования, а также разработка и принятие соответствующего национального законодательства являются первоочередными задачами для современных государств. Данные меры позволят обеспечить безопасное и этичное развитие цифровых технологий, минимизировать риски и максимизировать потенциал их применения в интересах общества.

Потребность в международно-правовом регулировании неизбежно возникает во всех сферах человеческой деятельности, поскольку установление единых норм на глобальном уровне способствует созданию стабильной и предсказуемой среды для взаимодействия различных субъектов международных отношений. Подобная регламентация выступает своеобразным компасом, ориентирующим государства в процессе разработки национального законодательства. В современном мире технологии на основе ИИ и нейронных сетей (НС) прочно вошли в нашу повседневную жизнь, находя широкое применение как в личных целях, так и в профессиональной деятельности организаций и государственных структур [14]. Использование таких систем позволяет существенно упростить и оптимизировать множество процессов, повышая их эффективность.

Несмотря на возрастающий интерес к ИИ и их активное внедрение в различные сферы общественной жизни, вопрос о создании надежной правовой основы для функционирования этих систем остается открытым, особенно в контексте международного права. Каждое государство, разрабатывая и принимая нормативные акты, регулирующие деятельность в данной области, руководствуется собственными национальными интересами и приоритетами, что может привести к существенным различиям в подходах к решению данной проблемы. В результате возникает необходимость в выработке единых международных стандартов, которые позволили бы обеспечить согласованность национального законодательства и создать благоприятные условия для развития технологий на основе ИИ на глобальном уровне [7].

В контексте Российской Федерации приоритетным направлением развития становится достижение технологической независимости и самодостаточности в данной цифровой сфере. Отмеченное и позволит обеспечить прорыв в различных областях экономики и социальной сферы, что, в свою очередь, будет способствовать повышению качества жизни граждан и укреплению позиций страны на мировой арене. Важность данной задачи была подчеркнута Президентом Российской Федерации в Послании Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года [8]. Согласно это-

му документу развитие систем на основе ИИ является одним из ключевых факторов, определяющих будущее России.

Основная часть

Необходимость международного правового регулирования в сфере цифровых искусственно-интеллектуальных систем (ЦИИС) трудно переоценить. В условиях стремительного развития технологий и их все более глубокой интеграции в различные аспекты человеческой жизни, отсутствие согласованных международных норм и стандартов может привести к непредсказуемым последствиям. В случае если государства будут действовать разрозненно, не координируя свои усилия и политику в этой области, то искусственный интеллект, изначально задуманный как инструмент для улучшения качества жизни, может превратиться в серьезную угрозу как для национальной безопасности отдельных стран, так и для стабильности международных отношений в целом. Отсутствие единых правил игры может способствовать возникновению неравенства, дискриминации, а также созданию новых видов оружия и других угроз, которые трудно будет контролировать и предотвращать. Именно поэтому международное сотрудничество в сфере регулирования ИИ является одним из важнейших вызовов современности.

В рамках современной правовой системы России уже сформированы определенные подходы к понятию ИИ. Основные принципы, касающиеся интеллектуальной собственности и защиты информации, нашли свое отражение в фундаментальном законе страны – Конституции Российской Федерации, а также в специализированных федеральных законах, таких как закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Эти нормативные акты создают правовую основу для развития систем на основе ИИ в России, определяя права и обязанности участников отношений, возникающих в этой сфере. При этом следует отметить, что процесс совершенствования законодательства в области искусственного интеллекта является динамичным и требует посто-

янного обновления в связи с быстро меняющимися технологическими реалиями [7].

В стране понятие «искусственный интеллект» получило официальное определение на высшем уровне. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта, утвержденная Указом Президента Российской Федерации, предоставляет исчерпывающее толкование этого термина. Согласно данному документу искусственный интеллект представляет собой совокупность решений, которые позволяют машинам имитировать когнитивные функции человека, такие как способность к обучению, принятию решений и решению задач. При этом ключевым отличительным признаком ИИ является возможность получения результатов, сравнимых или превосходящих результаты, достигаемые человеком при выполнении аналогичных задач. Национальная стратегия закрепляет четкое понимание ИИ как передовой технологии, способной революционизировать различные сферы человеческой деятельности [1].

В рамках данного определения ИИ подразумевает широкий спектр технологических компонентов, объединенных в единую систему. К ним относятся информационно-коммуникационная инфраструктура, обеспечивающая сбор, хранение и передачу данных, программное обеспечение, реализующее алгоритмы машинного обучения и другие интеллектуальные функции, а также процессы и сервисы, направленные на обработку данных и поиск оптимальных решений. Важно отметить, что в рассматриваемом документе отсутствует отдельное определение понятия «нейронные сети», хотя они являются одним из ключевых элементов многих ЦИИС. Тем не менее данное определение охватывает широкий спектр достижений, используемых для создания интеллектуальных систем, способных выполнять задачи, ранее считавшиеся исключительно прерогативой человека.

Понятие «искусственный интеллект» охватывает куда более широкий спектр технологий и подходов, нежели понятие «нейронная сеть». НС, являясь одним из ключевых направлений в арсенале ИИ, представляет собой математическую модель, вдохновленную структурой и функционированием биологических НС. Как отмечают исследователи,

программная и аппаратная реализация таких сетей основана на имитации принципов работы нейронов в живых организмах [3], где искусственные нейроны выполняют функции, аналогичные функциям биологических нейронов. Можно сделать вывод, что НС является лишь одним из инструментов, используемых для создания систем искусственного интеллекта, обладающих определенными когнитивными функциями.

Вопрос о правовом статусе ЦИИС является одним из наиболее актуальных в современной юридической науке. При обсуждении этой проблемы часто возникает дилемма: рассматривать ИИ как объект правовых отношений, подобно имуществу, или как субъект, наделенный определенными правами и обязанностями. Большинство исследователей склоняются к первой точке зрения, аргументируя это тем, что существующие ЦИИС, несмотря на свою сложность, не обладают подлинным интеллектом и сознанием. Они способны выполнять лишь те задачи, которые были заложены в них разработчиками, следуя заранее определенным алгоритмам. ИИ имитирует когнитивные функции человека, но не способен к самостоятельному творчеству и генерации новых идей, что является фундаментальным отличием от человеческого разума [2]. Таким образом, ЦИИС, будучи сложными техническими устройствами, не обладают теми качествами, которые позволяют отнести их к субъектам права.

В эпоху стремительного технологического прогресса государства, активно взаимодействуя в рамках международных организаций и других многосторонних форумов, все отчетливее осознают необходимость создания всеобъемлющей правовой базы, регулирующей ИИ и НС в различных сферах человеческой деятельности. Глобальный характер развития этих систем требует согласованных действий на международном уровне, направленных на выработку единых подходов к решению возникающих правовых проблем. Подобная координация усилий позволит обеспечить безопасное и эффективное использование искусственного интеллекта во благо всего человечества, минимизируя потенциальные риски.

Как правило, результатом такого сотрудничества выступают разнообразные соглаше-

ния в сфере использования ИИ. В таких документах содержится четкое утверждение о том, что ЦИИС должны быть созданы и использованы таким образом, чтобы приносить пользу всему человечеству. Разработчики соглашений подчеркивают необходимость разработки и внедрения ЦИИС, которые будут безопасными и надежными. Кроме того, в документах представлено комплексное видение потенциала и вызовов, связанных с использованием генеративного искусственного интеллекта (ГИИ) – технологии, способной создавать новые виды данных, такие как тексты, изображения и музыка, на основе существующих образцов. В документах не только провозглашаются общие принципы этичного использования ЦИИС, но и обращается внимание на конкретные технологические направления, требующие особого внимания и регулирования.

Внедрение ИИ и НС сопряжено с рядом существенных рисков, затрагивающих фундаментальные права человека, вопросы контроля и подотчетности за их деятельностью. Особую озабоченность вызывает возможность манипулирования информацией и дезинформации пользователей, что может иметь серьезные социальные и политические последствия. Кроме того, необходимо уделить пристальное внимание соблюдению этических норм при разработке и применении данных достижений, а также решению проблем, связанных с предвзятостью алгоритмов, защитой конфиденциальности персональных данных и прав интеллектуальной собственности.

Одной из наиболее актуальных проблем в современном правовом регулировании ИИ является необходимость устранения правовых пробелов, особенно в области защиты интеллектуальной собственности. С ростом популярности цифровых инноваций, а в особенности НС, все чаще возникают судебные споры, связанные с нарушением исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. Характерным примером такой ситуации является недавний судебный процесс, рассмотренный в США [1].

Увеличение числа подобных дел свидетельствует о том, что существующая правовая система не всегда способна адекватно реагировать на вызовы, связанные с исполь-

зованием ИИ в творческих процессах. Традиционные нормы интеллектуальной собственности, разработанные для регулирования отношений, возникающих при создании традиционных произведений, не всегда применимы к результатам, полученным с помощью алгоритмов машинного обучения. Это связано с тем, что авторство таких произведений часто бывает размытым, а процесс их создания может включать в себя использование больших объемов данных, права на которые принадлежат различным лицам.

В этой связи возникает необходимость в разработке новых правовых механизмов, которые позволят эффективно защищать права авторов и других правообладателей в условиях цифровой экономики, при этом не препятствуя развитию инноваций.

В начале 2023 г. более шестнадцати тысяч художников объединились в коллективном иске против создателей нейросети Midjourney, специализирующейся на генерации изображений [10]. Однако часть исковых требований была отклонена судом. Причиной отказа стало отсутствие у некоторых художников официальной регистрации авторских прав на свои произведения, что затруднило доказывание факта нарушения. Кроме того, истцам не всегда удавалось предоставить убедительные доказательства того, что сгенерированные нейросетью изображения действительно являются плагиатом их работ.

Анализируя современную судебную практику Российской Федерации, можно наблюдать устойчивую тенденцию к увеличению числа судебных разбирательств, предметом которых являются правоотношения, так или иначе связанные с применением технологий ЦИИС. За последние несколько лет количество таких дел существенно выросло. Если в период с 2022 по 2023 г. суды рассмотрели 165 дел, то уже за следующий год их число увеличилось более чем в два раза и достигло 406 [5].

Спектр споров, возникающих в связи с использованием ИИ, весьма широк. Суды рассматривают дела, связанные с разработкой программного обеспечения на основе ЦИИС, споры по лицензионным договорам на использование такого программного обеспечения, а также дела о нарушении авторских прав на произведения, созданные с помощью ИИ.

Кроме того, все чаще встречаются административные дела, связанные с нарушением законодательства при использовании ЦИИС для массовых рассылок или звонков.

В свете стремительного развития ИИ и многочисленных правовых вопросов, возникающих в связи с их применением, все более актуальным становится вопрос о необходимости создания международно-правовой базы, которая бы обеспечивала этичное их использование. Осознавая важность этой задачи, ЮНЕСКО, специализированное учреждение Организации Объединенных Наций, ответственное за вопросы образования, науки и культуры, приняла в ноябре 2021 г. на своей 41-й сессии Генеральной конференции Рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта [15]. Документ представляет собой попытку международного сообщества выработать единый подход к регулированию этой сферы, с учетом как потенциала ИИ для развития человечества, так и связанных с ним рисков.

Примечательным событием в области ИИ в 2019 г. стало принятие Заявления министров экономики стран Группы двадцати (G20). Эта международная организация, объединяющая крупнейшие экономики мира, включая Россию, 9 июня того же года одобрила принципы развития ИИ. Принятие такого рода заявлений на высоком уровне свидетельствует о растущем международном признании важности этических аспектов развития и применения ИИ, а также о необходимости выработки единых подходов к их регулированию [13]. Это решение стало еще одним шагом на пути к формированию глобальной нормативной базы в сфере ИИ.

Заявление министров экономики стран G20 не ограничивается лишь повторением уже известных принципов, но и содержит ряд новых, весьма актуальных положений. В частности, документ подчеркивает необходимость придерживаться антропоцентрического подхода в развитии искусственного интеллекта, то есть учитывать интересы человека и общества при создании и использовании технологий на основе генеративного интеллекта [14]. Особое внимание уделяется потенциальным социальным рискам, связанным с развитием искусственного интеллекта, в том числе рис-

ку изменения рынка труда. Авторы Заявления также акцентируют важность обеспечения конфиденциальности и защиты персональных данных при использовании технологий, базирующихся на ЦИИС. Кроме того, в документе содержится призыв к активному обмену опытом между странами в области разработки и использования ИИ. Эти и другие положения свидетельствуют о том, что государства, входящие в G20, осознают всю сложность и многогранность проблем, связанных с развитием искусственного интеллекта, и стремятся к выработке согласованных подходов к их решению [13].

Страны, входящие в «Группу семи» (G7), подчеркнули, что как Соглашение о международных руководящих принципах ИИ, так и Добровольный кодекс поведения разработчиков ИИ являются живыми документами, подлежащими периодическому пересмотру и обновлению. Этот процесс будет осуществляться, в частности, в рамках деятельности Глобального партнерства по ИИ (GPAI), международной инициативы, официально запущенной в июне 2020 года. Что касается непосредственно Соглашения о принципах, то оно включает в себя одиннадцать ключевых положений, которые представляют собой логическое развитие Руководящих принципов ОЭСР, принятых ранее. Данный подход свидетельствует о стремлении международного сообщества к постепенному формированию единой нормативной базы в цифровой сфере, которая будет учитывать как динамичное развитие технологий, так и возникающие в связи с этим новые вызовы и риски.

Соглашение о международных руководящих принципах искусственного интеллекта, принятое в рамках G7, содержит ряд конкретных мер, направленных на обеспечение безопасности и этичности использования ЦИИС [1].

В то же время кодекс поведения разработчиков ИИ подчеркивает, что государства сохраняют за собой право самостоятельно определять конкретные механизмы реализации этих принципов в рамках своего национального законодательства. Такой подход отражает стремление к балансу между необходимостью глобальной координации усилий в области регулирования ИИ и уважением суверенитета отдельных государств.

В качестве фундаментальной основы для регулирования сферы ИИ на территории Европейского союза выступает Закон об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act). В акте, после длительного процесса обсуждения и согласования, был окончательно утвержден Советом Евросоюза 21 мая 2024 года. Об этом официально сообщается на сайте организации. Необходимо отметить, что вступление Закона в полную силу ожидается через два года после его публикации, однако отдельные положения документа начнут действовать гораздо раньше [12]. Данный поэтапный подход позволяет государствам – членам Европейского союза постепенно адаптироваться к новым требованиям и обеспечить плавный переход к новой системе регулирования в сфере искусственного интеллекта. Принятие Закона является значимым событием, которое окажет существенное влияние на развитие этой технологии в Европе и за ее пределами.

Ключевыми принципами, положенными в основу Закона об ИИ, являются обеспечение безопасности использования таких систем, прозрачность их функционирования, возможность отслеживания их действий, минимизация негативного экологического воздействия и предотвращение дискриминации. Закон классифицирует системы с ИИ на четыре категории в зависимости от уровня риска, который они несут: системы с ограниченным риском, системы с неприемлемым риском, системы высокого риска и системы, генерирующие контент (например, нейросети). Особое внимание уделяется системам с неприемлемым риском, к которым относятся системы, способные манипулировать людьми, особенно представителями уязвимых групп населения, такими как дети и пожилые люди. Также запрещается использование ЦИИС для ранжирования или классификации граждан на основе анализа их данных, а также для биометрической идентификации лиц в режиме реального времени в общественных местах [4].

Закон об ИИ Европейского союза выделяет системы высокого риска в отдельную категорию, подлежащую особому регулированию. К этой категории относятся, например, беспилотные транспортные средства и медицинские устройства, использование которых

может непосредственно угрожать здоровью и жизни людей, а также нарушать их права. Для таких систем предусмотрены строгие требования по оценке рисков, разработке мер по их минимизации и обеспечению безопасности.

Отдельное внимание в Законе уделяется генеративным системам ИИ, к которым относятся, например, чат-боты на основе больших языковых моделей, подобные ChatGPT. Для таких систем устанавливаются жесткие требования в отношении соблюдения авторского права и раскрытия информации о данных, которые использовались для их обучения. Целью этих требований является обеспечение прозрачности работы генеративных систем и предотвращение распространения дезинформации и других видов злоупотреблений.

Действующие ЦИИС получают трехлетний переходный период, в течение которого они смогут адаптироваться к новым требованиям, установленным Законом. Эффективность практического применения положений этого нормативного акта в странах Европейского союза пока остается под вопросом. Однако сам факт принятия Закона об ИИ является беспрецедентным событием, свидетельствующим о стремлении Европейского союза занять лидирующие позиции в области регулирования этой перспективной, но вместе с тем и потенциально опасной технологии. Реализация положений Закона позволит создать более безопасную и этичную среду для развития и применения искусственного интеллекта, что, в свою очередь, будет способствовать укреплению доверия общественности к ней.

Создание надежной правовой базы для развития таких систем является одним из приоритетных направлений деятельности Европейского союза. Это объясняется тем, что ИИ играет ключевую роль в достижении долгосрочных целей цифровой трансформации экономики и общества. Так, в программе развития до 2030 г. «Путь к цифровому долголетию» поставлена амбициозная цель: к 2030 г. 75 % всех европейских компаний должны регулярно использовать ЦИТ в своей деятельности [12]. Этот показатель подчеркивает важность таких систем для обеспечения конкурентоспособности европейской экономики и повышения качества жизни граждан. Кроме

того, стоит отметить, что Европейский союз принял ряд других документов, посвященных вопросам регулирования ИИ. Эти документы дополняют друг друга и создают комплексный подход к развитию данной технологии.

Важным этапом на пути к формированию единого правового поля для искусственного интеллекта в Европейском союзе стало подписание Декларации о сотрудничестве в области искусственного интеллекта 10 апреля 2018 года [11]. Документ отражает стремление государств-членов к созданию комплексной и согласованной стратегии развития ИИ на европейском уровне. Декларация провозгласила намерение государств разработать единый европейский подход к регулированию ИИ и координировать свою национальную политику в этой сфере. Подписание Декларации стало отправной точкой для дальнейшей работы над созданием всеобъемлющего законодательства, регулирующего различные аспекты применения ЦИИС, от разработки и производства систем до их использования в различных сферах общественной жизни.

В 2020 г. Европейская комиссия представила документ, получивший название «Белая книга искусственного интеллекта». Этот документ стал важным этапом в формировании европейской стратегии в сфере искусственного интеллекта. Целью книги является создание всеобъемлющей системы правил и требований, направленных на обеспечение безопасного и надежного развития технологий ИИ при одновременном соблюдении основополагающих европейских ценностей и прав человека [13]. Таким образом, «Белая книга» представляет собой комплексный подход к регулированию ИИ, который учитывает как его огромный потенциал для развития экономики и общества, так и связанные с ним риски. Этот документ заложил основу для дальнейшей разработки законодательной базы в данной области на уровне Европейского союза.

Российский исследователь Д.Л. Кутейников характеризует европейский подход к регулированию ИИ как риск-ориентированный [6]. То есть такие системы классифицируются в зависимости от степени потенциальной угрозы, которую они могут представлять для здоровья, безопасности и основных прав человека.

Важность международного сотрудничества в сфере регулирования ЦИИС и обеспечения безопасности их применения подчеркивается и в обновленной российской Стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации в 2019 году [9]. Последняя редакция этого стратегического документа, вступившая в силу 15 февраля 2024 г., фиксирует существенные достижения России в данной сфере, устанавливает новые целевые показатели развития и предлагает конкретные меры по обеспечению безопасности использования ИИ с учетом опыта других стран и международных организаций, таких как Китай, Европейский союз и др. Таким образом, Россия демонстрирует готовность активно участвовать в глобальном диалоге по вопросам регулирования искусственного интеллекта и создания безопасной среды для его развития.

Анализируя представленные правовые документы, регулирующие сферу ИИ и НС, можно сделать следующие выводы. Во-первых, эти документы отражают текущее состояние статуса ИИ, его правового потенциала и перспектив дальнейшего совершенствования. Авторы этих документов стремятся заглянуть в будущее и предвидеть возможные изменения, которые могут произойти в результате широкого внедрения таких систем в различные сферы человеческой деятельности. Во-вторых, в этих документах подробно рассматриваются потенциальные риски и проблемы, связанные с использованием данных инноваций. Авторы акцентируют внимание на необходимости разработки эффективных механизмов управления этими рисками и минимизации негативных последствий, которые могут возникнуть в результате неконтролируемого развития ИИ. Таким образом, представленные документы являются попыткой сформулировать комплексный подход к регулированию комплексов, который позволит, с одной стороны, стимулировать инновации и развитие новых систем, а с другой – обеспечить безопасность и надежность их применения.

Заключение

Рассматривая возможные пути развития правового регулирования ЦИИС, следует об-

ратить особое внимание на несколько ключевых аспектов. Во-первых, необходимо более четко определить понятийный аппарат, используемый в этой области. Точное и однозначное толкование терминов, связанных с ИИ, является основополагающим условием для создания эффективной правовой системы. Во-вторых, актуальным остается вопрос о юридическом статусе ЦИИС. Следует четко закрепить пределы прав, которые имеет ИИ как субъект, если все же будет за ним закреплён данный статус. В-третьих, необходимо достичь баланса интересов различных участников отношений, связанных с использованием ЦИИС. С одной стороны, необходимо создать условия для развития инноваций и стимулирования деятельности разработчиков. С другой стороны, необходимо защитить права потребителей и обеспечить безопасность его использования. Наконец, государственные органы должны играть активную роль в формировании правовой среды в данной сфере, устанавливая четкие правила и обеспечивая их соблюдение. Решение этих задач позволит создать гибкую и эффективную систему правового регулирования, способную адаптироваться к быстро меняющимся технологическим реалиям.

Особого внимания заслуживает необходимость дальнейшего укрепления международного сотрудничества государств в исследуемой области. Такое сотрудничество позволит создать условия для безопасного функционирования ЦИИС, при котором человек сохраняет контроль над ними, а не наоборот. Важно подчеркнуть, что развитие в данной сфере должно происходить в интересах человека и общества в целом, а не приводить к утрате человеческого контроля над модульными процессами, базирующимися на генеративном интеллекте. Международное сотрудничество поможет выработать единые стандарты безопасности, этические принципы и правовые нормы, регулирующие развитие и применение ИИ. Кроме того, совместные усилия государств позволят более эффективно решать глобальные проблемы, связанные с ИИ, такие как защита персональных данных, предотвращение дискриминации и обеспечение кибербезопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власова, В. Ю. Международно-правовые основы понятий «искусственный интеллект» и «нейросеть» / В. Ю. Власова, А. И. Ястребова // Современное право. – 2024. – № 6. – С. 86–93.
2. Власова, В. Ю. Особенности конституционно-правового регулирования применения технологий искусственного интеллекта в России / В. Ю. Власова, А. И. Ястребова // Современное право. – 2024. – № 4. – С. 64–66.
3. Дворянkin, О. А. Нейронные сети в интернете / О. А. Дворянkin // Национальная ассоциация ученых. – 2022. – № 82. – С. 15–21.
4. Егоров, Г. Г. Перспективы развития современного гражданского права в условиях внедрения нейросетевых комплексов / Г. Г. Егоров // Стратегия развития гражданского права в поисках ответов на вызовы XXI века (цифровые перспективы и действительность) : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., г. Волжский, 27 ноября 2023 г. – Волгоград : Сфера, 2024. – С. 69–78. – URL: <http://spherepublishing.ru/images/banners/aj2024.pdf>
5. Искусственный интеллект в законодательной и судебной практике: анализ мер государственного регулирования // РТМ-Технологии. – 2023. – URL: <https://rtmtech.ru/>
6. Ключевые подходы к правовому регулированию использования систем искусственного интеллекта / Д. Л. Кутейников, О. А. Ижаев, С. С. Зенин, В. А. Лебедев // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2022. – Т. 8, № 1 (29). – С. 209–232.
7. Орешкина, И. Б. Особенности правового регулирования применения искусственного интеллекта в РФ (теоретико-правовой аспект в сфере здравоохранения) / И. Б. Орешкина, Г. Г. Егоров // Реализация социальных прав и свобод человека и гражданина с использованием искусственного интеллекта : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Москва, 27 мая 2022 г. – М. : Ай Пи Ар Медиа, 2022. – С. 93–100. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/128383.html>
8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 // Парламентская газета. – 2024. – 1–6 марта (№ 8).
9. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. – 2019. – 14 окт. (№ 41). – Ст. 5700.
10. Brittain, B. Lawsuits Accuse AI Content Creators of Misusing Copyrighted Work / B. Brittain // Reuters, January 17, 2023. – URL: <https://www.reuters.com/legal/>

transactional/lawsuits-accuse-ai-content-creators-misusing-copyrighted-work-2023-01-17/

11. Declaration: Cooperation on AI, Apr. 10, 2018 // Perma.cc. – URL: <http://perma.cc/F6U4-NV4C>

12. Europe's Digital Decade: Digital Targets for 2030 // Официальный сайт Европейской комиссии. – URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/europes-digital-decade-digital-targets-2030_en

13. G20 Ministerial Statement on Trade and Digital Economy. – URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000486596.pdf>

14. Krasilnikova, T. K. The Use of Modern Digital Technologies in the Implementation of the Rights and Legitimate Interests of Citizens / T. K. Krasilnikova, G. G. Egorov, T. V. Derkacheva // “Smart Technologies” for Society, State and Economy : Conference Proceedings ISC 2020 / eds.: E. G. Popkova, B. S. Sergi. – Switzerland : Springer Nature Switzerland AG, 2021. – (Lecture Notes in Networks and Systems ; vol. 155). – P. 1118–1125. – DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_123

15. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence // UNESCO. – 2021. – URL: <https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics>

REFERENCES

1. Vlasova V.Yu., Yastrebova A.I. Mezhdunarodno-pravovye osnovy ponyatiy «iskusstvennyj intellekt» i «nejroset» [International Legal Foundations of the Concepts of “Artificial Intelligence” and “Neural Network”]. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2024, no. 6, pp. 86–93.

2. Vlasova V.Yu., Yastrebova A.I. Osobennosti konstitucionno-pravovogo regulirovaniya primeneniya tekhnologij iskusstvennogo intellekta v Rossii [Features of Constitutional and Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence Technologies in Russia]. *Sovremennoe pravo* [Modern Law], 2024, no. 4, pp. 64–66.

3. Dvoryankin O.A. Nejronnye seti v internete [Neural Networks on the Internet]. *Nacionalnaya asociaciya uchenyh* [National Association of Scientists], 2022, no. 82, pp. 15–21.

4. Egorov G.G. Perspektivy razvitiya sovremennogo grazhdanskogo prava v usloviyah vnedreniya nejrosetevykh kompleksov [Prospects for the Development of Modern Civil Law in the Context of the Introduction of Neural Network Complexes]. *Strategiya razvitiya grazhdanskogo prava v poiskah otvetov na vyzovy XXI veka (cifrovye perspektivy i dejstvitel'nost): materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Volzhskij, 27 noyabrya 2023 g.*

[Strategy for the Development of Civil Law in Search of Answers to the Challenges of the 21st Century (Digital Prospects and Reality): Proceedings of the 2nd International Scientific and Practical Conference, Volzhskiy, November 27, 2023]. Volgograd, Sfera Publ., 2024, pp. 69–78. URL: <http://sphere-publishing.ru/images/banners/aj2024.pdf>

5. Iskusstvennyj intellekt v zakonodatelnoj i sudebnoj praktike: analiz mer gosudarstvennogo regulirovaniya [Artificial Intelligence in Legislative and Judicial Practice: Analysis of Government Regulation Measures]. *RTM-Tekhnologii* [RTM-Technologies], 2023. URL: <https://rtmtech.ru/>

6. Kuteynikov D.L., Izhaev O.A., Zenin S.S., Lebedev V.A. Klyuchevye podhody k pravovomu regulirovaniyu ispolzovaniya system iskusstvennogo intellekta [Key Approaches to Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence Systems]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Socialno-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Bulletin of Tyumen State University. Social, Economic and Legal Research], 2022, vol. 8, no. 1 (29), pp. 209–232.

7. Oreshkina I.B., Egorov G.G. Osobennosti pravovogo regulirovaniya primeneniya iskusstvennogo intellekta v RF (teoretiko-pravovoj aspekt v sfere zdavoohraneniya) [Features of Legal Regulation of the Use of Artificial Intelligence in the Russian Federation (Theoretical and Legal Aspect in the Field of Healthcare)]. *Realizaciya socialnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina s ispolzovaniem iskusstvennogo intellekta: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Moskva, 27 maya 2022 g.* [Implementation of Social Rights and Freedoms of Man and Citizen Using Artificial Intelligence. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, May 27, 2022]. Moscow, Ai Pi Ar Media, 2022, pp. 93–100. URL: <https://www.iprbookshop.ru/128383.html>

8. Poslanie Prezidenta RF Federalnomu Sobraniyu ot 29.02.2024 [Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of 29.02.2024]. *Parlamentskaya gazeta* [Parliamentary Newspaper], 2024, Mar. 1–6 (no. 8).

9. Ukaz Prezidenta RF ot 10.10.2019 № 490 (red. ot 15.02.2024) «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii» (vmeste s «Nacionalnoj strategiej razvitiya iskusstvennogo intellekta na period do 2030 goda») [Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 № 490 (As Amended on 15.02.2024) “On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation” (Together with the “National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030”)]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2019, Oct. 14 (no. 41), art. 5700.

10. Brittain B. Lawsuits Accuse AI Content Creators of Misusing Copyrighted Work. *Reuters*,

January 17, 2023. URL: <https://www.reuters.com/legal/transactional/lawsuits-accuse-ai-content-creators-misusing-copyrighted-work-2023-01-17/>

11. Declaration: Cooperation on AI, Apr. 10, 2018. *Perma.cc*. URL: <http://perma.cc/F6U4-NV4C>

12. Europe's Digital Decade: Digital Targets for 2030. *Ofitsialnyy sayt Yevropeyskoy komissii* [Official Website of the European Commission]. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/europes-digital-decade-digital-targets-2030_en

13. *G20 Ministerial Statement on Trade and Digital Economy*. URL: <https://www.mofa.go.jp/files/000486596.pdf>

14. Krasilnikova T.K., Egorov G.G., Derkacheva T.V. The Use of Modern Digital Technologies in the Implementation of the Rights and Legitimate Interests of Citizens. Popkova E.G., Sergi B.S., eds. *"Smart Technologies" for Society, State and Economy: Conference Proceedings ISC 2020*. Switzerland, Springer Nature Switzerland AG, 2021. (Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 155), pp. 1118-1125. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-59126-7_123

15. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. *UNESCO*, 2021. URL: <https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics>

Information About the Authors

Gennady G. Egorov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Jurisprudence and Psychology, Researcher, Volgograd State University (Volzhskiy Branch), 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhskiy, Russian Federation, egorov@vgi.volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5969-1171>

Maxim V. Sevostyanov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Jurisprudence and Psychology, Volgograd State University (Volzhskiy Branch), 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhskiy, Russian Federation, sev_mv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7248-9349>

Kseniya V. Shubenkova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Jurisprudence and Psychology, Volgograd State University (Volzhskiy Branch), 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhskiy, Russian Federation, shubenkova34@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2985-298X>

Информация об авторах

Геннадий Геннадьевич Егоров, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции и психологии, научный сотрудник, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, egorov@vgi.volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5969-1171>

Максим Владимирович Севостьянов, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции и психологии, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, sev_mv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7248-9349>

Ксения Владимировна Шубенкова, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции и психологии, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, shubenkova34@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2985-298X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.10>

UDC 340.11

LBC 67.0

Submitted: 16.02.2025

Accepted: 20.02.2025

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE AUTOMATION OF LEGAL ACTIVITIES

Julia A. Gavrilova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: legal activities in the digital society are changing qualitatively. The methods of legal regulation are expanding, new forms and methods of implementation are emerging, and the material and technical base is being modernized. Automation is becoming a new direction for improving legal activities and, at the same time, a source of large-scale problems and risks. The **purpose** of the research is to formulate the theoretical and legal foundations of the automation of legal activities. The objectives of the research are to analyze the elemental composition of automated legal activities, the relationship between humans and technology in the process of these activities, and the disclosure of some terminological aspects of the problem. **Methods:** the paper uses the methods of formal law, logic, systems, and modeling and forecasting. **Results:** the author believes that of the two approaches to the nature of automated legal activities (instrumental and machine-agent), the most suitable for modern Russia is the instrumental approach, whereby any automated technology should only act as a means of realizing human and social interests, including in cases of its externally “independent” functioning. From this perspective, such elements of its composition as forms, legal means, and principles are considered. The author considers consistency, realism, efficiency, the auxiliary role of artificial languages, and controllability to be among the fundamental principles. The phenomenon of so-called hybridization of humans and machines is considered separately, which implies major fundamental changes in the life of the digital society, for which there are currently no sufficient reasons to introduce the term into the lexical circulation of legal science. **Conclusions:** the effectiveness of solving social problems facing legal activities increases significantly as a result of automation if the achievements of digitalization are used for the benefit of the humans, society, and the country, while the negative consequences of this process are minimized.

Key words: legal activities, automation, digitalization, humans, intelligent agent, hybridization, well-being, risks.

Citation. Gavrilova Ju. A. Theoretical and Legal Foundations of the Automation of Legal Activities. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 72-79. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.10>

УДК 340.11

ББК 67.0

Дата поступления статьи: 16.02.2025

Дата принятия статьи: 20.02.2025

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ АВТОМАТИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Юлия Александровна Гаврилова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: юридическая деятельность в цифровом обществе качественно видоизменяется. Расширяются методы правового регулирования, появляются новые формы и способы осуществления, модернизируется материально-техническая база. Автоматизация становится новым направлением совершенствования юридической деятельности и одновременно источником масштабных проблем и рисков. **Цель** исследования – формулирование теоретико-правовых основ автоматизации юридической деятельности. Задачи исследования – анализ элементного состава автоматизированной юридической деятельности, соотношение человека и технологий в процессе этой деятельности, раскрытие некоторых терминологических аспектов проблемы. **Методы:** в статье используются методы формально-юридический, логический, системный, моделирование, прогнозирование. **Результаты:** автор считает, что из двух подходов к природе автоматизированной

юридической деятельности (инструментального и машинно-агентного) наиболее подходящим для современной России является инструментальный подход, в соответствии с которым любая автоматизированная технология должна выступать лишь средством реализации человеческих и социальных интересов, в том числе в случаях ее внешне «независимого» функционирования. Под этим углом зрения рассматриваются такие элементы ее состава, как формы, правовые средства и принципы. К числу основополагающих принципов автор относит системность, реалистичность, оперативность, вспомогательную роль искусственных языков, подконтрольность. Отдельно рассматривается феномен так называемой гибридации человека и машины, который предполагает большие фундаментальные перемены в жизни цифрового общества, для которых в данный период нет достаточных причин, позволяющих ввести в лексический оборот правовой науки указанный термин. **Выводы:** эффективность решения социальных задач, поставленных перед юридической деятельностью, значительно повышается в результате автоматизации, если достижения цифровизации будут использоваться на благо человека, общества и страны, и минимизируются негативные последствия этого процесса.

Ключевые слова: юридическая деятельность, автоматизация, цифровизация, человек, интеллектуальный агент, гибридация, благополучие, риски.

Цитирование. Гаврилова Ю. А. Теоретико-правовые основы автоматизации юридической деятельности // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 72–79. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.10>

Введение

В период динамичных цифровых трансформаций ранее сложившиеся правовые понятия, конструкции и категории не забываются, а получают новую оценку, критически переосмысливаются, адаптируются к требованиям современного общества и потребностям государственной политики. В настоящее время в юридической литературе наблюдается «бум» исследований, направленных на изучение инновационных цифровых процессов и явлений.

Предметом изучения становятся общие вопросы цифровизации (понятие, субъекты, тенденции), специальные юридические аспекты использования достижений цифровизации (электронное голосование, электронная торговля, электронное правительство, цифровая криминалистика и т. д.). Отдельно ученые рассматривают технические средства реализации цифровых решений: алгоритмы, программы, базы данных и технические устройства их хранения и работы: компьютеры, ноутбуки, планшеты, смартфоны и др. Одним из малоисследованных аспектов этой проблемы в общей теории права можно назвать автоматизацию юридической деятельности.

Основная часть

В Российской Федерации юридическая деятельность, как и все общество, находится в режиме существенной трансформации ее

методологических, законодательных и прикладных основ. С развитием цифровых технологий появилась автоматизация как новая тенденция развития юридической деятельности. В законотворчестве, государственном управлении, правосудии и т. п. используются сложные, быстро работающие и разнообразные «умные» технологии, включающие в себя алгоритмы, большие данные, системы искусственного интеллекта, цифровые «двойники» и ряд других форм [2, с. 12–15; 5, с. 68; 8, с. 38; 10, с. 14–15; 11, с. 55].

Однако критерии оценки автоматизированных технологий юридической деятельности (Legal Tech) для человека нуждаются в прояснении. Автоматизация правовой деятельности приносит субъектам права скорость, транспарентность, функциональную доступность, пользу, единообразие правового инструментария, снижение затрат. Однако при огромном росте перспективных возможностей автоматизированных технологий решения правовых проблем существуют значительные риски их негативного влияния на правовую систему и жизнь общества, вплоть до разрушения привычного юридического ландшафта и создания нового технологического «царства».

На наш взгляд, принимая во внимание разные трактовки места и роли автоматизированных технологий юридической деятельности в системе правовых средств, отметим, что в обобщенном виде эта роль может быть сведена к двум моментам:

1) автоматизированные технологии – «помощники» людей, позволяющие получать новые знания о правовых явлениях и на этой основе решать новые юридические проблемы цифрового общества;

2) автоматизированные технологии направлены на замещение человека в процессе принятия решений, когда его последующее вмешательство уже не требуется.

Безусловно, существуют и промежуточные варианты, когда машинообучаемые «помощники» людей не только являются внешними носителями информации и источниками больших данных, но и «встроены» в тело человека, благодаря использованию которых он приобретает новые биологические, психологические и когнитивные функции. Иногда встречается и противоположный вариант наделения машины искусственными аналогами нейрофизиологических функций и биологических структур, в результате чего можно говорить о «живой» и «думающей» машине.

Но сказанное не меняет сути методологических подходов к интерпретации природы автоматизированной юридической деятельности. Мы ведем речь либо об инструментализации ее функционального назначения, либо об относительно самостоятельной роли интеллектуального агента.

В состав компонентов автоматизированной юридической деятельности (с учетом подробной разработки общего понятия правовой деятельности в теории) необходимо включить субъекты, объекты, формы и принципы, правовые средства и многое другое. Рассмотрим их кратко.

Субъектами автоматизированной юридической деятельности являются органы государственной власти, органы местного самоуправления, организации всех форм собственности, должностные лица и граждане. Данные субъекты анализируются в определенном ракурсе обеспеченности деятельности с помощью информационных технологий и уровня их применения для решения практических задач.

Объектами автоматизации в юридической деятельности становятся общественные отношения как родовое понятие, так и отдельные их разновидности, но не все, а те из них, которые «вовлечены» в процесс цифровизации. Это дает возможность оценить объем и мас-

штаб цифровой трансформации общества, степень цифровой зрелости гражданина, динамику уровней и конкретных показателей общей и индивидуальной правовой культуры в цифровую эпоху.

По форме (внешней и внутренней) автоматизация расширяет возможности правового регулирования. С позиции внешней формы она позволяет значительным образом оптимизировать и интенсифицировать процесс принятия правовых актов и совершения иных юридически значимых действий. «Умные» технологии оперативно собирают и распределяют необходимую информацию и ресурсы, и их использование предлагает современному человеку даже типовые автоматизированные формы юридических документов: исковое заявление, ходатайство, обращение, протокол следственного действия, постановление о применении меры пресечения и т. д.

Внутренняя форма автоматизированной юридической деятельности – это действия, операции, процедуры, порядки, регламенты, условия, гарантии выполнения функций публично-правовых и частноправовых субъектов, которые могут быть созданы и воплощены в жизни с помощью внедрения устройств по автоматизации деятельности человека. На автоматизированных началах происходит работа гражданина на Портале государственных и муниципальных услуг, информационный обмен между органами публичной власти в межведомственной системе электронного взаимодействия.

В процессе правоприменительной и правоохранительной деятельности «умные» технологии обеспечивают поиск адекватной практики и эмпирической информации как для установления фактической и юридической основы дела, так и для принятия процессуальных решений. Правоохранительные органы мгновенно производят выявление и розыск преступников, располагая новейшими базами персональных данных и сведениями, получаемыми с камер видеонаблюдения.

Существенную теоретическую и практическую роль выполняют определенные принципы автоматизированной юридической деятельности. Они представляют собой основополагающие условия, на которых она должна строиться, а их закрепление в качестве тре-

бований в действующем законодательстве будет способствовать профилактике правонарушений в виртуальной среде, укреплять законность и правопорядок.

К числу этих принципов, безусловно, следует отнести общеправовые и отраслевые принципы права, являющиеся основой для правильного и справедливого применения цифровых технологий в жизни общества. Частично они уже закреплены в нормативных правовых актах: законность, соблюдение конституционных прав и свобод и правомерности их ограничений, открытость и достоверность информации, обеспечение безопасности информационных технологий и т. д. Специальные же принципы автоматизированной правовой деятельности не изучены. Мы предлагаем в качестве некоторых важнейших таких специальных принципов считать следующие.

Принцип комплексности означает, что автоматизированные технологии юридической деятельности должны охватывать полный цикл управленческой деятельности, исключать изоляцию инновационных информационных технологий и содержательное дублирование информации в функционирующих информационных системах.

Принцип своевременности представляет собой необходимость создания и ввода в эксплуатацию технологий автоматизации в возможно короткие сроки, чтобы эффект от их внедрения не отставал, а соответствовал, а лучше опережал темпы развития процессов цифровизации.

Принцип адекватности состоит в том, что автоматизация юридической деятельности должна быть не самоцелью, а отражать потребности общества, организаций и граждан. Кроме того, жизненная адекватность есть условие инновационности самой деятельности, так как любая появляющаяся технология автоматизации должна обладать именно новыми свойствами и качествами, должна отличаться от аналогичных продуктов, разработанных другими исследователями, совпадающих по степени функциональности в пределах общих подходов к решению проблемы.

Принцип разумного сочетания и сбалансированности естественного юридического языка и искусственных (формализованных) юридических языков в процессе достижения

целей юридической деятельности означает органическую взаимосвязь этих двух инструментов автоматизации, при которой они дополняют друг друга. Но при этом программные технологии не должны выполнять исключительно организующую роль, устранять существующие правовые технологии или ставить их в зависимость от новейших изобретений. Должно осуществляться дублирование, копирование, обеспечение сохранности данных, исходных материалов и сведений, послуживших основой разработки той или иной технологии.

Последние размышления характеризуют и соотношение традиционных правовых средств и автоматизации как относительно нового средства юридической деятельности. Мы не поддерживаем стремление некоторых ученых и практиков унифицировать машиночитаемые формы, программные коды, цифровые микродирективы как варианты управленческих команд в правовой сфере, сделать их основными регуляторами отношений людей, опосредуемых в правотворчестве, правоприменении, реализации и защите права. В этих случаях «борьба» за право или его содержание может перерасти в нечестную, неконкурентную «борьбу» технологий и тех, кто ими владеет, а в указанной ситуации целью станет не прогресс общества, а удовлетворение властных амбиций отдельных лиц.

Соответственно, принцип подконтрольности означает, что организация и руководство процессами разработки, тестирования, внедрения автоматизированных информационных продуктов должны находиться в руках человека, и только он должен определять их судьбу и нести за это ответственность.

Вопрос о субъектах автоматизированной юридической деятельности является ключевым и фундаментальным. Точка зрения, раскрывающая инструментальную природу автоматизированных правовых технологий, является наиболее верной и соответствующей реальному состоянию технического и социально-культурного развития современного российского общества. А.В. Корнев справедливо замечает, что право в системе общественных отношений выступает инструментом, способом организации социальных взаимодействий, поэтому в некотором смысле инструмент не

может проявлять одушевленные черты «рискового» поведения субъекта [6, с. 18], но можно говорить об эффективности или неэффективности таких инструментов, как автоматизированные правовые технологии.

Иными словами, инструментальный подход к автоматизации правовой деятельности сохраняется даже в том случае, когда машины принимают решения внешне «самостоятельно», но и здесь человек присутствует в процессе принятия решения косвенно и подразумевается, что он задает программу работы устройства с соответствующей технологией. Из этого следует, что человек может в любой момент времени изменить программную часть технологии либо прекратить ее функционирование, особенно тогда, когда решения в сфере Legal Tech нарушают не только правовые процедуры, но и затрагивают моральные нормы.

К позиции понимания автоматизированных правовых технологий как относительно самостоятельного интеллектуального агента нужно отнестись критически. В нашем понимании интеллектуальная автономия может иметь разные степени проявления. Конечно же, «сознательно» думающие машины-терминаторы, в том числе принимающие правовые решения, — это все-таки пока больше удел фантастики. Поэтому чаще всего в современной научной литературе стали говорить о таком явлении, как «гибридизация».

В словарях и энциклопедиях содержатся данные о биологическом происхождении термина «гибридизация». Он означает скрещивание разнородных организмов для получения более эффективных наследственных признаков или скрещивание разных родовых и видовых характеристик биологических организмов в целях совершенствования механизмов эволюции [9].

При междисциплинарном применении термина в других науках должно соблюдаться правило «переводимости» или адаптации к предмету иной отрасли знаний. Возможно наделение «родственного» термина для одной науки специфическим значением для предмета другой науки, где его планируют использовать, но при условии сохранения основного смыслового значения закрепленного в термине явления: «скрещивание», «перекрещивание».

В этой связи термин «гибридизация» по-разному понимается отдельными дисциплинами. Так, в частности, имеются исследования по гибридным политическим режимам, которые трактуются как неоднородные образования, совмещающие черты классической демократии и преобладания авторитаризма, когда под видом народовластия как формы объективируется абсолютная власть узкой политической элиты как содержание [7, с. 103].

Употребляется термин «гибридизация» в лингвистической науке, где наличие явления гибридизации констатируется там, где в структуру специального правового понятия спонтанно включаются наивные обыденные представления. Утверждается, что вследствие этого юрист фактически всегда использует не специальный юридический язык, а «гибрид» языка естественного и юридического [3, с. 64].

Следовательно, в социально-гуманитарных науках наблюдается восприятие термина «гибридизация» как «смешивания», «наслоения», «ассимиляции» [1, с. 175].

Отсюда противоречивостью новизны обладает термин «гибридизация» в правоведении. Он понимается как сочетание и взаимозависимость в будущем цифровом обществе реального источника права и его цифрового «двойника»; «вкрапление» в содержание права элементов программного кода [12, с. 15].

В других работах «гибридизация» воспринимается как объединение усилий человека и машины в обработке правовой информации [4].

Можно сказать, что юристы осторожно, но слишком разное понимают гибридизацию в качестве правового явления, сводя ее то к уровню соционормативной регламентации, то к уровню субъектов, носителей и агентов правовой деятельности.

На наш взгляд, термин «гибридизация» вряд ли является точным и благозвучным для практического применения в праве.

Во-первых, гибрид — это смешанная совокупность родов и видов организмов, что исключает наделение этим смысловым значением способов нормативной регламентации. Для обозначения комплементарного действия социальных норм: правовых, технических, этических и др. существует привычный для юриста термин «интеграция».

Как в случае гибридизации, так и в случае интеграции речь идет о сложных системах, состоящих из разнородных компонентов, учитывающих социальный характер права и его взаимодействие с условиями социальной действительности. Интеграция, гибридизация – это отдельные компоненты системного и комплексного подхода, с той разницей, что в природе это происходит в большей мере естественно, а в социальной жизни – под влиянием человеческого воздействия и целесообразности.

Во-вторых, для утверждения о гибридизации человека и машин ни в философском, ни в технологическом плане в настоящее время нет достаточных оснований. При всех позитивных аспектах влияния автоматизированных цифровых технологий на бытие права, человек остается главным агентом юридической деятельности, и только от него зависит характер и пределы действия цифровых технологий в правовой системе общества.

В-третьих, гибридизация предполагает, как правило, объединение феноменов одного уровня организации, одного уровня функционирования. Однако основной водораздел между человеком и машиной сегодня – это проблема сознания. И в этой связи надо четко понимать, что у машины отсутствует сознание, имеющееся у человека, а словосочетание «машинное сознание», «машинный разум» – не более чем концептуальная метафора.

В-четвертых, при соединении разноплоскостных, разноуровневых явлений правильно говорить об их интеграции в смысле киберфизической системы (человек с телесно имплантированными элементами техники) либо в смысле антропоморфной машины, когда программа управляет компонентами биологических тканей, клеток, организмов, подключенных к этой программе через соответствующие интерфейсы. Но в этих случаях технология – это средство, а не агент.

Итого, термин «гибридизация» для обозначения новых свойств автоматизации правовой деятельности является расплывчатым, не проясненным и весьма неопределенным. Для гибридизации человека и машины нужны уникальные прорывные технологии движения к будущему, которых пока не наблюдается, поэтому о гибридизации в праве говорить еще рановато.

Выводы

Таким образом, автоматизированные технологии юридической деятельности выполняют инструментальное назначение для решения правовых проблем общества и человека. Их надлежащая разработка и функционирование в правовой жизни должно соответствовать принципам комплексности, своевременности, адекватности, разумного сочетания и сбалансированности естественного юридического языка и искусственных (формализованных) юридических языков, подконтрольности. «Умное» применение автоматизированных технологий юридической деятельности нацелено на рост благосостояния гражданина, общества и государства, преодоление негативных рисков их использования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большакова, Ю. М. Философско-методологический аспект гибридности как характеристика современного публичного управления / Ю. М. Большакова // *Власть*. – 2019. – Т. 27, № 5. – С. 174–180. – DOI: 10.31171/vlast.v27i5.6738
2. Давыдова, М. Л. Экспериментальное правовое регулирование как средство обеспечения устойчивого развития / М. Л. Давыдова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 11–19. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.2>
3. Ерофеева, Е. В. Гибридизация специальных и обыденных понятий (на примере понимания юридических терминов) / Е. В. Ерофеева, Т. С. Низгулов // *Вопросы психолингвистики*. – 2016. – № 30. – С. 63–79.
4. Залоило, М. В. Гибридизация интеллектуальных человекомашинных (самоорганизующихся) юридических экспертных систем (комплексов) в условиях интенсивной цифровизации правотворчества / М. В. Залоило // *Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации* : сб. науч. тр. / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило. – М. : Инфотропик Медиа, 2022. – С. 149–160.
5. Кононенко, Д. В. Демографический переход: сочетание правовых способов решения и умного регулирования / Д. В. Кононенко // *Правовая парадигма*. – 2023. – Т. 22, № 4. – С. 65–73. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.4.8
6. Корнев, А. В. Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации / А. В. Корнев // *Актуальные проблемы российского права*. – 2021. – Т. 16, № 9 (130). – С. 11–20. – DOI: 10.17803/10.17803/1994-1471.2021.130.9.011-020

7. Кузьмина, Е. А. Гибридизация современных политических режимов / Е. А. Кузьмина // Вестник Поволжского института управления. – 2017. – Т. 17, № 2. – С. 99–104. – DOI: 10.22394/1682-2358-2017-2-99-104

8. Макаров, В. О. Классификация регулятивных песочниц (экспериментальных правовых режимов): российский и зарубежный опыт / В. О. Макаров // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 35–41. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.6>

9. Ожегов, С. И. Толковый словарь / С. И. Ожегов. – URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/гибридизация>

10. Слеженков, В. В. Теория «умного регулирования»: идейно-исторический контекст формирования / В. В. Слеженков // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 12–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.2>

11. Усенков, И. А. О корректности формулировки «механизм дерегулирования» / И. А. Усенков // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 3. – С. 53–57. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.9>

12. Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – № 9 (261). – С. 5–16. – DOI: 10.12737/art_2018_9_1

REFERENCES

1. Bolshakova Yu.M. Filosofsko-metodologicheskij aspekt gibridnosti kak karakteristika sovremennogo publichnogo upravlenija [Philosophical and Methodological Aspect of Hybridity as a Characteristic of Modern Public Administration]. *Vlast* [Power], 2019, vol. 27, no. 5, pp. 174–180. DOI: 10.31171/vlast.v27i5.6738

2. Davydova M.L. Eksperimentalnoe pravovoe regulirovanie kak sredstvo obespechenija ustojchivogo razvitiya [Experimental Legal Regulation as a Means of Ensuring Sustainable Development]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 11–19. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.2>

3. Erofeeva E.V., Nizgulov T.S. Gibrizacija specialnyh i obydenykh ponjatij (na primere ponimaniya juridicheskikh terminov) [Hybridization of Special and Everyday Concepts (On the Example of Understanding Legal Terms)]. *Voprosy psiholingvistiki* [Questions of Psycholinguistics], 2016, no. 30, pp. 63–79.

4. Zaloilo M.V. Gibrizacija intelektualnyh chelovekomashinnyh (samoorganizujushhihsja) juridicheskikh ekspertnyh sistem (kompleksov) v uslovijah intensivnoj cifrovizacii pravotvorchestva [Hybridization of Intelligent Human-Machine (Self-Organizing) Legal Expert Systems (Complexes) in

the Context of Intensive Digitalization of Lawmaking]. Pashentsev D.A., Zaloilo M.V., eds. *Subyekt prava: stabilnost i dinamika pravovogo statusa v uslovijah cifrovizacii: sb. nauch. tr.* [Subject of Law: Stability and Dynamics of Legal Status in the Context of Digitalization. Collection of Scientific Papers]. Moscow, Infotropic Media Publ., 2022, pp. 149–160.

5. Kononenko D.V. Demograficheskij perehod: sochetanie pravovyh sposobov reshenija i umnogo regulirovanija [The Demographic Transition: A Combination of Legal Solutions and Smart Regulation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 65–73. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.4.8>

6. Kornev A.V. Cifrovye tehnologii, pravovye riski i problema ih minimizacii [Digital Technologies, Legal Risks and the Problem of Their Minimization]. *Aktualnye problemy rossijskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2021, vol. 16, no. 9 (130), pp. 11–20. DOI: 10.17803/10.17803/1994-1471.2021.130.9.011-020

7. Kuzmina E.A. Gibrizacija sovremennyh politicheskikh rezhimov [Hybridization of Modern Political Regimes]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravlenija* [Bulletin of the Volga Region Institute of Management], 2017, vol. 17, no. 2, pp. 99–104. DOI: 10.22394/1682-2358-2017-2-99-104

8. Makarov V.O. Klassifikacija reguljativnyh pesochnic (eksperimentalnyh pravovyh rezhimov): rossijskij i zarubezhnyj opyt [The Classification of Regulatory Sandboxes (Experimental Legal Regimes): Russian and Foreign Experience]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 35–41. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.6>

9. Ozhegov S.I. *Tolkovyj slovar* [Explanatory Dictionary]. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/гибридизация>

10. Slezenkov V.V. Teorija «umnogo regulirovanija»: idejno-istoricheskij kontekst formirovanija [The Theory of “Smart Regulation”: The Ideological and Historical Context of Formation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 12–17. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.2>

11. Usenkov I.A. O korrektnosti formulirovki «mekhanizm deregulirovanija» [On the Correctness of the Phrase “The Mechanism of Deregulation”]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 53–57. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.3.9>

12. Khabrieva T.Ya. Pravo pered vyzovami cifrovoj realnosti [Law Facing the Challenges of Digital Reality]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law], 2018, no. 9 (261), pp. 5–16. DOI: 10.12737/art_2018_9_1

Information About the Author

Julia A. Gavrilova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, gavrilova_ua@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8055-4710>

Информация об авторе

Юлия Александровна Гаврилова, кандидат юридических наук, доцент кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, gavrilova_ua@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8055-4710>

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.11>

UDC 343.13
LBC 67.410.2

Submitted: 02.10.2024
Accepted: 27.01.2025

ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT WITH EXPERT INSTITUTIONS AS A STRUCTURAL ELEMENT OF THE ELECTRONIC CRIMINAL CASE

Daria A. Rudenko

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation;
Saint Petersburg Bar Association "Lenrezerv", Saint Petersburg, Russian Federation

Introduction: in this paper, the author conducts a consistent analysis of the prospects for the introduction of electronic document management in the field of criminal proceedings, taking into account the commission and performance of forensic examinations. The author also examines the inefficiencies of the current organizational foundations of document management with expert institutions. The main **purpose** of the study is to substantiate the transition to electronic document management between expert institutions and the law enforcement and judicial systems. This topic is considered by the author in the context of the goal of ensuring reasonable deadlines for criminal proceedings. **Methods:** to achieve the goal identified in the study, the author uses the general scientific and comparative law methods of cognition. In particular, the paper analyzes the domestic basis in the field under study, as well as foreign experience in the field of electronic document management in forensic expertise in criminal cases. **Results:** the result of the research is the development of practice-oriented recommendations for the organization of effective document management using digital technologies in the field of forensic examination, which can be used to optimize and deformalize criminal proceedings in order to obtain the most objective results of criminal procedural activity. **Conclusions:** as a result of the research, the author concludes that it is impossible to transfer the scope of commission and performance of expertise in criminal cases to the electronic plane. It is concluded that developing electronic document management should occur within the framework of the electronic criminal case system, which necessitates the consolidation of efforts from all representatives of the criminal procedure community.

Key words: electronic document management, deformalization, digitalization, forensic examination, modern technologies, criminal proceedings, digital technologies.

Citation. Rudenko D.A. Electronic Document Management with Expert Institutions as a Structural Element of the Electronic Criminal Case. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 80-85. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.11>

УДК 343.13
ББК 67.410.2

Дата поступления статьи: 02.10.2024
Дата принятия статьи: 27.01.2025

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ С ЭКСПЕРТНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ КАК ЭЛЕМЕНТ СТРУКТУРЫ ЭЛЕКТРОННОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Дарья Алексеевна Руденко

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
коллегия адвокатов Санкт-Петербурга «Ленрезерв», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Введение: в статье автором проводится последовательный анализ перспектив внедрения электронного документооборота в области уголовного судопроизводства в контексте назначения и производства судебной экспертизы. Рассматривается неэффективность текущих организационных основ документооборота с экспертными учреждениями. Основной **целью** исследования выступает обоснование перехода на электронный документооборот между экспертными учреждениями, правоохранительной и судебной системами. Данная тематика исследуется в контексте цели обеспечения разумных сроков уголовного судопроизводства. **Методы:** для достижения указанной в исследовании цели автором используются общенаучные и сравнительно-правовые методы познания. В частности, анализируется отечественный базис в исследуемой сфере, а также зарубежный опыт в области электронного документооборота в судебно-экспертной деятельности по уголовным делам. **Результаты:** результатом исследования выступает разработка практикоориентированных рекомендаций для организации эффективного документооборота с применением цифровых технологий в области судебной экспертизы, которые могут быть использованы для оптимизации и деформализации уголовного судопроизводства с целью получения наиболее объективированных результатов уголовно-процессуальной деятельности. **Выводы:** в результате исследования автором сделан вывод о невозможности тотального переноса сферы назначения и производства экспертизы по уголовным делам в электронную плоскость. Также сделан вывод о том, что развитие электронного документооборота должно реализовываться в рамках системы электронного уголовного дела, для чего необходима консолидация сил всех представителей уголовно-процессуального сообщества.

Ключевые слова: электронный документооборот, деформализация, цифровизация, судебная экспертиза, современные технологии, уголовное судопроизводство, цифровые технологии.

Цитирование. Руденко Д. А. Электронный документооборот с экспертными учреждениями как элемент структуры электронного уголовного дела // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 80–85. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.11>

Введение

Практикующие специалисты в области уголовного судопроизводства повсеместно сталкиваются с организационными изъянами уголовно-процессуальной системы, связанными с необоснованным затягиванием сроков предварительного расследования по уголовным делам. Зачастую соответствующие процессуальные действия в виде продления сроков дознания и следствия, а также их закономерное «одобрение» вышестоящим руководством связаны с необходимостью проведения широкого спектра дополнительных следственных действий, однако бывают и случаи, когда единственной причиной такого продления выступает невозможность проведения экспертизы в установленный срок или своевременного получения заключения эксперта по уголовному делу. В особенности данные обстоятельства «болезненны» для лиц, которые в период продления соответствующих уголовно-процессуальных сроков содержатся в следственных изоляторах, ожидая скорейшего перехода к судебной стадии.

Аналогичная проблема, связанная с «затягиванием» процесса в контексте судебной экспертизы, наличествует и на стадии судеб-

ного разбирательства по существу. В силу трудоемкости самого процесса фактического направления материалов уголовного дела на экспертизу, а также в силу большой загруженности сотрудников аппарата суда, все обстоятельства организационного характера существенно сказываются на общих сроках рассмотрения уголовных дел судами. Если в гражданском и арбитражном судопроизводстве существует инструмент приостановления производства по делу в случае назначения судом экспертизы, то в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) такие основания отсутствуют. Поскольку норма ст. 253 УПК РФ предусматривает, что суд выносит определение или постановление об отложении судебного разбирательства на определенный срок, то в случае несвоевременного поступления экспертного заключения суд в зависимости от утвержденного порядка исследования доказательств будет вынужден вынести новый судебный акт о повторном отложении. В уголовных делах с большим количеством подсудимых, иных участвующих лиц и эпизодов каждое отложение судебного заседания нередко вызывает сложности в виде дальнейшего «наслаивания» подобных отложений друг на друга в силу неявок, ненадле-

жащего извещения и иных причин, в совокупности приводящих к выходу за грань разумного срока уголовного судопроизводства.

Обратная сторона громоздкости организационной процедуры в части назначения и производства экспертизы по уголовным делам проявляется в «узурпации» публичными субъектами полномочий в данной области. По причине нежелания пролонгации или чрезмерного удлинения уголовно-процессуальных сроков на практике наличествует большое количество необоснованных отказов в удовлетворении ходатайств стороны защиты о проведении различного рода экспертиз.

**Перспективы внедрения
электронного документооборота
в уголовном судопроизводстве
в контексте назначения
и производства экспертизы**

Не ставя под сомнение целесообразность проведения экспертизы по многим уголовным делам, автор полагает необходимым акцентировать внимание на том аспекте, что в большинстве случаев соответствующие затягивания разумных сроков уголовного судопроизводства обусловлены вовсе не потребностью в проведении экспертного исследования как такового, а временными, организационными и техническими аспектами, связанными с направлением материалов дела в экспертное учреждение и обратно. Следует согласиться с тем, что негативное влияние на соблюдение сроков уголовного судопроизводства оказывает и тот факт, что на территории многих субъектов Российской Федерации не проводятся некоторые важнейшие судебные экспертизы и экспертные исследования в связи с отсутствием специалистов в указанных сферах и необходимого оборудования для их производства в ведомственных экспертных учреждениях [5, с. 179].

Доказательством данного тезиса может служить пример из личной практики автора в качестве адвоката-защитника по уголовному делу, расследуемому следственным органом в г. Санкт-Петербург, в рамках которого необходимо было провести взрывотехническую экспертизу. В связи с тем, что по объективным причинам конкретную экспертизу данно-

го рода по месту следственного органа провести не представилось возможным, сотрудники органов следствия лично неоднократно посещали экспертное учреждение в г. Москва, транспортируя туда как предметы материального мира, так и сопроводительные процессуальные документы. Безусловно, в рассматриваемом примере передаче в экспертное учреждение подлежали и сами объекты исследования в натуре, что исключает возможность полного упрощения процесса путем переноса в цифровую плоскость. Однако следует констатировать, что такая процедура, которая во многом могла быть оптимизирована посредством современных технологий, потребовала не только чрезмерных финансовых затрат государства на командировочные расходы сотрудников следствия, но и сказалась на общих сроках расследования указанного и иных уголовных дел.

Решением вышеобозначенной проблемы соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства может стать повсеместное введение электронного документооборота между всеми звеньями уголовно-процессуальной цепи, в том числе между органами предварительного расследования, судами и экспертными учреждениями.

Отметим, что сам по себе электронный документооборот в уголовном судопроизводстве уже прочно вошел в практику многих зарубежных государств: в США применяется программное обеспечение в виде судебной платформы «Case Management and Electronic Case Files» [9], в Республике Казахстан реализован переход к электронному ведению уголовных дел в рамках системы «Электронное уголовное дело (е-УД)» [2], в Германии в 2017 г. был принят закон «О введении электронного документооборота в уголовное судопроизводство и дальнейшем развитии электронных правовых отношений» [3, с. 77], во Франции документальный обмен судебными и следственными органами с экспертными учреждениями происходит при помощи платформы «Oralexe» [10].

В Российской Федерации потребность в цифровизации и деформализации уголовного судопроизводства особенно актуальна в контексте обозначенных ранее проблем, связанных с судебной-экспертной деятельностью. Не случайно в качестве основных тенденций орга-

низационного обеспечения судебно-экспертной деятельности учеными выделяются закономерности информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности, информатизации и компьютеризации судебной экспертизы [7, с. 50]. В то же время нынешнее состояние организационного обеспечения не способно в полной мере нивелировать вызовы, с которыми сталкиваются участники уголовного судопроизводства. В этой связи реализация электронного документооборота, как и любых иных проявлений цифровой трансформации в области экспертной деятельности, должна происходить в рамках общей концепции или системы.

Электронный документооборот с экспертными учреждениями в структуре электронного уголовного дела

Анализ используемого иностранными коллегами инструментария демонстрирует, что преимущественно электронный документооборот с экспертными учреждениями реализуется ими в призме системы электронного уголовного дела, являясь либо ее взаимосвязанным элементом, либо непосредственной составляющей. Представляется, что соответствующие разработки в Российской Федерации также целесообразно внедрять посредством общей системы электронного уголовного дела, что позволит избежать фрагментарности регулирования.

В отношении такого направления, как судебная экспертиза, крайне важно акцентировать внимание на отсутствии цели тотальной оцифровки в свете современных веяний. Применение цифровых технологий, безусловно, требует соблюдения баланса, поскольку является не самоцелью, а средством достижения цели. Необходимо здраво оценивать потенциальную возможность адаптации современного инструментария к каждому конкретному институту, этапу или механизму. Например, респонденты в ходе анкетирования, проведенного в рамках исследования, в большинстве указали на невозможность полного переноса назначения и производства судебной экспертизы в электронную плоскость, что вполне объяснимо в силу специфики эксперт-

ной деятельности. Так, поскольку в экспертное учреждение зачастую передаются не только документы, но и объекты материальной действительности, существующие в натуре, тотальный перенос данной сферы в область «цифры» объективно нереализуем, несмотря на то что некоторые ученые полагают возможным переход на «беспредметный цифровой уголовный процесс» [4].

На начальных этапах российской правовой действительности необходима общая концепция электронного уголовного дела (с учетом элемента в виде электронного документооборота), реализованная в виде документа планирования, определяющего принципы, цели и приоритетные направления деформализации уголовного судопроизводства в Российской Федерации в условиях цифровизации на конкретный период времени. В векторе подобного подхода следует согласиться с авторитетным мнением профессора Л.А. Воскобитовой о неэффективности ведомственного подхода к цифровизации, поскольку он не решает насущных задач даже начального этапа [1, с. 36].

Поскольку электронный документооборот с экспертными учреждениями является насущной проблемой, представляется необходимым привлечение к участию в разработке общей концепции не только всех ведомств правоохранительной и судебной системы, адвокатуры, но и представителей экспертного сообщества, в том числе и сферы негосударственной судебно-экспертной деятельности.

Выводы

Представляется, что члены экспертного сообщества смогут внести существенный вклад в разработку эффективных элементов системы в части электронного документооборота, в особенности, учитывая практику применения современной технологии работы с документами в судебно-экспертных учреждениях в виде информационной системы «Комплекс управления ведомственным контентом судебно-экспертных учреждений Минюста РФ» [8, с. 240]. Функционал упомянутой системы может быть успешно использован для дальнейших общих разработок предлагаемой ко внедрению концепции электронного уголовного дела, включающей в себя элемент в виде

электронного документооборота с экспертными учреждениями. Дальнейшая реализация концепции, при разработке которой были «услышаны» все участники, позволит разрешить проблему несоблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства как на досудебной, так и на судебной стадии.

Нельзя не акцентировать внимание и на том, что переход к электронному документообороту в рамках единой системы электронного уголовного дела позволит нивелировать не только проблему разумных сроков уголовного судопроизводства, но и многие взаимосвязанные проявления неэффективности. В результате реализации соответствующих нововведений будут сокращены материальные затраты на изготовление процессуальных документов на бумажных носителях. Показательный пример в обоснование эффективности подобных реформ был приведен в пояснительной записке к законопроекту № 312970-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». В частности, авторами указывалось, что по уголовному делу о незаконной рубке лесных насаждений для распечатки всех экземпляров обвинительного заключения было израсходовано 434 пачки бумаги по 500 листов каждая [6].

Таким образом, совместная работа всех субъектов, задействованных в уголовно-процессуальном механизме, позволит учесть на существенные проблемы каждой фигуры, обозначенной в УПК РФ, а также экстраполировать точечный опыт в рамках уже существующих и функционирующих разработок на единую многогранную концепцию. Реализация данной концепции позволит сократить сроки уголовного судопроизводства и взаимосвязанные финансовые издержки государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воскобитова, Л. А. Использование функционального подхода для цифровизации уголовного судопроизводства / Л. А. Воскобитова // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 10. – С. 34–51.
2. Государственная Программа «Цифровой Казахстан». – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827>
3. Зазулин, А. И. Нормативное обеспечение электронного документооборота в уголовном судопроизводстве: опыт ФРГ / А. И. Зазулин // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – № 4 (19). – С. 76–80.
4. Зуев, С. В. От электронной информации до цифровизации в уголовном судопроизводстве / С. В. Зуев. – URL: <https://t.me/c/2056342561/35/2359>
5. Перякина, М. П. К вопросу о сроках производства судебных экспертиз по уголовным делам / М. П. Перякина, С. А. Аверинская, Е. А. Щуров // Вестник экономической безопасности. – 2007. – № 4. – С. 176–181.
6. Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 312970-8 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». – Доступ из информ.-правового портала «Гарант.ру».
7. Россинская, Е. Р. Теория судебной экспертизы (судебная экспертология) : учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. – 368 с.
8. Румянцева, А. С. Управление документами в судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции РФ / А. С. Румянцева, А. С. Анискина // Электронное информационное пространство для науки, образования, культуры : материалы VII Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф., 19 дек. 2019 г. – Орел, 2020. – С. 239–246.
9. Electronic Filing of Documents (CM/ECF). – URL: <https://www.uscourts.gov/court-records/electronic-filing-cmecf>
10. La plateforme de dématérialisation des expertises judiciaires. – URL: <https://www.opalexe.fr/opalexe/>

REFERENCES

1. Voskobitova L.A. Ispolzovanie funkcionalnogo podhoda dlya czifrovizaczii ugovolnogo sudoproizvodstva [Using a Functional Approach to Digitalize Criminal Proceedings]. *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina (MGYuA)* [Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA)], 2020, no. 10, pp. 34-51.
2. Gosudarstvennaya Programma «Czifrovoj Kazahstan» [State Program “Digital Kazakhstan”]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000827>
3. Zazulin A.I. Normativnoe obespechenie elektronnoho dokumentooborota v ugovolnom sudoproizvodstve: opyt FRG [Normative Support of Electronic Document Management in Criminal Proceedings: Experience of Germany]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Law and Order: History, Theory, Practice], 2018, no. 4 (19), pp. 76-80.
4. Zuev S.V. Ot elektronnoj informaczii do czifrovizaczii v ugovolnom sudoproizvodstve [From

Electronic Information to Digitalization in Criminal Proceedings]. URL: <https://t.me/c/2056342561/35/2359>

5. Peryakina M.P., Averinskaya S.A., Shchurov E.A. K voprosu o srokah proizvodstva sudebnykh ekspertiz po ugovnym delam [On the Issue of the Timing of the Production of Forensic Examinations in Criminal Cases]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security], 2007, no. 4, pp. 176-181.

6. Poyasnitelnaya zapiska k proektu Federalnogo zakona № 312970-8 «O vnesenii izmenenij v Ugolovno-protsessualnyj kodeks Rossijskoj Federaczii» [Explanatory Note to the Draft Federal Law No. 312970-8 “On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”]. *Access from Information Legal Portal “Garant.ru”*.

7. Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M. *Teoriya sudebnoj ekspertizy (sudebnaya ekspertologiya): uchebnik* [Theory of Forensic

Examination (Forensic Expert Science). Textbook]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2020. 368 p.

8. Rumyantseva A.S., Aniskina A.S. Upravlenie dokumentami v sudebno-ekspertnykh uchrezhdeniyakh Ministerstva yustitsii RF [Document Management in Forensic Institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation]. *Elektronnoe informaczionnoe prostranstvo dlya nauki, obrazovaniya, kultury: materialy VII Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch.-prakt. konf., 19 dek. 2019 g.* [Electronic Information Space for Science, Education, Culture. Proceedings of the 7th Charter of the All-Russian (With International Participation) Scientific and Practical Conference, December 19, 2019]. Orel, 2020, pp. 239-246.

9. *Electronic Filing of Documents (CM/ECF)*. URL: <https://www.uscourts.gov/court-records/electronic-filing-cmecf>

10. *La plateforme de dématérialisation des expertises judiciaires*. URL: <https://www.opalexe.fr/opalexe/>

Information About the Author

Daria A. Rudenko, Postgraduate Student, Faculty of Law, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation; Lawyer, Saint Petersburg Bar Association “Lenrezerv”, Feodosiyskaya St, 4, 195197 Saint Petersburg, Russian Federation, d.rudenko@lenrezerv.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7788-0471>

Информация об авторе

Дарья Алексеевна Руденко, аспирант юридического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; адвокат коллегии адвокатов Санкт-Петербурга «Ленрезерв», ул. Феодосийская, 4, 195197 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, d.rudenko@lenrezerv.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7788-0471>

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВОВЕДЕНИЕ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.12>

UDC 347.53
LBC 67.404.2

Submitted: 30.01.2025
Accepted: 09.02.2025

PROBLEM ISSUES OF COMPENSATION FOR DAMAGE CAUSED BY STATE OFFICIALS, INCLUDING LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Bayan R. Rysbekova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
Moscow, Russian Federation

Introduction: this study provides a comparative analysis of legal regulation in the field of compensation for damage caused by government agencies and their officials in both the Russian Federation and the Kyrgyz Republic. In addition, the experience of a number of foreign countries was considered, which allowed the identification of common problems and shortcomings in the legal practice existing in these jurisdictions. The study included a comprehensive analysis of the opinions and scientific approaches of domestic and foreign scientists, which contributed to a fuller understanding of the existing legislative models and mechanisms of compensation for damage. Based on the findings, practical proposals for the introduction of effective and optimal mechanisms aimed at improving the process of compensation for damage caused by the actions (inaction) of state structures were developed. **Methods:** the following methods of scientific analysis were used in the study: comparative legal method, which allowed the identification of the features and differences in the legal regulation of relations between the Russian Federation and the Kyrgyz Republic; a system approach, providing a holistic perception of the phenomena under study; and methods of axiomatic and functional research, contributing to a deep study of the regularities and functions of legal institutions. **Results:** the study analyzed the legislation of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic and some foreign countries. The possibilities of using the positive experience of the two states are considered. Various authors' concepts and approaches to solving the problem have been analyzed. **Conclusions:** it is advisable to establish specialized financial funds for compensation for damage caused by illegal decisions, as well as illegal actions or inaction on the part of government agencies and officials. These funds can become an important tool to protect the rights of citizens and ensure fairness in matters of compensation for damage.

Key words: compensation for damage, law enforcement agencies, tort liability, terms of liability, law enforcement agencies, government agencies.

Citation. Rysbekova B.R. Problem Issues of Compensation for Damage Caused by State Officials, Including Law Enforcement Agencies. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 86-91. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.12>

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ, В ТОМ ЧИСЛЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Баян Рысбековна Рысбекова

Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, г. Москва, Российская Федерация

Введение: в данном исследовании проведен сравнительный анализ правового регулирования в области возмещения материального вреда, причиненного государственными органами власти и их должностными лицами как в Российской Федерации, так и Кыргызской Республике. Кроме того, был рассмотрен опыт ряда зарубежных стран, что позволило выявить общие проблемы и недостатки в правовой практике, существующей в этих юрисдикциях. В рамках исследования осуществлен комплексный анализ мнений и научных подходов отечественных и зарубежных ученых, что способствовало более полному пониманию существующих законодательных моделей и механизмов возмещения вреда. На основе полученных выводов разработаны практические предложения по внедрению эффективных и оптимальных механизмов, направленных на улучшение процесса возмещения материального вреда, причиненного действиями (бездействиями) государственных структур. **Методы:** при проведении исследования применялись следующие методы научного анализа: сравнительно-правовой метод, который позволил выявить особенности и различия в правовом регулировании отношений между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой; системный подход, обеспечивающий целостное восприятие исследуемых явлений, а также методы аксиоматического и функционального исследования, способствующие глубокому изучению закономерностей и функций правовых институтов. **Результаты:** в исследовании проведен анализ законодательства Российской Федерации и Кыргызской Республики и некоторых зарубежных стран. Рассмотрены возможности использования положительного опыта двух государств. Проанализированы разнообразные авторские концепции и подходы к разрешению обозначенной проблемы. **Выводы:** целесообразно учредить специализированные финансовые фонды для возмещения вреда, который был причинен незаконными решениями, а также неправомерными действиями или бездействием со стороны государственных органов и должностных лиц. Эти фонды могут стать важным инструментом для защиты прав граждан и обеспечения справедливости в вопросах возмещения вреда.

Ключевые слова: возмещение вреда, правоохранительные органы, деликтная ответственность, условия ответственности, органы внутренних дел, государственные органы.

Цитирование. Рысбекова Б. Р. Проблемные вопросы возмещения вреда, причиненного должностными лицами государственных, в том числе правоохранительных органов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 86–91. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.12>

Введение

Причинение вреда государственными органами и их должностными лицами является особым видом правонарушения. Государственные органы и должностные лица наделены властными полномочиями. Государство, предоставляя властные полномочия, должно осуществлять контроль за тем, чтобы эти полномочия исполнялись. Однако иногда выполнение государственными органами своих функций приводит к нарушению прав и законных интересов субъектов гражданского права. При этом такой вред может причиняться как в результате правомерных действий (рефлекторное дей-

ствие права), так и противоправных. Безусловно, такая ситуация требует реакции со стороны законодателя, в силу этого в гражданском праве предусматривается ряд специальных составов, направленных на регулирование возмещения вреда, причиненного государственными органами.

В силу этого, одним из ключевых принципов правового государства выступает принцип ответственности публичной власти за нарушение прав граждан. Этот аспект находит отражение в работах многих исследователей, подчеркивающих необходимость обеспечения юридической защиты прав личности от возможных злоупотреблений со стороны государственных структур [1].

Возмещение вреда, причиненного органами публичной власти, является специфическим видом публично-правовых обязательств, возникающих в связи с нарушением установленных законом прав и охраняемых законом интересов частных субъектов и относящихся по своей правовой природе к деликтным обязательствам.

**Решение проблемы
возмещения вреда, причиненного
государственными органами
и их должностными лицами
в законодательстве зарубежных стран**

Институт деликтных обязательств широко используется в законодательстве многих стран мира (стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), Германии, Франции, Англии и других государств) в качестве универсальных положений, защищающих нарушенные права и интересы физических и юридических лиц.

В частности, ст. 35 Конституции Кыргызской Республики, принятая 5 мая 2021 г., провозглашает принцип ответственности государства за свое незаконное поведение.

В Гражданском кодексе Кыргызской Республики от 5 января 1998 г. № 1 (далее – ГК КР), в ст. 998 предусмотрены положения об ответственности за вред, причиненный государственными органами. Возмещение вреда осуществляется за счет средств государственного бюджета, согласно п. 2 ст. 225 ГК КР, либо за счет средств казны соответствующего муниципального образования в соответствии с п. 2 ст. 227 ГК КР.

К недостаткам приведенных дефиниций следует отнести то, что закон не содержит механизм, позволяющий решить вопрос о виновности должностного лица в причинении вреда. В законодательстве отсутствуют критерии, на которые необходимо опираться при определении ее наличия или отсутствия. Не содержится в законе и указание на формы вины, в связи с чем не вполне ясно, следует привлекать к ответственности только за умысел или неосторожную форму вины. Это, на наш взгляд, может повлечь за собой случаи необоснованной гражданско-правовой ответственности, возложенной на государственно-

го служащего. Разрешение указанной проблемы необходимо и в целях обеспечения дальнейшей возможности предъявления иска в порядке регресса.

Рассматривая опыт зарубежных стран в сфере привлечения к гражданско-правовой деликтной ответственности органов власти и их должностных лиц, следует отметить различные подходы к решению обозначенной проблемы.

Л. Питер и Э. Гордон отмечают [6], что в Англии деликтная ответственность органа власти в настоящее время такая же, как и у других субъектов частного права: за противоправные действия, причинившие вред, к ним применяются меры государственного принуждения (санкции). Фактически, принятый в 1947 г. Закон о королевских разбирательствах внес кардинальные изменения в вопросе о деликтной ответственности Короны, административных органов и должностных лиц. Статья 2 указанного закона «Деликтная ответственность Королевства» определяет ответственность Королевства и административных органов за ущерб, причиненный незаконными действиями (бездействием), предусматривает порядок и основания выплаты компенсации.

Ученые, изучавшие гражданско-правовую ответственность сотрудников полиции по немецкому законодательству [10], констатировали, что вопрос гражданской ответственности сотрудников федеральной полиции регулируется Законом о федеральной полиции (ст. 3) и Гражданским уложением Германии. То есть в немецком праве эти отношения регулируются по принципу общей нормы (Гражданское уложение) и специальной (закон о федеральной полиции).

В законодательстве Республики Узбекистан, в ч. 3 ст. 15 Гражданского кодекса Республики Узбекистан от 29 августа 1996 г. № 256-1, указано: если вред причинен по вине должностных лиц государственных органов, компенсация вреда может быть возложена на должностных лиц этих органов по решению суда. В свою очередь, если вести речь о сотрудниках полиции, то ч. 2 ст. 46 Закона Республики Узбекистан об органах внутренних дел от 16 сентября 2016 г. № ЗРУ-407 связывает наступление гражданско-правовой ответственности с их незаконными действиями, а вред возмещается из внебюджетных средств.

Следует отметить, что вред, причиненный государственными органами и их должностными лицами в большинстве стран, учитывается как отдельный вид деликта. При исследовании системы правового регулирования деликтных отношений с участием государственных органов установлено, что гражданско-правовое регулирование в основном имеет двухуровневую систему. В качестве первого уровня правового регулирования необходимо рассматривать кодифицированные нормативные правовые акты, которые в системе правовых норм относятся к общим нормам и формируют наиболее общие правила поведения, применимые к большинству правоотношений. Ко второму уровню относятся специальные нормы, направленные на регулирование конкретных правоотношений. Они, как правило, содержатся в специальных законах. Так же двухуровневая система правового регулирования проявляется и в том, что на первом уровне упорядочены отношения, которые касаются всех государственных органов и их должностных лиц. Нормы второго уровня посвящены конкретным органам, в нашем случае органам внутренних дел.

Проведенный анализ позволил выделить ряд проблем, связанных с возмещением вреда, причиненного государственными органами, должностными лицами, в том числе правоохранительными органами и их сотрудниками. В частности, среди них можно назвать следующие: не определены конкретные механизмы возмещения вреда, в том числе не установлены сроки возмещения, что способствует значительному затягиванию процесса восстановления субъективных гражданских прав; не установлены финансовые источники возмещения вреда на законодательном уровне; не разграничена ответственность между государственными органами и должностными лицами; не установлены органы, которые будут нести бремя возмещения вреда.

Решение проблемы возмещения вреда, причиненного государственными органами в Российской Федерации

В Российской Федерации ответственности государственных органов и их должност-

ных лиц, в том числе правоохранительных органов и их сотрудников, посвящены ст. 1069–1071 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Следует отметить, что в отличие от приведенных выше стран, законодательство России предлагает конкретные механизмы возмещения вреда, определяет органы, на которых возлагается выплата возмещения. Важным аспектом также является и то, что в РФ допускается возмещение вреда как за незаконные действия [5], так и за правомерное поведение, в результате которого вред причиняется рефлекторно. Так, подход является более прогрессивным, чем тенденции, существующие в законодательстве иных государств. Впрочем, и в российском законодательстве можно отметить ряд проблем, связанных с решением указанного вопроса [4].

Однако в научной литературе существует дискуссия о том, какие действия порождают наступление ответственности для государства. В целом можно выделить две точки зрения.

Представители первой полагают, что ответственность государства должна наступать только за выполнение органами своей деятельности в области уголовного и административного правапорядка.

По мнению Л.А. Чеговадзе [10], ответственность правоохранительных органов определяется характером деятельности, повлекшей за собой причинение вреда. Если ущерб причинен в ходе хозяйственной деятельности, ответственность определяется в соответствии со ст. 1064 ГК РФ. Однако, если вред является следствием действий в рамках уголовно-процессуальной или административно-процессуальной деятельности, следует руководствоваться ст. 1070 ГК РФ. Сходной позиции придерживается Ю.А. Федорова [8].

А.И. Филиппова [9] утверждает, что в ситуациях, когда вред причинен определенным правоохранительным органом или должностным лицом, действующим в пределах своих процессуальных полномочий, целесообразно возлагать юридическую ответственность на государство. В контексте участия в частно-правовых отношениях в качестве субъекта гражданского права они сами несут ответственность как юридическое лицо.

Иное мнение высказывает К.С. Мамажанов [3]. Автор полагает, что необходимо

возложить на государство обязанность возмещать не только вред, причиненный органами внутренних дел в ходе уголовно-процессуальной деятельности, но и весь ущерб, причиняемый ими в целом.

Безусловно, что эти отношения (хозяйственной деятельности и уголовно-, административно-процессуальной деятельности) имеют разную природу и должны регулироваться разными правовыми нормами [2].

Полагаем, что деликтная ответственность государственных органов должна наступать за любые действия, причиняющие вред физическим и юридическим лицам. Однако правовые основания для наступления ответственности должны отличаться в зависимости от рода деяний, которыми причинен вред. В ситуации, когда вред причинен в ходе выполнения функций и полномочий государственного органа, ответственность должна определяться в рамках узкоспециализированного деликта. Если же вред возник вследствие других действий, то ответственность будет регулироваться в соответствии с общеспециальным деликтом.

Выводы

Осуществленный анализ дает возможность дифференцировать нормативные основания для привлечения государственного органа к частно-правовой ответственности за причинение вреда. В частности, если государственный орган действует в рамках своей компетенции, ответственность наступит в соответствии со специальными нормами гражданского права (узкоспециальными деликтами). Во всех остальных случаях ответственность наступает на общих основаниях.

Выявленные проблемы в результате проведенного исследования позволяют предложить некоторые пути их решения, связанные с механизмом возмещения причиненного вреда. В частности, полагаем, что целесообразно создание специальных финансовых фондов возмещения вреда, причиненного незаконными решениями и неправомерными действиями (бездействием) государственных органов и должностных лиц. Создание специальных фондов необходимо для своевременного и полного возмещения вреда, при-

чиненного государственными органами и должностными лицами при осуществлении ими своих полномочий, служит гарантией соблюдения прав человека.

Так же полагаем, что на нормативном уровне необходимо закрепить сроки возмещения вреда, что также будет способствовать защите прав потерпевших. Необходимо закрепить правило, что регресс к должностным лицам со стороны государства возможен только в случаях, если вина таких лиц установлена вступившим в законную силу приговором суда [7].

Изложенный подход, на наш взгляд, создает дополнительную систему гарантии защиты прав и интересов граждан и юридических лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дерюгина, Т. В. О противоправности как условия возмещения вреда и возникновения деликтного обязательства / Т. В. Дерюгина // *Цивилист*. – 2024. – № 4 (50). – С. 24–30.
2. Исраилова, А. Т. Гражданско-правовая ответственность должностных лиц органов государственной власти / А. Т. Исраилова // *Научный альманах*. – 2017. – № 4-1 (30). – С. 420–426.
3. Мамажанов, К. С. Гражданское право Кыргызской Республики: Общая часть. Курс лекций / К. С. Мамажанов, Л. И. Согаева. – Бишкек: Маданият, 2012. – 115 с.
4. Надеев, И. Ю. Правовая природа ответственности директора за вред, причиненный хозяйственному обществу / И. Ю. Надеев // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 122–129. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.16>
5. Новикова, Е. А. Специфика юридической ответственности эксперта как субъекта гражданско-правовых отношений / Е. А. Новикова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 36–40. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.5>
6. Питер, Л. Административное право / Л. Питер, Э. Гордон. – Oxford University Press, 2023. – 458 с.
7. Рысбекова, Б. Р. Незаконные действия сотрудников ОВД как основание возникновения гражданско-правовой ответственности в России и Кыргызской Республике / Б. Р. Рысбекова // *Вестник экономической безопасности*. – 2024. – № 2. – С. 122–125.
8. Федорова, Ю. А. Теории причинно-следственных связей. Проблемы установления связей между незаконным деянием и вредоносным по-

следствием / Ю. А. Федорова // *Legal Concept = Правовая парадигма*. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 137–144. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.18>

9. Филиппова, А. И. Гражданско-правовой статус казенных учреждений в системе МВД России : дис. канд. юрид. наук / Филиппова Анастасия Игоревна. – М., 2021. – 205 с.

10. Чеговадзе, Л. А. Деликт как частное правонарушение / Л. А. Чеговадзе // *Вестник Арбитражного суда Московского округа*. – 2024. – № 3. – С. 72–80.

REFERENCES

1. Deryugina T.V. O protivopravnosti kak uslovii vozmeshcheniya vreda i vozniknoveniya deliktного obyazatelstva [On Wrongfulness as a Condition for Compensation for Harm and the Emergence of a Tortious Obligation]. *Civilist*, 2024, no. 4 (50), pp. 24-30.

2. Israilova A.T. Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost dolzhnostnyh lic organov gosudarstvennoj vlasti [Civil Liability of Officials of Public Authorities]. *Nauchnyj almanah* [Scientific Almanac], 2017, no. 4-1 (30), pp. 420-426.

3. Mamazhanov K.S., Sogaeva L.I. *Grazhdanskoe pravo Kyrgyzskoj Respubliki: Obshchaya chast. Kurs lekcij* [Civil Law of the Kyrgyz Republic: General Part. Lecture Course]. Bishkek, Madayat Publ., 2012. 115 p.

4. Nadeev I.Yu. Pravovaya priroda otvetstvennosti direktora za vred, prichinennyj hozyajstvennomu obshchestvu [The Legal Nature of the Director's Liability for the Harm Caused to a Business Company]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 122-129. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.16>

5. Novikova E.A. Specifika yuridicheskoy otvetstvennosti eksperta kak subyekta grazhdansko-

pravovyh otnoshenij [The Specifics of the Legal Responsibility of an Expert as a Subject of Civil Law Relations]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 36-40. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.5>

6. Peter L., Gordon E. *Administrativnoe pravo* [Administrative Law]. Oxford University Press, 2023. 458 p.

7. Rysbekova B.R. Nezakonnye dejstviya sotrudnikov OVD kak osnovanie vozniknoveniya grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti v Rossii i Kyrgyzskoj Respublike [Illegal Actions of Police Officers as the Basis for the Emergence of Civil Liability in Russia and the Kyrgyz Republic]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security], 2024, no. 2, pp. 122-125.

8. Fedorova Yu.A. Teorii prichinnosledstvennyh svyazej. Problemy ustanovleniya svyazej mezhdu nezakonnym deyaniem i vredonosnym posledstviem [Theories of Cause-And-Effect Relationships. Problems of Establishing Links Between an Illegal Act and a Harmful Consequence]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 137-144. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.18>

9. Filippova A.I. *Grazhdansko-pravovoj status kazennyh uchrezhdenij v sisteme MVD Rossii: dis. kand. yurid. nauk* [Civil Legal Status of Government Institutions in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia Ph.D. Dissertation Legal Sciences]. Moscow, 2021. 205 p.

10. Chegovadze L.A. Delikt kak chastnoe pravonarushenie [Tort as a Private Offense]. *Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga* [Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District], 2024, no. 3, pp. 72-80.

Information About the Author

Bayan R. Rysbekova, Junior Scientific Assistant, Faculty of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel Training, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, Akademika Volgina St, 12, 117997 Moscow, Russian Federation, b.rysbekova.00@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3749-0137>

Информация об авторе

Баян Рысбековна Рысбекова, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, ул. Академика Волгина, 12, 117997 г. Москва, Российская Федерация, b.rysbekova.00@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0007-3749-0137>

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.13>

UDC 343.102

LBC 67.410.212.1

Submitted: 30.01.2025

Accepted: 22.02.2025

ISSUES OF THE THEORY OF CRIMINAL PROCEDURE AGREEMENTS: THE OBJECT AND SUBJECT OF THE AGREEMENT

Ilya S. Dikarev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Volgograd, Russian Federation

Introduction: despite the rather long practice of concluding and implementing pre-trial cooperation agreements, the criminal procedure theory has not developed a unified approach to understanding what the object and subject of this type of criminal procedure agreement are. Such uncertainty is an objective obstacle to the development of new models of procedural contracts. The **purpose** of the study is to find out what obligations the parties assume concerning the conclusion of a pre-trial cooperation agreement, as well as what actions the prosecutor should perform in fulfillment of his contractual obligations. **Methods:** for this purpose, the general scientific methods of analysis and synthesis, the systematic approach, the method of legal interpretation, and the logical-legal method were used. The dialectical method served as the methodological framework. As a **result** of the research, it is found out that the criminal charge cannot be the subject of a procedural agreement between the parties to the proceedings; the only duty of the prosecutor, which he must fulfill in case of proper cooperation during the investigation by the accused, is to send the criminal case to court with the submission provided for in Part 1 of Art. 317.5 of the CPC RF. **Conclusions:** a change in the criminal charge during the investigation of a criminal case should not entail a renegotiation of the pre-trial cooperation agreement; the consent to the criminal charge is not a prerequisite for concluding an agreement; the development of contractual relations in criminal proceedings primarily involves the search for new objects about which the parties could enter into agreements.

Key words: criminal procedural act, criminal procedure agreement, pre-trial cooperation agreement, criminal charge, special trial procedure.

Citation. Dikarev I.S. Issues of the Theory of Criminal Procedure Agreements: The Object and Subject of the Agreement. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 92-102. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.13>

УДК 343.102

ББК 67.410.212.1

Дата поступления статьи: 30.01.2025

Дата принятия статьи: 22.02.2025

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДОГОВОРОВ: ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ СОГЛАШЕНИЯ

Илья Степанович Дикарев

Институт права Волгоградского государственного университета, г. Волгоград, Российская Федерация;

Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,

г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: несмотря на довольно длительную практику заключения и реализации досудебных соглашений о сотрудничестве в уголовно-процессуальной теории, не выработано единого подхода к пониманию того, что является объектом и предметом данной разновидности уголовно-процессуального договора. Такая неопределенность выступает объективным препятствием к разработке новых моделей процессуальных договоров. **Цель** исследования состоит в том, чтобы выяснить, какие обязательства принимают на себя в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве стороны, а также, какие именно действия должен совершить прокурор во исполнение своих договорных обязательств. **Методы:** для этого применялись общенаучные методы анализа и синтеза, системный подход, методы юридической интерпретации и логико-юридический. Методологической базой послужил диалектический метод. **В результате** исследования удалось выяснить, что обвинение не может выступать объектом процессуального договора между сторонами судопроизводства, единственная обязанность прокурора, которую он должен исполнить в случае надлежащего содействия расследованию со стороны обвиняемого, – направить уголовное дело в суд с представлением, предусмотренным ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ. **Выводы:** изменение обвинения в ходе расследования уголовного дела не должно влечь за собой перезаключение досудебного соглашения о сотрудничестве; согласие с предъявленным обвинением не является обязательным условием заключения соглашения; развитие договорных отношений в уголовном судопроизводстве предполагает прежде всего отыскание новых объектов, по поводу которых стороны могли бы вступать в соглашения.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный акт, уголовно-процессуальный договор, досудебное соглашение о сотрудничестве, обвинение, особый порядок судебного разбирательства.

Цитирование. Дикарев И. С. Вопросы теории уголовно-процессуальных договоров: объект и предмет соглашения // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 92–102. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.13>

Введение

Вступая в договорные отношения, лицо всегда преследует определенную цель – приобрести некое благо, получить которое оно может в результате совершения другой стороной определенных действий (бездействия). В этом отношении уголовно-процессуальные договоры ничем не отличаются от гражданско-правовых: они также имеют собственный объект и предмет, правильное определение которых исключительно важно как для реализации уже имеющихся, так и для конструирования законодателем новых уголовно-процессуальных договоров.

Вопрос об объекте и предмете договора достаточно разработан наукой гражданского права, в связи с чем нет никакой необходимости «изобретать велосипед» в уголовно-процессуальной теории: имеющиеся разработки вполне приложимы к договорам, заключаемым в уголовном процессе. Д.И. Мейер писал о том, что «предметом договора всегда представляется право на чужое действие, и притом действие возможное физически и нравственно» [10, с. 516]. Современные ученые-цивилисты сходятся во мнении, что объектом договора является благо, ради получения которого стороны заключают договор, а пред-

метом – действие (воздержание от действий), совершаемое сторонами по поводу данного блага [4, с. 60; 5, с. 125].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает только один вид процессуального договора, оформляемого как самостоятельный процессуальный акт, – досудебное соглашение о сотрудничестве (далее – ДСС, соглашение). В связи с этим для разработки общих вопросов теории уголовно-процессуального договора, которая могла бы стать базой для дальнейшего развития договорных отношений в уголовном судопроизводстве, приходится довольствоваться весьма ограниченным исследовательским полем. Однако и на этом небольшом поле еще очень много работы: в юридической науке до сих пор не выработано единого подхода к пониманию объекта и предмета ДСС, а без определенности в этом вопросе двигаться дальше, то есть предлагать модели новых процессуальных договоров, весьма затруднительно.

Договорные обязательства стороны защиты по ДСС

Приведенное в п. 61 ст. 5 УПК РФ легальное определение ДСС вносит мало ясности в определение объекта и предмета этого

соглашения. Более того, оно создает предпосылки для неправильного определения предмета рассматриваемого процессуального договора, о чем будет сказано ниже. Более информативными в этом отношении являются положения гл. 40.1 УПК РФ, делающие акцент на действиях подозреваемого или обвиняемого. Уже в ходатайстве о заключении ДСС сторона защиты должна указать на готовность совершить конкретные действия в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ). Такие действия и составляют основное содержание ДСС, что совершенно естественно, поскольку именно в содействии, которое сторона защиты окажет предварительному следствию, законодатель видит цель и смысл вступления в договорные отношения. И если действия подозреваемого или обвиняемого составляют предмет ДСС, то объектом его, то есть тем самым «благом», которое стремится получить от договора сторона обвинения, очевидно, выступает успешное раскрытие и расследование преступлений.

Законодатель оставляет определение предмета соглашения на усмотрение сторон (п. 6 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ). В этой связи вполне допустимым представляется предусматривать в ДСС освобождение подозреваемого или обвиняемого, если он на этом настаивает, от обязанности совершать в интересах расследования те или иные действия. Например, лицо может заявить о несогласии давать показания в отношении конкретного соучастника или по какому-то эпизоду преступной деятельности. И если такие условия устраивают сторону обвинения, то такая позиция подозреваемого или обвиняемого не может препятствовать заключению ДСС, а результаты сотрудничества должны оцениваться с учетом обозначенных в соглашении исключений. Вообще, стороны, по нашему мнению, не должны ограничиваться в возможности согласовывать любые условия ДСС: только такой подход соответствует диспозитивной природе уголовно-процессуального договора.

Дискуссия о договорных обязательствах стороны обвинения

Сложнее решается вопрос о том, какие действия или блага со стороны обвинения получает взамен сотрудничества со следствием подозреваемый или обвиняемый. Некоторые ученые придерживаются позиции о том, что прокурор по ДСС вообще не принимает на себя никаких обязательств. Как пишет О.В. Климанова, «действия, зачастую принимаемые за обязательства прокурора... по своей сути не являются таковыми» [6, с. 16]. К.Ф. Багаутдинов полагает, что прокурор не принимает на себя никаких обязательств и не может давать никаких гарантий, заключая ДСС. Единственное исключение составляет принятие мер, направленных на обеспечение безопасности лица, которое может рассматриваться в качестве обязанности прокурора [3, с. 117]. Однако, вряд ли обязанность прокурора по принятию мер безопасности можно рассматривать в качестве договорной, ведь такие меры применяются не в обмен на содействие, а при наличии к тому предусмотренных законом оснований. Другими словами, принимать меры безопасности в отношении подозреваемого или обвиняемого при наличии к тому оснований сторона обвинения обязана независимо от того, заключено со стороной защиты ДСС или нет.

Раскрывая в легальном определении, содержащемся в п. 61 ст. 5 УПК РФ, понятие ДСС, законодатель указывает, что в этом процессуальном акте стороны «согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого». Думается, именно это положение закона послужило отправной точкой для распространения среди ученых мнения о том, что в предмет ДСС включаются нормы уголовного права. Одними из первых такой подход обозначили в своей работе А.С. Александров и И.А. Александрова, которые пришли к выводу, что «цели соглашения о сотрудничестве, которые могут преследовать стороны, таковы: 1) раскрытие новых преступлений, изобличение других преступников, розыск имущества; 2) применение нормы, смягчающей ответственность обвиняемого» [2, с. 4]. Вариациями такого подхода являются позиции Е.Л. Федосеевой о том, что в обмен на

сотрудничество обвиняемый рассчитывает «на указание прокурором в соглашении норм уголовного законодательства, которые могут быть применены судом в случае выполнения им соглашения» [16, с. 12], а также Д.Н. Стация, включающего в предмет ДСС наряду с содействием следствию со стороны обвиняемого также «смягчающие обстоятельства и нормы уголовного закона, которые к нему могут быть применены» [13, с. 51–52].

Несмотря на то что данный подход основан на положении п. 61 ст. 5 УПК РФ, он представляется спорным, что, в свою очередь, служит основанием сомневаться в корректности самого легального определения ДСС. Дело в том, что стороной ДСС выступает прокурор, который в судебном разбирательстве, по итогам которого будут решаться вопросы об уголовной ответственности и наказании, занимает положение лишь одной из сторон. В силу п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК РФ признать лицо виновным в совершении преступления и назначить ему наказание вправе только суд. Соответственно, прокурор не вправе принимать на себя какие-либо обязательства, связанные с применением норм уголовного закона, а значит, подобные действия выходят за пределы предмета ДСС в силу его субъектного состава.

Является ли объектом ДСС обвинение?

Что действительно зависит от прокурора, так это квалификация совершенного обвиняемым деяния и объем предъявленного обвинения, повлиять на которые он может в ходе ознакомления с материалами уголовного дела в порядке, предусмотренном гл. 31 УПК РФ, – в случае несогласия с выводами органа расследования относительно квалификации или объема обвинения прокурор вправе возвратить уголовное дело следователю. В этой связи возникает вопрос: может ли прокурор, заключая ДСС, принимать на себя обязательства относительно квалификации преступления и объема предъявленного обвинения? Другими словами, может ли обвинение выступать объектом, а действия стороны обвинения по его изменению или прекращению – предметом договора?

Надо сказать, что сторонников положительного решения данного вопроса среди ученых-процессуалистов немного. В частности, О.В. Климанова считает возможным отнести к обязательствам прокурора по ДСС «вопрос о квалификации преступления, которую он вправе определять и обеспечивать ее сохранение» [6, с. 16]. В.А. Лазарева и Ю.В. Кувалдина полагают, что на этапе заключения ДСС сторона обвинения может сделать «некоторые уступки в определении объема и квалификации преступления в том обвинении, которое будет... предъявлено» [9, с. 225].

Большинство же исследователей придерживаются в этом вопросе противоположной позиции. Как верно отмечает А.В. Смирнов, в ДСС прокурор не может указывать заведомо менее тяжкое по сравнению с действительностью преступление, в котором будет обвиняться пошедшее на сотрудничество лицо [12, с. 12]. Не могут быть предметом ДСС и обязательства стороны обвинения о его изменении в сторону смягчения [3, с. 115]. По мнению В.В. Колесник, обвиняемого следует уже при заключении ДСС предупреждать о том, что сторона обвинения не связана обязанностью оставить в неизменном виде то обвинение, при котором заключается соглашение [8, с. 102].

Но если обвинение не является объектом ДСС, то и отношение к нему обвиняемого не должно составлять предмета рассматриваемого соглашения. Другими словами, согласие с предъявленным обвинением не может *de jure* рассматриваться в качестве обязательного условия заключения ДСС. Не случайно о согласии с предъявленным обвинением в гл. 40.1 УПК РФ впервые упоминается только в ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ, регламентирующей действия прокурора по уголовному делу, поступившему к нему с обвинительным заключением. Такое согласие выступает одним из условий рассмотрения уголовного дела в особом порядке судебного разбирательства (далее – ОПСР), а значит, и внесения прокурором представления, предусмотренного ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ. Таким образом, на этапе направления уголовного дела в суд согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением *de facto* приобретает значение условия сохранения действия ДСС в ходе судебного

производства. В этой связи следует согласиться с выводом Е.Л. Федосеевой о необходимости разъяснения подозреваемому и обвиняемому при заключении с ним ДСС, что согласие с предъявленным обвинением является необходимым условием вынесения приговора в порядке гл. 40.1 УПК РФ [16, с. 17].

Не придавать согласию с обвинением значения условия заключения ДСС важно прежде всего в практическом отношении. Думается, что обеим сторонам выгоднее иметь возможность вступать в договорные отношения, не будучи связанными признанием обвиняемым своей вины. А если принять во внимание возможность заключения ДСС и с подозреваемым, то такое требование оказалось бы вообще неисполнимым (вследствие отсутствия сформулированного обвинения). Предпочтительнее, когда подозреваемый или обвиняемый имеет возможность сначала заключить ДСС, а уже после решать для себя вопрос целесообразности продолжения сотрудничества с учетом предъявленного ему обвинения, признавая свою вину или отрицая ее. Вполне возможно, что под влиянием собранных стороной обвинения доказательств обвиняемый в конце концов придет к выводу о том, что отпираться бессмысленно, так что, если к этому времени сотрудничество уже будет осуществляться, обе стороны соглашения от этого только выиграют.

О необходимости перезаключения ДСС в случае изменения обвинения

Если объем обвинения и квалификация преступления не составляют объект ДСС, то и изменение обвинения в ходе предварительного расследования или при производстве в суде первой инстанции никаких правовых последствий для реализации соглашения иметь не должно. В этой связи представляется непоследовательной позиция авторов, которые, с одной стороны, не относят обвинение к объекту ДСС, а с другой – считают необходимым перезаключать ДСС в случае изменения объема обвинения или квалификации преступления. Так, например, Г.В. Абшилава, справедливо замечая, что событие преступления и его квалификация не могут быть предметом соглашения, далее говорит о новации –

соглашении сторон о замене первоначального обязательства другим: «Изменение обвинения влечет необходимость заключения нового соглашения и признания юридически ничтожным предыдущего» [1, с. 137]. А.В. Смирнов также считает, что при возникновении необходимости изменения обвинения в худшую для обвиняемого сторону, следователь и прокурор должны предложить стороне защиты внести соответствующие изменения в ранее заключенное ДСС [12, с. 12]. Еще более сложную процедуру предлагает А.В. Травников: следователь в ходе допроса выясняет, признает ли обвиняемый себя виновным по вновь предъявленному обвинению и согласен ли продолжать сотрудничество, а затем ходатайствует перед прокурором о прекращении ранее заключенного соглашения и ставит вопрос о заключении нового соглашения [15, с. 111].

Примечательно, что на протяжении продолжительного времени и в судебной практике преобладал подход, согласно которому изменение обвинения в ходе предварительного расследования должно влечь за собой перезаключение ДСС. Суды исходили из того, что объем и квалификация обвинения, указанного в ДСС, должны совпадать с обвинением, сформулированным в обвинительном заключении. Так, например, президиум Самарского областного суда по одному из уголовных дел, рассмотренных в кассационном порядке, расценил вменение обвиняемому новых эпизодов преступной деятельности как «изменение договора в одностороннем порядке в сторону ухудшения положения одного из участников соглашения» и пришел к выводу, что согласно ч. 5 ст. 317.4 УПК РФ прокурору надлежало составить новое ДСС (см.: Постановление Президиума Самарского областного суда от 16.05.2019 № 44У-127/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QtYfPr89qd1X/>). Очевидно, что именно для искоренения из судебной практики этого ошибочного подхода в 2021 г. Пленум Верховного Суда РФ внес в п. 15 Постановления от 28.06.2012 № 16 (см.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Российская газета. 2012. 11 июля) следующее до-

полнение: «Отсутствие в досудебном соглашении о сотрудничестве указания на все преступления, в которых обвиняется подсудимый, не является основанием для возвращения уголовного дела прокурору в порядке, установленном ст. 237 УПК РФ, при условии согласия подсудимого с обвинением в полном объеме» (см.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // Российская газета. 2021. 16 июля). Данное разъяснение служит веским подтверждением правильности вывода о том, что обвинение не является объектом ДСС, а значит, изменение его объема или квалификации преступления, независимо от того, влечет ли это ухудшение или улучшение положения стороны защиты, на действие ДСС никак не влияет. Соответственно, никаких дополнительных активностей в случае изменения объема обвинения или квалификации ни следователю, ни прокурору совершать не следует. Единственная и важнейшая гарантия прав обвиняемого здесь заключается в том, что ему должно быть разъяснено и понятно значение согласия с предъявленным обвинением как условия применения ОПСР и постановления приговора по правилам ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ.

Обязательства прокурора по досудебному соглашению о сотрудничестве

Итак, проведенное исследование показало, что в предмет ДСС не могут входить обязательства прокурора, связанные с применением норм уголовного закона или с определением объема обвинения и квалификации преступления. В связи с этим возникает вопрос, что же предлагается обвиняемому его контрагентом (стороной обвинения) взамен на осуществляемое им содействие раскрытию и расследованию преступлений? Правильный ответ на этот вопрос дает Т.В. Топчиева: «В случае выполнения обвиняемым или подозреваемым своих обязательств прокурор обязан вынести представление, предусмотренное ст. 317.5 УПК РФ, ...являющееся основанием для применения судом положений ч. 2 ст. 62

УК РФ» [14, с. 8]. Именно так, ни больше, ни меньше. Конечно, для подозреваемого или обвиняемого главное при заключении ДСС – это снижение наказания, ради которого он и идет на сотрудничество. Однако, как было показано выше, снижение наказания не является объектом ДСС, поскольку достижение такого результата не может быть обеспечено действиями прокурора – назначение наказания относится к компетенции суда. В связи с этим законодатель и выстраивает сложную конструкцию, в которой достижение искомого стороной защиты результата происходит опосредованно – через применение ОПСР. Разбираться в этих тонкостях подозреваемому или обвиняемому вовсе не обязательно, но для процессуалистов, будь то ученые или практики, принципиально важно отдавать себе отчет в том, что объектом ДСС как процессуального договора является именно применение ОПСР. Соответственно обязательства прокурора, составляющие предмет ДСС, ограничиваются совершением действий, обеспечивающих применение по уголовному делу такого порядка, то есть направлением уголовного дела в суд с представлением, указанным в ст. 317.5 УПК РФ. Именно обязанность внесения такого представления и составляет встречное (производное) обязательство, превращающееся в процессуальную обязанность прокурора в случае соблюдения стороной защиты условий и выполнения обязательств, указанных в ДСС. То, что данное обязательство не прописывается в тексте ДСС, не должно сбивать с толку. Думается, закрепление договорных обязательств непосредственно в законе является одной из тех особенностей, которые неизбежно привносит в процессуальные договоры публичное начало уголовного судопроизводства.

В юридической литературе можно встретить мнение о том, что лицу, с которым заключается ДСС, не следует гарантировать снижение наказания судом [17, с. 37–38]. На это А.Б. Сергеев справедливо возражает: «Благодаря соглашениям с обвиняемыми государство повысило эффективность выполнения обязанности искоренять преступность... почему бы нам сразу не довести до сведения этого человека те блага, которые он получит в случае полной отдачи в этом сотрудниче-

стве?» [11, с. 132]. Думается, аналогично рассуждал и законодатель, предусматривая включение в текст ДСС указания на смягчающие обстоятельства и нормы уголовного законодательства, которые могут быть применены по уголовному делу при соблюдении стороной защиты условий и выполнении обязательств, указанных в ДСС (п. 7 ч. 2 ст. 317.3 УПК РФ). Поскольку данное указание не имеет отношения к объекту ДСС, следует прийти к выводу, что его значение – чисто мотивирующее: подозреваемый или обвиняемый должен четко представлять, какие именно льготы будут к нему применены, если уголовное дело будет рассмотрено судом в ОПСР, и что применение такого порядка напрямую зависит от соблюдения обвиняемым условий и выполнения им обязательств, указанных в ДСС.

Перспективы развития уголовно-процессуальных договоров на основе определения новых объектов

Развитие договорных отношений в уголовном судопроизводстве предполагает прежде всего отыскание новых объектов, по поводу которых стороны могли бы вступать в соглашения. В настоящее время в этом направлении усилия исследователей сосредоточены в основном на поиске возможностей включения в объект договорных отношений, во-первых, обвинения, во-вторых, подлежащих установлению по уголовному делу фактов. Так, например, В.В. Колесник в своей докторской диссертации предлагает признать относительно связь между событием преступления (как оно произошло в действительности) и предъявляемым обвинением, что позволило бы заключать соглашения относительно не только объема обвинения, но также уголовно-правовой квалификации, размера и вида возможного наказания, вплоть до «процессуальной декриминализации деяния», а в сфере доказывания – признать договорной способ установления фактов по уголовному делу [7, с. 21, 63, 65, 109, 355]. Называя указанные направления конвергенции частного и публичного права в сфере уголовного судопроизводства наиболее перспективными, В.В. Колесник в то же время отдает себе отчет в их небесспорном

характере [7, с. 94]. Действительно, рассчитывать на то, что в ближайшее время доктрина уголовно-процессуального права и законодатель признают возможным отказаться от цели установления объективной истины по уголовным делам, а также найдут способы предотвращения злоупотреблений, неизбежных в условиях столь широкой сферы усмотрения обвинителя, не приходится. В этой связи встает вопрос: означает ли это исчерпанность возможностей дальнейшего развития договорных отношений в сфере уголовного судопроизводства? Думается, нет.

Весьма перспективным представляется поиск возможностей договорного регулирования уголовно-процессуальных отношений между обвиняемым (подозреваемым) и потерпевшим. При этом следует принять во внимание следующие общие положения:

- предметом процессуального договора могут быть только такие действия, совершение которых составляет для лица, отстаивающего в уголовном деле личный интерес, право, но не процессуальную обязанность;

- процессуальный договор носит условный характер, когда обязательства одной стороны являются первичными, а второй стороны – производными. Исполнение первичного обязательства служит основанием для исполнения производного обязательства, вследствие чего последнее приобретает значение процессуальной обязанности;

- для придания процессуальному договору юридического значения и обеспечения законности при его заключении такой договор должен утверждаться субъектом, ведущим уголовный процесс.

В качестве одного из оснований применения ОПСР закон называет отсутствие возражений у частного обвинителя или потерпевшего (п. 3 ч. 2 ст. 314 УПК РФ). Такое право возражения позволяет потерпевшему заблокировать применение дифференцированной формы судебного разбирательства, обеспечивающей обвиняемому возможность получения предусмотренной ч. 7 ст. 316 УПК РФ льготы при назначении наказания. Полагаем, что законодатель, наделяя потерпевшего таким правом, преследовал цель стимулировать обвиняемого к позитивному посткриминальному поведению, выражающемуся, помимо

прочего, в возмещении вреда, причиненного потерпевшему преступлением. Другими словами, действующая регламентация «подталкивает» обвиняемого сделать все возможное для того, чтобы у потерпевшего не было оснований возражать против применения по уголовному делу ОПСР.

Однако даже полное возмещение причиненного преступлением вреда не лишает потерпевшего права заявить возражения против применения ОПСР, вследствие чего у обвиняемого снижается мотивация к позитивному посткриминальному поведению, что ставит под угрозу реализацию назначения уголовного судопроизводства.

Выходом из сложившегося положения могла бы стать возможность заключения между обвиняемым (подозреваемым) и потерпевшим в ходе досудебного производства соглашения, по которому обвиняемый (подозреваемый) принимал бы на себя обязательство в установленный срок возместить причиненный преступлением вред в размере, определяемом сторонами, а потерпевший, в случае выполнения стороной защиты принятого на себя обязательства, – не возражать против применения ОПСР.

Объектом процессуального договора для обвиняемого в данном случае выступала бы возможность применения по уголовному делу ОПСР, а предметом – бездействие потерпевшего, выражающееся в незаявлении им возражений против применения такого порядка. Для потерпевшего объектом договора будет являться возмещение причиненного преступлением вреда в размере, определяемом соглашением, а предметом – действия обвиняемого (подозреваемого), направленные на возмещение такого вреда. При этом обязательство обвиняемого (подозреваемого) является первичным, а обязательство потерпевшего производным: в случае полного возмещения вреда незаявление возражения со стороны потерпевшего становится процессуальной обязанностью последнего.

Контроль со стороны лиц, ведущих производство по уголовному делу, в данном случае должен выражаться в следующем. Во-первых, такие соглашения, составляемые в письменной форме как отдельный процессуальный акт, подлежат утверждению следова-

телем (как вариант – руководителем следственного органа) или дознавателем (как вариант – прокурором). При этом отказ в утверждении соглашения должен подлежать обжалованию в порядке, предусмотренном ст. 124 и 125 УПК РФ. Во-вторых, в случае исполнения первичного обязательства, то есть возмещения обвиняемым (подозреваемым) причиненного преступлением вреда, заявлению потерпевшим возражения против применения ОПСР (в нарушение условий процессуального договора) не должно придаваться юридического значения, то есть оно не должно приниматься во внимание прокурором и судом при решении вопроса о рассмотрении уголовного дела в ОПСР.

Думается, что законодательное закрепление такого рода процессуального договора способствовало бы достижению назначения уголовного процесса, поскольку стимулировало бы обвиняемого к полному и быстрому возмещению вреда, причиненного преступлением.

Выводы

Вопросы определения объекта и предмета являются ключевыми в теории уголовно-процессуальных договоров, поскольку именно те действия, которые стороны могут совершить в интересах друг друга ради достижения определенного юридически значимого результата, определяют саму необходимость введения в ткань уголовного судопроизводства договорного способа регулирования уголовно-процессуальных правоотношений. Объектом договора является некоторое благо, приобретаемое стороной в случае его исполнения. Применительно к ДСС такими благами являются: для стороны обвинения – содействие (по сути, помощь) подозреваемого или обвиняемого в раскрытии и расследовании преступления, а для стороны защиты – применение ОПСР, обеспечивающее льготу при назначении наказания. Предметом процессуального договора является действие (бездействие), совершаемое одной стороной для получения другой искомого блага. Предмет ДСС составляют действия подозреваемого или обвиняемого при производстве следственных действий, а также вынесение прокурором

представления, предусмотренного ч. 1 ст. 317.5 УПК РФ. Наличие двух объектов в процессуальном договоре раскрывает его фактическую сущность, состоящую в своего рода «обмене»: каждая сторона выполняет действия (бездействует) ради приобретения другой стороной искомого блага. Особенностью таких договоров является то, что обмен происходит не одновременно: обязательства одной из сторон всегда являются первичными, другая сторона исполняет свои обязательства только при условии выполнения первичного обязательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абшилава, Г. В. Уголовно-процессуальная сделка как результат конвергенции частного и публичного права / Г. В. Абшилава // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 3. – С. 130–141.
2. Александров, А. С. Соглашение о досудебном сотрудничестве со следствием: правовая сущность и вопросы толкования норм, входящих в главу 40.1 УПК РФ / А. С. Александров, И. А. Александрова // Уголовный процесс. – 2009. – № 8. – С. 3–11.
3. Багаутдинов, К. Ф. Досудебное соглашение о сотрудничестве: понятие, содержание, основные признаки / К. Ф. Багаутдинов // Юрист-Правовед. – 2018. – № 3. – С. 114–118.
4. Беспалов, Ю. Ф. К вопросу о предмете договора по гражданскому законодательству Российской Федерации / Ю. Ф. Беспалов // Государственная служба и кадры. – 2012. – № 2. – С. 58–61.
5. Егоров, В. Е. Некоторые суждения по определению предмета и объекта гражданско-правового договора / В. Е. Егоров, И. В. Хярм // Вестник Псковского государственного университета. Серия «Экономика, право и управление». – 2015. – № 1. – С. 121–126.
6. Климанова, О. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа, договорные характеристики и проблемы квалификации преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Климанова Ольга Валериевна. – Самара, 2017. – 21 с.
7. Колесник, В. В. Концепция договорных отношений в примирительных, ускоренных и согласительных процедурах уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук / Колесник Вероника Вячеславовна. – Пермь, 2024. – 575 с.
8. Колесник, В. В. Продолжение совершенствования института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовно-процессуальном праве / В. В. Колесник // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 4 (36). – С. 100–104.
9. Лазарева, В. А. Проблемы правового регулирования и применения института досудебного соглашения о сотрудничестве / В. А. Лазарева, Ю. В. Кувалдина // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 3. – С. 221–231.
10. Мейер, Д. И. Избранные труды : в 3 т. Т. 1 / Д. И. Мейер ; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. П. В. Крашенинников, д-р юрид. наук, проф. Д. Х. Валеев. – М. : Статут, 2022. – 848 с.
11. Сергеев, А. Б. Особый порядок уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве как уголовно-процессуальный институт: вопросы совершенствования / А. Б. Сергеев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 13 (368). Право. – Вып. 42. – С. 129–136.
12. Смирнов, А. В. Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве / А. В. Смирнов // Уголовный процесс. – 2009. – № 10. – С. 5–14.
13. Стацюк, Д. Н. Процессуальное положение лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве : дис. ... канд. юрид. наук / Стацюк Денис Николаевич. – СПб., 2022. – 221 с.
14. Топчиева, Т. В. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Топчиева Татьяна Владимировна. – СПб., 2013. – 22 с.
15. Травников, А. В. Уголовно-процессуальные проблемы, возникающие при заключении, изменении и расторжении досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам о преступлениях террористической направленности / А. В. Травников // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 4 (80). – С. 108–113.
16. Федосеева, Е. Л. Особый порядок уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Федосеева Елена Леонидовна. – Екатеринбург, 2014. – 24 с.
17. Федосеева, Е. Л. Особый порядок уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве : дис. ... канд. юрид. наук / Федосеева Елена Леонидовна. – Екатеринбург, 2014. – 257 с.

REFERENCES

1. Abshilava G.V. Ugolovno-processualnaya sdelka kak rezultat konvergencii chastnogo i publicnogo prava [Criminal Procedure Transaction as a Result of Convergence of Private and Public Law]. *Biblioteka kriminalista* [Criminologist's Library], 2012, no. 3, pp. 130-141.

2. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Soglasenie o dosudebnom sotrudnichestve so sledstviem: pravovaya sushchnost i voprosy tolkovaniya norm, vkhodyashchih v glavu 40.1 UPK RF [Agreement on Pre-Trial Cooperation with the Investigation: Legal Essence and Issues of Interpretation of the Norms Included in Chapter 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Ugolovnyj process* [Criminal Proceedings], 2009, no. 8, pp. 3-11.
3. Bagautdinov K.F. Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve: ponyatie, sodержanie, osnovnye priznaki [Pre-Trial Cooperation Agreement: Concept, Content, Main Features]. *Yurist-Pravoved* [Jurist-Pravoved], 2018, no. 3, pp. 114-118.
4. Bupalov Yu.F. K voprosu o predmete dogovora po grazhdanskomu zakonodatelstvu Rossijskoj Federacii [On the Subject of the Contract Under the Civil Legislation of the Russian Federation]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry* [Civil Service and Personnel], 2012, no. 2, pp. 58-61.
5. Egorov V.E., Hyarm I.V. Nekotorye suzheniya po opredeleniyu predmeta i obyektu grazhdansko-pravovogo dogovora [Some Judgments on the Definition of the Subject and Object of a Civil Law Contract]. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Ekonomika, pravo i upravlenie»* [Bulletin of Pskov State University. The Series "Economics, Law and Management"], 2015, no. 1, pp. 121-126.
6. Klimanova O.V. Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve: pravovaya priroda, dogovornye harakteristiki i problemy kvalifikacii prestuplenij: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Pre-Trial Cooperation Agreement: Legal Nature, Contractual Characteristics and Problems of Crime Qualification. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Samara, 2017. 21 p.
7. Kolesnik V.V. *Koncepciya dogovornykh otnoshenij v primiritelnykh, uskorennykh i soglasitelnykh procedurah ugolovnogo sudoproizvodstva: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Concept of Contractual Relations in Conciliation, Expedited and Conciliation Procedures of Criminal Proceedings. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Perm, 2024. 575 p.
8. Kolesnik V.V. Prodolzhenie sovershenstvovaniya instituta dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve v ugolovno-processualnom prave [Continuing to Improve the Institution of Pre-Trial Cooperation Agreements in Criminal Procedure Law]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016, no. 4 (36), pp. 100-104.
9. Lazareva V.A., Kuvaldina Yu.V. Problemy pravovogo regulirovaniya i primeneniya instituta dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve [Problems of Legal Regulation and Application of the Institute of Pre-Trial Cooperation Agreement]. *Biblioteka kriminalista* [Criminologist's Library], 2012, no. 3, pp. 221-231.
10. Mejer D.I. *Izbrannye trudy: v 3 t. T. 1* [Selected Works]. Moscow, Statut Publ., 2022. 848 p.
11. Sergeev A.B. Osobyj poryadok ugolovnogo sudoproizvodstva pri zaklyuchenii dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve kak ugolovno-processualnyj institut: voprosy sovershenstvovaniya [Special Procedure of Criminal Proceedings at the Conclusion of a Pre-Trial Cooperation Agreement as a Criminal Procedure Institution: Issues of Improvement]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2015, no. 13 (368). Law, iss. 42, pp. 129-136.
12. Smirnov A.V. Osobyj poryadok prinyatiya sudebnogo resheniya pri zaklyuchenii dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve [Special Procedure for Making a Court Decision When Concluding a Pre-Trial Cooperation Agreement]. *Ugolovnyj process* [Criminal Proceedings], 2009, no. 10, pp. 5-14.
13. Stacyuk D.N. *Processualnoe polozenie lica, s kotorym zaklyucheno dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve: dis. ... kand. yurid. nauk* [Procedural Status of the Person with Whom the Pre-Trial Cooperation Agreement Was Concluded. Cand. jurid. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2022. 221 p.
14. Topchieva T.V. *Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve v rossijskom ugolovnom processe: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Pre-Trial Agreement on Cooperation in Russian Criminal Proceedings. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg, 2013. 22 p.
15. Travnikov A.V. Ugolovno-processualnye problemy, vznikayushie pri zaklyuchenii, izmenenii i rastorzenii dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve po ugolovnym delam o prestupleniyah terroristicheskoy napravlenosti [Criminal Procedural Problems Arising from the Conclusion, Amendment and Termination of a Pre-Trial Agreement on Cooperation in Criminal Cases of Terrorist Crimes]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 4 (80), pp. 108-113.
16. Fedoseeva E.L. *Osobyj poryadok ugolovnogo sudoproizvodstva pri zaklyuchenii dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Special Procedure for Criminal Proceedings at the Conclusion of a Pre-Trial Cooperation Agreement. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Yekaterinburg, 2014. 24 p.
17. Fedoseeva E.L. *Osobyj poryadok ugolovnogo sudoproizvodstva pri zaklyuchenii dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve: dis. ... kand. yurid. nauk* [Special Procedure for Criminal Proceedings at the Conclusion of a Pre-Trial Cooperation Agreement. Cand. jurid. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2014. 257 p.

Information About the Author

Ilya S. Dikarev, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Director of Institute of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Professor, Department of Criminal Procedure, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Istoricheskaya St, 130, 400089 Volgograd, Russian Federation, iliadikarev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4178-744X>

Информация об авторе

Илья Степанович Дикарев, доктор юридических наук, доцент, директор, Институт права Волгоградского государственного университета, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; профессор кафедры уголовного процесса, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация, iliadikarev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4178-744X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.14>

UDC 343.14

LBC 67.410.212

Submitted: 27.01.2025

Accepted: 30.01.2025

THE INVESTIGATOR'S CRIMINAL PROCEDURE ACT ON COMMISSIONING OF FORENSIC EXAMINATION OR THE LAWYER'S PETITION: ON THE COMPETITION AND EQUALITY OF THE PARTIES?

Anna V. Milikova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper discusses the controversial issues of understanding and defining the content of the term “criminal procedure act” and its relation to the procedural document in the context of its use for the commissioning of forensic examination in criminal procedure. The different status of participants in criminal proceedings causes them to be unequal, as well as those procedural documents that they publish. The proposed conclusions on this issue and some practical proposals to amend the legislation are based on the analysis of available research in criminal procedure science. The **purpose** of the study is to develop proposals for improving the legislation in the field of commissioning of forensic examination. **Methods:** the author uses the dialectical method, generalization, comparison, analysis, and others, which makes it possible to form the paper. **Results:** the study substantiates the importance of the issues selected for consideration, indicates a range of possible solutions to the problems identified, in particular, the correlation between the investigator's criminal procedure act on commissioning of forensic examination and the lawyer's petition, and highlights other related issues. **Conclusions:** these issues require further study, understanding, and amendments in the current criminal procedure legislation.

Key words: criminal procedure act, document, investigator, lawyer, forensic examination, criminal procedure.

Citation. Milikova A.V. The Investigator's Criminal Procedure Act on Commissioning of Forensic Examination or the Lawyer's Petition: On the Competition and Equality of the Parties? *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 103-108. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.14>

УДК 343.14

ББК 67.410.212

Дата поступления статьи: 27.01.2025

Дата принятия статьи: 30.01.2025

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АКТ СЛЕДОВАТЕЛЯ О НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ИЛИ ХОДАТАЙСТВО АДВОКАТА: К ВОПРОСУ О СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИИ СТОРОН?

Анна Владимировна Миликова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в данной статье рассматриваются дискуссионные вопросы понимания и определения содержания термина «уголовно-процессуальный акт», его соотношение с процессуальным документом в контексте использования для назначения судебной экспертизы в уголовном процессе. Различный статус участников уголовного судопроизводства обуславливает их неравнозначность, как и тех процессуальных документов, которые они издадут. Предлагаемые в заключении выводы по данному вопросу и практические предложения о внесении изменений в законодательство даются на основе анализа имеющихся исследований в уголовно-процессуальной науке. **Целью исследования** выступила разработка предложений по совершенствованию законодательства в области назначения судебной экспертизы. **Методы:** автором использованы: диалектический метод, обобщения, сравнения, анализа и др., которые позволили сделать возможным формирование данной статьи. **Результаты:** в проведенном исследовании обоснована значимость выбранных для рассмотрения вопросов, обозначен круг возможных решений для постановленных на разрешение проблем, в частности, проведено соотношение уголовно-процессуального акта следователя о назначении судебной экспертизы и ходатайства адвоката и освещены иные смежные вопросы. **Выводы:** указанные про-

блемы нуждаются в изучении, осмыслении и внесении изменений в действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный акт, документ, следователь, адвокат, судебная экспертиза, уголовный процесс.

Цитирование. Миликова А. В. Уголовно-процессуальный акт следователя о назначении судебной экспертизы или ходатайство адвоката: к вопросу о состязательности и равноправии сторон? // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 103–108. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.14>

Введение

На протяжении многих лет дискуссионными и активно обсуждаемыми в науке уголовного процесса являются вопросы об издании тех или иных уголовно-процессуальных актов или документов. Сущность процессуальных актов, субъекты, уполномоченные на их вынесение, форма документа, вид или их совокупность зачастую вызывают немало споров. Неясным остается как понятие самих категорий «уголовно-процессуальный акт» и «документ», так и их соотношение. Например, известный ученый П.А. Лупинская вовсе писала о процессуальных решениях, зачастую в контексте подразумевая под ними именно уголовно-процессуальные акты, определяя решения в качестве актов реализации предоставленных прав и исполнения возложенных обязанностей должностного лица [6, с. 18]. Сложившаяся ситуация, как отмечает И.С. Дикарев, негативно отражается на законотворчестве и приводит к спорным законодательным решениям [3, с. 31].

К.В. Муравьев выделяет «нормативный» критерий и относит процессуальные акты к форме применения уголовного закона в случае прямого закрепления в УПК РФ такой необходимости, при этом автор отмечает, что вся правоохранительная деятельность государственных органов находит свое выражение в актах индивидуального значения [9, с. 31, 34]. И действительно, уголовно-процессуальные акты не являются «простыми» документами, ввиду их особого характера и содержания они не могут быть составлены любым человеком, а только лишь специальным субъектом – уполномоченным должностным лицом или органом.

Мы придерживаемся мнения, что одним из особых отличительных признаков уголовно-процессуальных актов является его издание уполномоченным субъектом. Объясняет-

ся данный подход тем фактом, что, рассматривая государственное управление в широком его понимании, органы и должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, являются управленческими. Соответственно, к числу основополагающих признаков уголовно-процессуальных актов обоснованно относится «издание уполномоченным субъектом» – признак, который логично образуется исходя из государственно-властного характера и управленческой направленности рассматриваемой категории правоприменительных актов. Заключается данный признак в возможности вынесения уголовно-процессуальных актов исключительно органом или должностным лицом, наделенным полномочиями по осуществлению уголовного судопроизводства [7, с. 36].

Безусловно, следователь является уполномоченным субъектом, наделенным властными полномочиями. Согласно ст. 38 УПК РФ он наделен достаточно широкими правами и обязанностями по осуществлению предварительного следствия по уголовному делу. Предполагается, что следователь собирает доказательства как подтверждающие, так и опровергающие виновность лица в совершении преступления. Но, как отмечает С.Б. Россинский, в современном УПК РФ следователь представляет собой классического обвинителя, «уголовного преследователя», который в первую очередь стремится изобличить подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления [12, с. 188]. В.А. Лазарева придерживается схожей позиции и отмечает, что УПК РФ содержит явное противоречие между концепцией формирования доказательств и принципами состязательности и независимости судебной власти, поскольку доказательства вправе собирать лишь сторона обвинения [5, с. 22].

Как представляется, данное положение не совсем согласуется с позициями, на кото-

рых строится современный отечественный уголовный процесс. Он реализуется в рамках установленных правил, регламентированных законодательно, а одним из принципов уголовного процесса, закрепленным в ст. 15 УПК РФ, является принцип состязательности сторон, согласно которому уголовное судопроизводство, как отметила Е.В. Митрофанова, в числе других характеристик подразумевает наличие процессуального равноправия или равенства сторон, потому что о справедливости можно говорить только при наличии равных возможностей [8, с. 8]. О равенстве сторон обвинения и защиты в процессе предварительного расследования говорить не приходится ввиду его очевидного отсутствия, хотя в ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ дается перечень полномочий защитника.

Вопросы назначения судебной экспертизы в досудебном производстве

Наиболее ярко видны проблемы соблюдения принципа состязательности сторон в уголовном процессе на досудебных стадиях его производства. В частности, при назначении и производстве судебной экспертизы, которая, по мнению С.Б. Россинского, является уникальной процессуальной технологией, позволяющей установить обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела [13, с. 180]. Но на практике возникают отдельные проблемы, связанные с реализацией принципа состязательности сторон при назначении и производстве судебной экспертизы.

В соответствии со ст. 195 УПК РФ судебная экспертиза назначается путем вынесения следователем определенного уголовно-процессуального акта – постановления о назначении судебной экспертизы или, в отдельных случаях, постановления о возбуждении перед судом ходатайства о помещении подозреваемого или обвиняемого, не находящегося под стражей, в медицинский или психиатрический стационар для производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы (п. 3 ч. 2 ст. 29 УПК РФ). По своей сути судебная экспертиза в отдельных случаях может служить незаменимым способом получения доказа-

тельств и установления достоверных данных о событии преступления.

В рамках данной статьи следует отметить определенные правовые и практические проблемы, мешающие реализации принципа состязательности сторон при назначении и производстве судебной экспертизы. В частности, основной проблемой выступают существенные ограничения по возможности участия стороны защиты в данном процессе. Подобная обязанность, как мы уже упомянули, согласно УПК РФ лежит на стороне обвинения, а именно на следователе. Помимо вынесения соответствующего постановления, в котором указывается определенное учреждение и ставятся на разрешение вопросы, следователю надлежит ознакомить с уголовно-процессуальным актом сторону защиты и потерпевших для реализации их прав и свобод.

А.В. Полякова отмечает, что следователи зачастую допускают процессуальные нарушения, в том числе проводя ознакомление участников уголовного процесса с постановлением о назначении судебной экспертизы уже одновременно с ее заключением [11, с. 257]. Безусловно, подобный подход в первую очередь является нарушением принципа состязательности сторон, а также прав участников, закрепленных в ст. 198 УПК РФ, в том числе на его обжалование или заявление отвода эксперту, изменения экспертного учреждения, постановку дополнительных вопросов и т. д. В качестве исключения могут служить случаи, когда лицо признается подозреваемым, обвиняемым или потерпевшим уже после назначения судебной экспертизы, тогда их ознакомливают с данным постановлением и составляют протокол одновременно с приобретением статуса участника уголовного процесса (п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»).

Но указанная проблема не является единственной. Если обязанность следователя по назначению экспертизы прямо закреплена в УПК РФ, то защитник лишен возможности наравне с представителями стороны обвинения осуществлять свою деятельность по сбору доказательств, в частности, по назначению судебной экспертизы.

В соответствии с ч. 1 ст. 120 УПК РФ защитник вправе заявить ходатайство. Но ходатайство защитника и постановление следователя, очевидно, не имеют равной процессуальной ценности и, безусловно, о состязательности речь в данном случае идти не может. Еще одной проблемой, как отмечает И.Ю. Панькина, является произвольный отказ следователя в принятии заявлений и ходатайств адвоката-защитника ввиду его необъективной позиции, что подтверждается проведенным анкетированием адвокатов, 95 % из которых подтвердили произвольность отказов [10, с. 131].

Несмотря на бурные обсуждения в науке и среди правоприменителей вопросов о необходимости уравнивания сторон обвинения и защиты при производстве предварительного расследования, в частности, при назначении судебной экспертизы, не все ученые поддерживают данные предложения. Например, В.И. Шаров придерживается позиции, что состязательность можно заменить на независимость эксперта, которая, по мнению автора, сможет обеспечить правильность выводов в заключении, как и ответственность за дачу заведомо ложного заключения [14, с. 181]. Позволим себе не согласиться с данным утверждением ввиду очевидности процессуального неравенства адвоката-защитника и следователя в досудебном уголовном процессе. Право адвоката на заявление ходатайств не обеспечивает в полной мере учет интересов стороны защиты, а если следователь так и не назначит экспертизу, то ни о каких выводах независимого эксперта, давшего заключение, говорить не придется.

Какие же нам видятся возможные пути решения обозначенных проблем? Несомненно, они нуждаются в рассмотрении и разрешении со стороны законодателя путем внесения изменений в действующий УПК РФ. Никакие новые разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда не решат давно назревшие проблемы.

Например, С.О. Буянтуев считает, что действенным будет рассмотрение судом повторных ходатайств участников уголовного процесса, заявленных о производстве процессуальных действий, направленных на собирание, проверку, оценку доказательств [1, с. 20]. А.Е. Галинская предлагает наделить участ-

ников уголовного процесса правом привлечения специалистов для подготовки заключения или дачи консультации [2, с. 15–16].

Выводы

В результате проведенного исследования становится очевидным, что действующие в настоящее время механизмы реализации уголовного судопроизводства, касающиеся производства судебной экспертизы в досудебном производстве, далеки от совершенства ввиду имеющихся процессуальных недочетов, в частности, противоречий и несоблюдения принципа состязательности сторон, наглядно видимого при соотношении используемых процессуальных документов разной юридической силы: у следователя уголовно-процессуального акта – постановления; у адвоката-защитника – ходатайства (рассматриваемого следователем). Указанные обстоятельства негативно влияют как на реализацию прав и обязанностей участников уголовного судопроизводства, так и на ход и результаты расследования, проводимого однобоко, с обвинительным уклоном. Результаты проведения экспертной деятельности являются важнейшими доказательствами, позволяющими установить обстоятельства совершенного преступления, и при этом ее правовая регламентация нуждается в доработке.

Согласимся с мнением Е.А. Зайцевой, что необходимы революционные идеи, способные кардинально изменить систему нормативного регулирования, а пока в досудебных стадиях доказательства формируют «властные субъекты», тогда как элементы состязательности «случаются» весьма редко [4, с. 60]. Полагаем необходимым внести изменения и дополнения в нормы УПК РФ, направленные на стремление к выравниванию прав и обязанностей сторон обвинения и защиты при производстве судебной экспертизы в ходе предварительного расследования. Видится позитивным нормативное изменение о допуске возможности направления ходатайства адвоката-защитника о производстве судебной экспертизы в досудебном производстве в суд, в том числе использовать возможность привлечения специалиста путем внесения изменений в ч. 3 ст. 86 УПК РФ, дополнив ее п. 4

«назначения экспертизы и привлечения специалиста для дачи заключения».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буянтуев, С. О. Повышение эффективности состязательной деятельности адвоката-защитника в досудебном производстве по уголовному делу : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Буянтуев Станислав Очирович. – Ульяновск, 2024. – 24 с.
2. Галинская, А. Е. Использование специальных знаний в судопроизводстве сторонами и их представителями : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Галинская Анна Евгеньевна. – М., 2017. – 23 с.
3. Дикарев, И. С. Уголовно-процессуальные акты досудебного производства / И. С. Дикарев // Уголовное судопроизводство. – 2020. – № 2. – С. 31–35.
4. Зайцева, Е. А. Судебная экспертиза по инициативе стороны защиты: «по следам» выступления Г.М. Резника / Е. А. Зайцева // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 13–14 марта 2020 года. – Иркутск : Восточно-Сибир. ин-т М-ва внутр. дел Российской Федерации, 2020. – С. 57–61.
5. Лазарева, В. А. Концепция формирования доказательств в свете принципа состязательности и перспективы ее развития / В. А. Лазарева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2019. – № 1 (36). – С. 22–27.
6. Лупинская, П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика / П. А. Лупинская. – М. : Юристъ, 2006. – 174 с.
7. Миликова, А. В. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия : монография / А. В. Миликова, С. Б. Россинский. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 160 с.
8. Митрофанова, Е. В. Действие принципа состязательности сторон в досудебных стадиях уголовного процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Митрофанова Екатерина Викторовна. – Волгоград, 2004. – EDN NJSKLN. – 21 с.
9. Муравьев, К. В. Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона : монография / К. В. Муравьев. – М. : Проспект, 2019. – 264 с.
10. Панькина, И. Ю. Пути расширения полномочий адвоката при доказывании в российском уголовном процессе / И. Ю. Панькина // Правовое государство: теория и практика. – 2019. – № 1 (55). – С. 128–134.
11. Полякова, А. В. Судебная экспертиза как обязательный элемент в расследовании уголовных дел по ДТП в аспекте действия принципа состязательнос-

ти сторон: особенности реализации / А. В. Полякова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2021. – № 3. – С. 256–261.

12. Россинский, С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств : монография / С. Б. Россинский. – М. : Норма, 2021. – 408 с.

13. Россинский, С. Б. Досудебное производство по уголовному делу : учебник / С. Б. Россинский. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. – 232 с.

14. Шаров, В. И. Состязательность сторон при проведении судебной экспертизы / В. И. Шаров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2021. – № 4. – С. 180–185.

REFERENCES

1. Buyantuev S.O. *Povyshenie effektivnosti sostyazatelnoj deyatel'nosti advokata-zashchitnika v dosudebnom proizvodstve po ugovolnomu delu: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Improving the Effectiveness of the Adversarial Activity of a Defense Lawyer in Pre-Trial Criminal Proceedings. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Ulyanovsk, 2024. 24 p.
2. Galinskaya A.E. *Ispolzovanie specialnyh znanij v sudoproizvodstve storonami i ih predstavitelyami: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Use of Special Knowledge in Legal Proceedings by the Parties and Their Representatives. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2017. 23 p.
3. Dikarev I.S. *Ugolovno-processualnye akty dosudebnogo proizvodstva* [Criminal Procedural Acts of Pre-Trial Proceedings]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal Proceedings], 2020, no. 2, pp. 31-35.
4. Zajceva E.A. *Sudebnaya ekspertiza po iniciative storony zashchity: «po sledam» vystupleniya G.M. Reznika* [Forensic Examination Initiated by the Defense: “In the Footsteps” of G.M. Reznik’s Speech]. *Aktualnye problemy kriminalistiki i sudebnoj ekspertizy: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Irkutsk, 13–14 marta 2020 goda* [Actual Problems of Criminalistics and Forensic Examination: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, March 13–14, 2020]. Irkutsk, Vostochno-Sibir. in-t M-va vnutr. del Rossijskoj Federacii, 2020, pp. 57-61.
5. Lazareva V.A. *Koncepciya formirovaniya dokazatelstv v svete principa sostyazatel'nosti i perspektivy ee razvitiya* [Concept of Evidence Formation in the Light of the Principle of Competition and the Prospects for Its Development]. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki* [Vector of Science of Tolyatti State University. Series: Legal Sciences], 2019, no. 1 (36), pp. 22-27.

6. Lupinskaya P.A. *Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatelstvo i praktika* [Decisions in Criminal Proceedings: Theory, Legislation and Practice]. Moscow, Jurist Publ., 2006. 174p.
7. Milikova A.V., Rossinskij S.B. *Ugolovno-processualnye akty organov predvaritelnogo sledstviya: monografiya* [Criminal Procedural Acts of the Preliminary Investigation Bodies. Monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2021. 160 p.
8. Mitrofanova E.V. *Dejstvie principa sostyazatelnosti storon v dosudebnyh stadiyah ugovnogo processa: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Effect of the Principle of Adversarial Parties in the Pre-Trial Stages of the Criminal Process. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Volgograd, 2004. EDN NJSKLN. 21 p.
9. Muravyev K.V. *Optimizaciya processualnoj formy primeneniya ugovnogo zakona: monografiya* [Optimization of the Procedural Form of Application of the Criminal Law. Monograph]. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 264 p.
10. Pankina I.Yu. *Puti rasshireniya polnomochij advokata pri dokazyvanii v rossijskom ugovnom processe* [Ways to Expand the Powers of a Lawyer in Proving Evidence in the Russian Criminal Process]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [Rule of Law: Theory and Practice], 2019, no. 1 (55), pp. 128-134.
11. Polyakova A.V. *Sudebnaya ekspertiza kak obyazatelnyj element v rassledovanii ugovnyh del po DTP v aspekte dejstviya principa sostyazatelnosti storon: osobennosti realizacii* [Forensic Examination as a Mandatory Element in the Investigation of Criminal Cases of Road Accidents in the Aspect of the Principle of Adversarial Parties: Implementation Features]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2021, no. 3, pp. 256-261.
12. Rossinskij S.B. *Dosudebnoe proizvodstvo po ugovnomu delu: sushchnost i sposoby sobiraniya dokazatelstv: monografiya* [Pre-Trial Proceedings in a Criminal Case: The Essence and Methods of Collecting Evidence: Monograph]. Moscow, Norma Publ., 2021. 408 p.
13. Rossinskij S.B. *Dosudebnoe proizvodstvo po ugovnomu delu: uchebnik* [Pre-Trial Criminal Proceedings: Textbook]. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 2022. 232 p.
14. Sharov V.I. *Sostyazatelnost storon pri provedenii sudebnoj ekspertizy* [Adversarial Nature of the Parties During the Judicial Examination]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod Lobachevsky University], 2021, no. 4, pp. 180-185.

Information About the Author

Anna V. Milikova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, milikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0341-4634>

Информация об авторе

Анна Владимировна Миликова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, milikova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0341-4634>

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ =

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.15>

UDC 341.1/8
LBC 67.404

Submitted: 15.10.2024
Accepted: 30.10.2024

REVISITING THE HISTORY OF INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW: LESSONS AND PERSPECTIVES

Anatoly Ya. Ryzhenkov

Kalmyk State University, Elista, Russian Federation

Introduction: environmental protection is an important part of international law. International environmental law is developed by sovereign states to create universally recognized standards and ensure the obligations of states related to their participation in solving global environmental problems. Studying the history of international environmental law is important for the following reasons: it allows for better understanding how and why certain international norms and public relations regulated by them arose; what factors influenced their development and what lessons can be learned from the past; for substantiating which international approaches to nature protection have been successful and which have not; the knowledge of history helps to better understand current global environmental problems and the degree of effectiveness of their modern international solutions. **Methods:** the methodological framework for the research consists of both the general scientific and special methods of scientific cognition. The general scientific methods include dialectical, formal-logical, the methods of analysis, synthesis, induction, deduction, and the structural-functional method. The special methods include historical-legal, comparative law, formal-legal, and the method of legal modeling. **Results:** the author has proposed new criteria for the periodization of the development stages of international environmental law. The six stages of the formation of international environmental law are identified, and an assessment of each stage is given. The main international acts (both mandatory and the acts of “soft” law) that have had an impact on international environmental protection are highlighted. The dynamics of the gradual introduction of the ecosystem approach into international environmental law are shown; the main lessons and prospects for further international environmental protection are formulated. **Conclusions:** over the past almost 200 years of its existence, international environmental law has undergone a significant evolution, starting with the protection of certain types of natural resources (fish, animals) and reaching the formulation of the SDGs and tasks for climate protection. Nevertheless, it has a number of directions for further development: elaboration of a new UN declaration on current directions of environmental protection (analogous to the Rio 1992 declaration); reform of UNEP, expansion of its functions; establishment of the International Environmental Court; codification of special principles of international environmental law; and strengthening of the ecosystem approach.

Key words: nature, international environmental law, declaration, UN, climate, history, sustainable development.

Citation. Ryzhenkov A.Ya. Revisiting the History of International Environmental Law: Lessons and Perspectives. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 109-117. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.15>

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА:
УРОКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ****Анатолий Яковлевич Рыженков**

Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Российская Федерация

Введение: охрана окружающей среды является важной частью международного права. Международное экологическое право разрабатывается суверенными государствами для создания общепризнанных стандартов и обеспечения обязательств государств, связанных с их участием в решении глобальных экологических проблем. Изучение истории международного экологического права является важным по следующим причинам: это позволяет лучше понять, как и почему возникли определенные международные нормы и регулируемые ими общественные отношения; какие факторы влияли на их развитие и какие уроки можно извлечь из прошлого; обосновать, какие международные подходы к охране природы были успешными, а какие нет; знание истории помогает лучше понять текущие мировые экологические проблемы и степень эффективности их современного международного решения. **Методы:** методологическую основу исследования составляют как общенаучные, так и специальные методы научного познания. К общенаучным методам относятся: диалектический, формально-логический, метод анализа, синтеза, индукции, дедукции, структурно-функциональный. К специальным методам относятся: историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический, метод правового моделирования. **Результаты:** авторами предложены новые критерии для периодизации этапов развития международного экологического права. Выделено шесть этапов формирования международного экологического права, дана оценка каждому этапу. Выделены основные международные акты (как обязательные, так и акты «мягкого» права), оказавшие воздействие на международную охрану окружающей среды. Показана динамика постепенного внедрения экосистемного подхода в международное экологическое право, сформулированы основные уроки и перспективы дальнейшей международной охраны окружающей среды. **Выводы:** за последние без малого 200 лет своего существования международное экологическое право претерпело значительную эволюцию, начав с охраны отдельных видов природных ресурсов (рыб, животных) и дойдя до формулирования ЦУР и задач по охране климата. Тем не менее у него есть ряд направлений дальнейшего развития: разработка новой декларации ООН о современных направлениях охраны окружающей среды (аналог декларации Рио 1992); реформирование ЮНЕП, расширение его функций; создание Международного экологического суда; кодификация специальных принципов международного экологического права; усиление экосистемного подхода.

Ключевые слова: природа, международное экологическое право, декларация, ООН, климат, история, устойчивое развитие.

Цитирование. Рыженков А. Я. К вопросу об истории международного экологического права: уроки и перспективы // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 109–117. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.15>

Введение

Охрана окружающей среды является сегодня важнейшей частью международного права. Международное экологическое право (далее – МЭП) было создано суверенными государствами для выработки международных стандартов и обеспечения обязательств государств, а также установления правил поведения в случае международных экологических споров [5, с. 57].

Изучение истории МЭП представляет собой важным по следующим причинам. Во-пер-

вых, изучение истории любого правового процесса или явления позволяет лучше понять, как и почему возникли определенные нормы и регулируемые ими общественные отношения. Это помогает осознать, какие факторы влияли на их развитие и какие уроки можно извлечь из прошлого. Во-вторых, изучение исторических примеров правовых норм позволяет выявить, какие международные подходы к охране природы были успешными, а какие нет. Это может помочь при разработке более эффективных природоохранных механизмов в будущем. В-третьих, знание исто-

рии помогает лучше понять современные мировые экологические проблемы, а также степень эффективности их решения. Это позволяет скорректировать текущее международное сотрудничество, сделать его более адекватным и не повторять прежних ошибок. В-четвертых, история МЭП предполагает изучение различных правовых систем и подходов к охране окружающей среды, что способствует более глубокому пониманию механизма действия правовых норм и практики их применения. В-пятых, понимание исторического природоохранного контекста способствует осознанию необходимости международного сотрудничества в решении глобальных экологических проблем, включая изменение климата и утрату биоразнообразия.

Таким образом, изучение истории международного экологического права не только углубляет знания о правовых нормах, но и способствует обоснованию более ответственного отношения к охране природы на международном уровне.

Периодизация истории международного экологического права

Международное экологическое право как совокупность обязательных и добровольных правил охраны окружающей среды в целом, либо ее отдельных компонентов (земель, лесов, вод и т. д.) формировалось в течение довольно длительного периода времени. В настоящий момент в научной литературе нет единого подхода к периодизации его истории. Одни российские и зарубежные ученые выделяют четыре этапа, разделенные двумя наиболее значимыми международными конференциями, проведенными на сегодняшний день (до Стокгольмской конференции ООН (1972); между ней и Конференцией ООН в Рио-де-Жанейро (1992); от Конференции в Рио 1992 и до 2016 года). С момента вступления в силу Парижского соглашения по климату в 2016 г., по их мнению, наступает новый этап в развитии МЭП, обусловленный необходимостью противостояния этой важной угрозе [11].

Другие авторы полагают, что первый этап охватывает 1839–1948 гг., второй этап – 1948–1972 гг., третий – 1972–1992 гг., а с 1992 г. начинается современный период развития

МЭП [4, с. 21]. Третья группа авторов отмечает, что эволюцию международного экологического права можно разделить на 3 различных периода: 1900–1972 гг.; 1972–1992 гг. и 1992–2012 гг. [12]. По данному вопросу следует заметить, что проведение периодизации столь сложного явления, как МЭП, имеет ряд объективных трудностей. Дело в том, что любая граница конца одного этапа и начала другого весьма условна, так как в недрах одного этапа зарождаются предпосылки следующего, а конкретная дата (например, проведение конференции ООН) всего лишь формально фиксирует переход к новым международным правилам.

С учетом этого обстоятельства можно предложить следующую периодизацию истории МЭП, критерием которой будет выступать фактор системности в подходе к решению международных экологических проблем. В рамках этого методологического подхода первый этап (1839–1913) характеризуется бессистемным международным экологическим сотрудничеством, по большей части основанном на идеях антропоцентризма. Второй этап (1913–1945) начинается с конференции в г. Берне в 1913 г., когда представители различных стран мира впервые попытались обсудить глобальные экологические проблемы, а также предложить системный подход к их решениям. Третий этап (1945–1972) характеризуется появлением ООН и ее активностью в координации экологической политики разных стран мира. Четвертый этап (1972–1992) связан с проведением Стокгольмской конференции ООН, придавшей ускорение развитию международного экологического права (и его постепенному переходу от антропоцентризма к экоцентризму), а также повлиявшей на национальное право, поскольку после 1972 г. в конституциях и законах десятков стран мира появились экологические нормы и требования. Пятый этап (1992–2015) обусловлен решениями конференции ООН в Рио-де-Жанейро, утвердившей концепцию устойчивого развития, означающую поиск баланса экономических, экологических и социальных интересов. Шестой этап (2015 г. – по настоящий день) начинается с резолюции Генеральной ассамблеи ООН «Повестка дня на период до 2030 г.», утвердившей Цели устойчивого развития.

Общая характеристика основных этапов развития МЭП

В настоящий момент в российской и зарубежной юридической литературе существует почти полное единодушие в отношении даты зарождения международного экологического права. Это 2 августа 1839 г., когда была подписана двусторонняя Конвенция о ловле устриц и рыболовстве у берегов Великобритании и Франции [3, с. 104–105]. В дальнейшем принимаются Лондонская конвенция 1900 г., призванная обеспечить сохранение различных видов диких животных в Африке; Парижская конвенция 1902 г. о защите птиц, полезных для сельского хозяйства; Конвенция о сохранении и защите морских котиков (1911), заключенная США, Японией, Россией и Соединенным Королевством, и ряд других [8, с. 6–7]. В большинстве случаев принимаемые в этот период международные соглашения касались пограничных вод, судоходства и прав на рыболовство на общих водных путях и игнорировали загрязнение окружающей среды и другие экологические проблемы (то есть придерживались антропоцентричного подхода). Даже тогда, когда в них упоминалась защита отдельных видов фауны, это было лишь инструментом; цель же всех этих соглашений вытекала из соображений иного (экономического) порядка, например, стимулировать отдельные виды предпринимательской деятельности (сельское хозяйство, рыболовство, охоту и др.) [9, р. 249].

Датой начала второго этапа является 1913 г., когда в г. Берн состоялась первая в истории человечества (и незаслуженно забытая) международная экологическая конференция. На ней присутствовали представители 17 стран (включая Российскую империю) и обсуждались мировые экологические проблемы; предлагалось создать международный координационный орган (типа ЮНЕП). Однако реализации всех этих планов помешала I Мировая война, и в следующий раз в таком формате страны мира собрались в 1972 г. в Стокгольме. Формально данная конференция считается неудачной, с чем сложно спорить; с другой стороны, был создан важный прецедент, означавший возможность обсуждать и решать международные экологические про-

блемы сообща. В этот период международное экологическое сотрудничество продолжилось: в 1922 г. создается Международный совет по охране птиц, а в 1923 г. было учреждено Международное общество по охране зубра. В 1929 г. был создан Постоянный комитет по охране природы Тихого океана, а в 1935 г. в Брюсселе появилось Международное бюро по охране природы (занималось национальными парками и заповедниками). В 1930-е гг. были приняты Лондонская конвенция об охране флоры и фауны в их естественном состоянии на Африканском континенте (1933) и Вашингтонская конвенция о защите окружающей среды и сохранении дикой природы в Западном полушарии (1940). В целом международное экологическое сотрудничество в этот период переживало некоторый спад, что еще раз доказывает цикличность сложных социальных процессов, включая их отображение нормами международного права.

Третий этап международного экологического сотрудничества берет начало в 1945 г., когда была создана ООН. В числе значимых событий этого периода – создание в 1948 г. Международного союза охраны природы (МСОП) – международной некоммерческой организации, занимающейся главным образом вопросами сохранения биоразнообразия и имеющей статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее ООН. В этот период государства сосредоточили свое внимание на двух экологических проблемах: загрязнении морской среды нефтью и ущербе от использования ядерной энергии в гражданских целях. В этот период принимается Рамсарская конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, особенно в качестве местобитаний водоплавающих птиц (1971). Примечательно, что Рамсарская конвенция впервые в истории МЭП предложила экосистемный подход к охране природы (то есть охранять не отдельно болота, птиц и растительность, а водно-болотное угодье в целом), что является характерной чертой следующего периода и говорит об универсальности любой классификации.

Начало четвертого этапа развития МЭП связано с принятием Стокгольмской декларации (1972). Данная декларация (акт «мягкого» права) является первым международным актом, где были сформулированы принципы

охраны природы и предусмотрено право человека на здоровую окружающую среду. Именно в Стокгольме Генеральная Ассамблея ООН учредила Программу Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП), которая сегодня является центральным органом по вопросам охраны окружающей среды (хотя у нее и мало полномочий налагать или приводить в исполнение санкции в отношении сторон, не соблюдающих природоохранные обязательства). В этот период принимаются: Конвенция о предотвращении загрязнения моря сбросами отходов и другими материалами (1972), Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (1972) и Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС) (1973). После Стокгольма начинается бурный рост национального экологического законодательства.

В этот же исторический период (1987) был подписан Монреальский протокол по борьбе с разрушением озонового слоя, а также принята Всемирная Хартия природы (1982), подчеркивающая взаимосвязь между судьбой человечества и природой: человечество является частью природы, и его жизнь зависит от бесперебойного функционирования природных систем, которые являются источником энергии и питательных веществ [10, р. 42]. Это и есть экосистемный подход в чистом виде, полноценная реализация которого у нас еще впереди. Другой характерной чертой данного периода является формулирование гарантий экологических прав человека на международном, региональном (Совет Европы, ОБСЕ) и национальном уровнях, а также экологизация всего международного права.

Пятый этап развития МЭП связан с проведением Конференции ООН в Рио-де-Жанейро (1992). На этой конференции были подписаны Конвенция о биологическом разнообразии, а также Рамочная конвенция ООН об изменении климата. Также была принята Рио-де-Жанейрская декларация, в которой подтверждены принципы Стокгольмской декларации и принята «Повестка дня на XXI век». Особого внимания заслуживают два принципа из Рио-де-Жанейрской декларации 1992 г.: принцип предосторожности, являющийся наи-

более совершенной формой профилактики экологических правонарушений, и принцип, закрепляющий право человека на информацию и участие общественности в решении вопросов, касающихся охраны окружающей среды. В 1998 г. на основе последнего принципа была принята Орхусская конвенция, имеющая обязательную силу в большинстве стран Европы и Центральной Азии (Россия ее пока не подписала). На основании рекомендаций Конференции ООН был создан Глобальный экологический фонд – международная финансовая организация, действующая в соответствии с программой развития ООН, предоставляющая заинтересованным странам средства дополнительного финансирования экологических проектов, содействующих решению насущных глобальных экологических проблем [2, с. 67].

Особого упоминания в этот период формирования МЭП заслуживает Киотский протокол 1997 г. к Рамочной конвенции ООН об изменении климата (1992). Несмотря на то что в целом он не увенчался успехом (в плане существенного сокращения выбросов парниковых газов), это было первое международное соглашение, которое установило юридически значимые обязательства для развитых стран. В 2002 г. представители 190 стран приняли участие во Всемирном саммите ООН по устойчивому развитию в Йоханнесбурге, чтобы обсудить обязательства, принятые на конференции в Рио-де-Жанейро. Была одобрена Декларация по устойчивому развитию, в которой основное внимание уделяется развитию и искоренению нищеты; кроме того, был провозглашен принцип коллективной ответственности государств за обеспечение сбалансированного экономического и социального развития, охрану окружающей среды на национальном, региональном и глобальном уровнях [1, с. 19]. В 2012 г. ООН организовала третью конференцию по устойчивому развитию, известную как «Рио+20», где приняли участие 192 государства-члена, компании частного сектора, НПО и другие организации. Результатом стал документ, не имеющий обязательной силы, под названием «Будущее, которого мы хотим», в котором страны подтвердили свою приверженность устойчивому развитию и учету интересов будущих поколений.

В рассматриваемый исторический период происходит усиление взаимосвязи МЭП с другими отраслями международного публичного права (морское право и др.); отмечается рост числа (и активности) международных неправительственных общественных объединений; сформулированные на двух конференциях Рио (1992 и 2012) принципы развития МЭП начинают реализовываться в отдельных обязательных конвенциях и договорах; усиливается ответственность государств за исполнение взятых на себя обязательств; в национальное законодательство ряда стран мира (включая Россию) внедряется принцип устойчивого развития.

Шестой (современный) этап начинается в 2015 г., когда Генеральная Ассамблея ООН принимает Резолюцию «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», которая предусматривает 17 целей и 169 задач в области устойчивого развития. Принятие данного документа является следующим шагом в сторону экосистемного подхода к охране окружающей среды. Этой же цели соответствует и вступившее в силу на следующий год Парижское соглашение по климату (2015), стороны которого обязались сделать все возможное, чтобы не допустить повышения средней температуры на планете на 2 °C по сравнению с доиндустриальным уровнем, а, еще лучше, сохранить ее на уровне ниже 1,5 °C. Кроме развития экосистемного подхода, характерной чертой современного этапа развития МЭП является дальнейшее развитие предосторожного подхода, когда экологические угрозы планируется предотвращать, а не бороться с их последствиями, и выплачивать компенсации. Среди прочего, такой выбор обусловлен тем, что привлечение государств к ответственности после причинения ущерба создает почву для международных конфликтов и влечет ослабление сотрудничества. Напротив, осуществление мероприятий профилактического характера позволяет правительствам и международному сообществу в целом избегать или уменьшать загрязнение без подобного риска [7, р. 76].

Следует подчеркнуть, что в настоящий период, кроме развития международного климатического сотрудничества (и национально-

го климатического, и энергетического законодательства), существует и другая тенденция – общее количество международных экологических актов (конвенций, договоров) в 2020-е гг. значительно меньше, чем в 1990–2010-е годы. Это говорит о цикличности развития МЭП, а также дает время мировому научному сообществу в этот период затишья выработать и обсудить новый амбициозный план охраны окружающей среды, в основе которого должен лежать экосистемный подход, проверенный временем.

Заключение

За последние без малого двести лет своего существования МЭП проделало значительную эволюцию, начав с регламентации режима использования отдельных видов природных ресурсов (рыб, животных) не столько в целях их охраны, сколько из экономических соображений, и дойдя до формулирования ЦУР и задач по охране климата. В настоящий момент действует более тысячи международных конвенций, двух- и многосторонних договоров, прямо или косвенно посвященных охране окружающей среды или ее отдельных компонентов. Эти международные акты посвящены борьбе с загрязнением океанов, воздуха и пресной воды; защите региональных морей; сохранению биологического разнообразия, водно-болотных угодий и объектов всемирного природного и культурного наследия; контролю за международной торговлей видами фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, опасными отходами и токсичными химическими веществами; защите глобального достояния (озоновый слой, климат, открытое море и Антарктида). Некоторые из этих международных актов являются обязательными соглашениями, а другие не имеют обязательной юридической силы.

За 200 лет значительно изменился международный организационный механизм охраны природы: кроме ЮНЕП действуют и другие международные (региональные) координационные, совещательные и иные органы, решающие различные природоохранные задачи. Однако, несмотря на очевидные и заслуживающие одобрения достижения, остается и ряд вопросов, требующих обсуждения.

1. Состояние мировых экосистем во многом зависит от политики и права отдельных национальных правительств. Однако для воздействия на национальное экологическое законодательство совершенно не обязательно разрабатывать международную конвенцию и предлагать государствам-членам ООН ее подписать и ратифицировать. Есть и другой путь. В 1992 г. в акте «мягкого» права (Декларации конференции ООН в Рио-де-Жанейро) был сформулирован принцип устойчивого развития. И хотя декларации ООН юридически необязательны, в России этот принцип реализован в десятках федеральных законов и подзаконных актов (например, в Лесном кодексе, Градостроительном кодексе, Федеральном законе «Об охране окружающей среды»). Из этого следует, что, когда рекомендации ООН носят продуманный и всеобъемлющий характер, учитывают позиции не только развитых, но и развивающихся стран, такие юридические не обязательные правила добровольно внедряются государствами в свое законодательство, а также реализуются на практике. В таких случаях авторитета ООН оказывается вполне достаточно, и состояние мировых экосистем хоть немного, но улучшается.

2. Продолжая эту мысль дальше, замечу, что Декларация «Рио+20» (2012) не имела такого эффекта (как декларации 1972 и 1992 гг.); при этом после 2015 г. рекомендательные акты (декларации) в таком формате по экологическому праву не принимались. Из этого следует, что в настоящий момент назрела задача разработки и принятия нового международного рекомендательного документа (по аналогии с декларацией Рио 1992 г.), который бы определил вектор развития международного и национального экологического права на ближайшие десятилетия.

Такой новой концепцией могли бы стать теории «зеленой» или циркулярной экономики либо новая правовая философия Земли (права Природы), о которой идет речь в докладе Генерального секретаря ООН от 1 августа 2016 г. «В гармонии с природой». Впрочем, здесь возможны и иные, самые разные варианты.

3. В современном виде ЮНЕП как глобальный координационный орган по охране окружающей среды не справляется со своими задачами, и требует реформирования в

целях придания ему статуса международной экологической организации и расширения его компетенции. Повышение статуса ЮНЕП позволит установить обязательный для исполнения государствами-участниками характер принимаемых им решений, усилит его контрольные функции и финансирование [6, с. 5–7]. Нерешенным в международном экологическом праве пока остается и вопрос о создании специализированного Международного экологического суда.

4. Начав с чисто антропоцентристских формулировок в первых природоохранных международных договорах, впоследствии МЭП проделало значительную эволюцию, однако полноценного перехода на экоцентричные стандарты ни на международном уровне, ни на уровне национальных государств пока не произошло. Именно эта задача и должна стать ключевой для шестого (современного) этапа развития МЭП. В целях ее решения одним из шагов может стать определение перечня специальных принципов международного экологического права и их юридического содержания. Специальные принципы МЭП сейчас включены в различные международно-правовые акты, но не все из них имеют универсальный характер. В настоящий момент на доктринальном уровне происходит обсуждение ряда новых специальных принципов МЭП, обусловленных современным состоянием мировых экологических систем и уровнем развития международного права, которые могут представлять интерес для представителей ООН. В идеале на уровне ООН необходимо принять единый международно-правовой акт универсального характера, закрепляющий единые для всего мирового сообщества отраслевые (специальные) принципы международного экологического права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермолина, М. А. Международное экологическое право и природоохранные режимы : учеб. пособие для вузов / М. А. Ермолина. – М. : Юрайт, 2020. – 149 с.
2. Зубарева, О. В. Россия и Глобальный экологический фонд: 25 лет сотрудничества / О. В. Зубарева // Вестник Московского университета. Серия 6, Экономика. – 2019. – № 5. – С. 65–79.

3. Копылов, М. Н. Международному экологическому праву 175 лет / М. Н. Копылов, С. М. Копылов, В. А. Мишланова // Московский журнал международного права. – 2014. – № 1. – С. 103–121.

4. Любченко, Е. В. История развития процесса формирования природоохранной системы на международном уровне / Е. В. Любченко // Столыпинский вестник. – 2021. – Т. 3, № 1. – С. 1–21.

5. Матыцин, Д. Е. Инвестиции в Интернете: дистанционные сделки с электронными эквивалентами обязательств и требований / Д. Е. Матыцин // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 57–68. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.8>

6. Прокофьева, Л. Д. Становление и развитие международного экологического права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Прокофьева Лариса Дмитриевна. – М., 2009. – 22 с.

7. Anabi, A. Study the Evolution of International Environmental Law / A. Anabi, M. Jalali // Amazonia Investiga. – 2018. – Vol. 7, № 13. – P. 72–81.

8. Berhane, T. Environmental Law Teaching Material / T. Berhane, M. Teklemedhn. – 2009. – 195 p.

9. Ilinskaya, O. I. International Legal Regulation in the Field of Environmental Protection: History, Currents Situation, Prospects for the Future / O. I. Ilinskaya // Kutafin Law Review. – 2021. – Vol. 8. – P. 247–269.

10. Okogbule, I. C. S. The Historical Development of International Environmental Law: A Legal Appraisal / I. C. S. Okogbule, D. O. N. Agwor, E. H. Nyekwere // Global Journal of Politics and Law Research. – 2022. – Vol. 10, № 8. – P. 33–54.

11. Ortúzar, F. International Environmental Law: History and Milestones / F. Ortúzar. – URL: <https://aida-americas.org/en/blog/international-environmental-law-history-and-milestones>

12. Weiss, E. B. The Evolution of International Environmental Law / E. B. Weiss. – URL: <https://www.vastbc.ca/articles/the-evolution-of-international-environmental-law>

REFERENCES

1. Ermolina M.A. *Mezhdunarodnoe ekologicheskoe pravo i prirodoohrannye rezhimy: ucheb. posobie dlya vuzov* [International Environmental Law and Environmental Regimes: Textbook for Universities]. Moscow, Yurayt Publ., 2020. 149 p.

2. Zubareva O.V. Rossiya i Globalnyj ekologicheskij fond: 25 let sotrudnichestva [Russia and the Global Environment Facility: 25 Years of Cooperation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika* [Bulletin of the Moscow University. Series 6. Economics], 2019, no. 5, pp. 65–79.

3. Kopylov M.N., Kopylov S.M., Mishlanova V.A. Mezhdunarodnomu ekologicheskomu pravu 175 let [International Environmental Law 175 Years Old]. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of International Law], 2014, no. 1, pp. 103–121.

4. Lyubchenko E.V. Istoriya razvitiya processa formirovaniya prirodoohrannoj sistemy na mezhdunarodnom urovne [History of the Development of the Process of Formation of the Environmental Protection System at the International Level]. *Stolypinskij vestnik* [Stolypin Bulletin], 2021, vol. 3, no. 1, pp. 1–21.

5. Matytsin D.E. Investicii v Internetе: distancionnye sdelki s elektronnyimi ekvivalentami obyazatelstv i trebovanij [Investments on the Internet: Remote Transactions With the Electronic Equivalents of Obligations and Requirements]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 57–68. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.8>

6. Prokofieva L.D. *Stanovlenie i razvitie mezhdunarodnogo ekologicheskogo prava: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Formation and Development of International Environmental Law. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2009. 22 p.

7. Anabi A., Jalali M. Study the Evolution of International Environmental Law. *Amazonia Investiga*, 2018, vol. 7, no. 13, pp. 72–81.

8. Berhane T., Teklemedhn M. *Environmental Law Teaching Material*, 2009. 195 p.

9. Ilinskaya O.I. International Legal Regulation in the Field of Environmental Protection: History, Currents Situation, Prospects for the Future. *Kutafin Law Review*, 2021, vol. 8, pp. 247–269.

10. Okogbule I.C.S., Agwor D.O.N., Nyekwere E.H. The Historical Development of International Environmental Law: A Legal Appraisal. *Global Journal of Politics and Law Research*, 2022, vol. 10, no. 8, pp. 33–54.

11. Ortúzar F. *International Environmental Law: History and Milestones*. URL: <https://aida-americas.org/en/blog/international-environmental-law-history-and-milestones>

12. Weiss E.B. *The Evolution of International Environmental Law*. URL: <https://www.vastbc.ca/articles/the-evolution-of-international-environmental-law>

Information About the Author

Anatoly Ya. Ryzenkov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Civil Law and Procedure, Kalmyk State University, Pushkina St, 11, 358000 Elista, Russian Federation, 4077778@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2015-1709>

Информация об авторе

Анатолий Яковлевич Рыженков, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет, ул. Пушкина, 11, 358000 г. Элиста, Российская Федерация, 4077778@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2015-1709>

Миссия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» – поддержка научных исследований в области юриспруденции, создание международной дискуссионной площадки для обсуждения исторических закономерностей и актуальных проблем современного права как теоретического, так и прикладного характера; публикация основных результатов, полученных в ходе написания диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук, а также научных исследований, издаваемых при финансовой поддержке научных фондов. Миссия журнала реализуется посредством формирования высокопрофессиональной и этичной редакционной политики, позволяющей выпускать издание высокого качества, в котором поддерживаются лучшие практики высшей школы, традиции академической культуры и публикуются творческие оригинальные научные статьи, хроники научной жизни, критические и библиографические обзоры российских и зарубежных исследователей.

Журнал «Legal Concept = Правовая парадигма» включает следующие рубрики: Главная тема номера; Теория и практика государственно-правового развития; Вопросы частноправового регулирования: история и современность; Правовые проблемы охраны окружающей среды и использования природных ресурсов; Противодействие преступности и дифференциация уголовной ответственности; Процессуальное право: вопросы теории и правоприменения; Цифровая трансформация правового регулирования; Международное право и сравнительное правоведение; Критика и библиография; Хроника научной жизни.

Совокупность рубрик журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» соответствует группе научных специальностей 5.1. Право Номенклатуры специальностей научных работников.

The mission of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal is to support research in the field of law; to provide an international platform for discussing historical patterns and urgent issues of modern law, both theoretical and applied ones; to publish the main results obtained in the course of writing theses for the degree of Candidate and Doctor of Sciences (Jurisprudence), as well as studies funded by scientific foundations. The mission of the journal is implemented through forming a highly professional and ethical editorial policy, which allows to create a high-quality publication, which supports the best practices of higher education, traditions of academic culture and publishes creative original scientific articles, chronicles of scientific life, criticism and bibliographic reviews of Russian and foreign researchers.

Legal Concept = Pravovaya paradigma journal includes the following sections: Mainstream Issue; Theory and Practice of State and Legal Development; Private Law Regulation Issues: History and Contemporaneity; Legal Issues of Environmental Protection and Use of Natural Resources; Crime Prevention and Legal Liability Differentiation; Procedural Law: Theory and Law Enforcement Issues; Digital Transformation of Legal Regulation; International Law and Comparative Jurisprudence; Criticism and Bibliography; Chronicle of Scientific Life.

The sections of *Legal Concept = Pravovaya paradigma* journal correspond to the group of scientific specialties 5.1. Law according to the Nomenclature of specialties of academic researchers.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik5@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik5@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Legal Concept = Правовая парадигма».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://j.volsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of the journal publishes only original articles.

2. The submission, review, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant, must have novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik5@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik5@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Legal Concept = Pravovaya paradigma* printed periodical.

The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.

The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://j.volsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

